

Министерство образования Ставропольского края
Ставропольский государственный педагогический институт

На правах рукописи

Каргина Ирина Михайловна

**Синтаксическая неполнота предложения в когнитивно-
дискурсивном, информационном и изофункциональном аспектах**

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук
профессор Ю.Ю. Леденев

Ставрополь 2015

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Лигвистическая теория синтаксической неполноты.....	12
1.1. Неполное предложение в русском языке: проблемы теоретического описания.....	12
1.2. Состав синтаксических явлений, традиционно относимых к проявлениям синтаксической неполноты.....	37
1.3. Проблема разграничения синтаксической неполноты и смежных явлений.....	66
1.4. Необходимость введения дополнительных критериев выделения синтаксической неполноты.....	76
Выводы к главе 1.....	83
Глава 2. Синтаксическая неполнота в когнитивном и информационно-дискурсивном аспектах.....	86
2.1. Когнитивно-дискурсивный и изофункциональный аспекты исследования неполного предложения.....	86
2.2. Информационно-дискурсивный подход к изучению неполного предложения.....	95
2.3. Когнитивные механизмы формирования информационной лакуны.....	104
2.4. Проблема выявления семантической неполноты и отсутствие ее противопоставленности синтаксической неполноте.....	113
2.5. Изофункциональность неполных конструкций.....	124
Выводы к главе 2.....	131

Глава 3. Классификация неполных конструкций в русском языке..	135
3.1. Основы классификации неполных синтаксических конструкций.....	135
3.2. Формальный аспект: структурно-детерминированные и структурно-недетерминированные неполные конструкции.....	142
3.3. Семантический аспект: однозначность – неоднозначность позиции опущенного компонента.....	146
3.4. Информационный и дискурсивный аспекты: неполные конструкции, соотнесенные с вербализованной информацией – неполные конструкции, соотнесенные с невербализованной информацией.....	151
3.5. Изофункциональный аспект: Конструкции с наличием-отсутствием полного изофункционального варианта.....	156
Выводы к главе 3.....	160
Заключение.....	164
Список используемой литературы.....	174
Список словарей, справочников и энциклопедий.....	200
Список литературных источников.....	202

Введение

Актуальность исследования. Проблемы компрессии плана выражения в неполных конструкциях и успешного функционирования «сжатых» высказываний в дискурсе находятся в центре внимания современных ученых – их решение позволило бы получить принципиально новые данные о способах кодирования языковой информации. Синтаксическая неполнота относится к самым частотным явлениям повседневного дискурса, и ее описание с учетом различного рода факторов особенно актуально. По мнению П.А. Леканта, различие полных и неполных предложений очень важно для лингвистической теории и учебной практики. О необходимости многоаспектного изучения неполных синтаксических конструкций заявляют и многие другие исследователи (Бабайцева В.В., 2000; Ванников Ю.В., 2000; Иванов Н.В., 2009; Ильенко С.Г., 2003; Казенин К.И., 2007; Касевич В.Б., 2004; Копотев М.В., 2007; Коровин М.М., 2002; Леонтьева Н.Н., 2005; Грудева Е.В., 2011; Факторович А.Л., 1991; Бондаренко А.Г., 2002; Иванова Е.Ю., 2003; Коваленко Е.В., 2006 и др.).

Данные современных синтаксических теорий позволяют по-новому осветить такие непростые вопросы, как состав, статус и функционирование неполных предложений в современном русском языке. В настоящей работе неполные синтаксические конструкции рассматриваются в русле новейших лингвистических подходов: исследование проводится в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с использованием информационного и изофункционального подходов, предпринимается попытка объяснительного подхода. Привлекаются данные философии, психологии, психолингвистики, когнитологии, теории информации, что для современной

межпредметной парадигмы лингвистики является актуальным.

Объект диссертационного исследования – неполные синтаксические конструкции в современном русском языке: неполные предложения, неполные предикативные части сложных предложений, неполные высказывания.

Предметом исследования выступают когнитивно-дискурсивный, изофункциональный и информационный аспекты явления синтаксической неполноты.

Цель диссертации – провести системное исследование неполных синтаксических конструкций и информационно-дискурсивных механизмов формирования синтаксической неполноты. Для достижения этой цели потребовалось решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать способы синтаксической репрезентации плана содержания и плана выражения в неполных синтаксических конструкциях; выявить когнитивные, дискурсивные и внутренние языковые факторы, воздействующие на механизм синтаксической неполноты.

2. Исследовать явление информационной лакуны и когнитивно-дискурсивные механизмы ее формирования в структуре высказывания, а также ее воздействие на формирование неполной конструкции.

3. Построить типологию разновидностей информационной лакуны.

4. Изучить соотношение и описать характерные особенности синтаксической и семантической неполноты.

5. Построить систему классификационных критериев неполных синтаксических конструкций.

В основу исследования положена **гипотеза**: причины и глубинные механизмы синтаксической неполноты кроются в когнитивной структуре и заключаются в образовании информационной

лакуны, связанной с дискурсивной ситуацией и обусловленной ею; вследствие этого особенности и возможности реконструкции неполного предложения определяются когнитивно-дискурсивными факторами.

Материалы исследования получены методом сплошной выборки, при этом основная картотека эмпирического материала включает более 2500 предложений и высказываний.

Источниками материала являются тексты художественной литературы и публицистики конца XX – начала XXI в., а также высказывания из русской разговорной речи.

Методологической основой послужили исследования в области структурно-семантического (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, Е.И. Диброва) и функционально-семантического (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова) подходов; теории переходности и изофункциональности (В.В. Бабайцева, Ю.Ю. Леденев); работы, посвященные типологии предложения (В.В. Бабайцева, К.Я. Сигал, П.А. Лекант, А.А. Чувакин); лингвокогнитивные (Е.С. Кубрякова, Р.М. Фрумкина, З.Д. Попова, Г.А. Волохина, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, Р. Лэнекер, Р. Джакендофф, Дж. Лакофф, А. Вежбицкая, Л. Талми, Ч. Филлмор, А. Ченки и др.) и коммуникативно-прагматические (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, Г.А. Золотова, А.Е. Кибрик, Г.В. Колшанский, Е.В. Падучева, Г.Г. Почепцов, Ю.С. Степанов, Т. ван Дейк, Дж. Остин, О.С. Столнейкер и др.) исследования; работы, посвященные информационно-дискурсивному подходу (Г.Н. Манаенко, Ю.Ю. Леденев).

Методы исследования включают в себя общенаучные и частнонаучные методы, дополняющие друг друга. К общенаучной

методологии относится системный подход. Частнонаучные методы исследования:

– метод наблюдения и описания, который дает возможность выявить и описать структурные, семантические, функциональные, когнитивно-дискурсивные и информационные свойства и особенности неполных синтаксических конструкций;

– трансформационный метод, который позволяет показать пределы изменений, которые может претерпеть исследуемая конструкция;

– метод изофункциональных преобразований, основанный на выявлении инвариантной конструкции и ее изофункциональных вариантов; его применение позволяет определить положение исследуемой конструкции в системе синтаксических ярусов, релевантные свойства незамещенной синтаксической позиции и ее функциональную нагрузку;

– метод лингвокогнитивного моделирования, дающий возможность построить когнитивную модель конструкции, содержащей информационную лауну, и объяснить синтаксические процессы, которые происходят при ее языковой репрезентации.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Разработана и обоснована классификация неполных синтаксических конструкций по их информационно-дискурсивным параметрам, а именно – по характеру информационной лауны.

2. Предложен новый дистинктивный критерий синтаксической неполноты – изофункциональный, согласно которому неполная конструкция является вариантом соответствующей полной, в которой заложены различные потенции неполноты.

3. Адаптированы методики синтаксического анализа с учетом свойств актуального дискурса; введено понятие информационной лакуны и описаны ее разновидности.

4. Предложена новая типология неполных синтаксических конструкций, учитывающая все возможные случаи их реализации и функционирования.

Теоретическое значение исследования заключается в следующем:

1) впервые неполные предложения исследуются в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы с использованием информационного и изофункционального подходов; предпринимается попытка их объяснительного исследования;

2) выявлены когнитивные механизмы формирования синтаксической неполноты, в основе которых лежит формирование синтаксической лакуны в когнитивной структуре высказывания;

3) описаны информационная структура лакуны в когнитивной структуре высказывания и ее возможные разновидности;

4) выявлены возможные когнитивно-дискурсивные причины формирования синтаксической неполноты;

5) осуществлен многоаспектный подход к классификации неполных синтаксических конструкций, позволяющий снять противопоставление синтаксической и семантической неполноты;

6) предложена новая классификация неполных синтаксических конструкций по совокупности пяти параметров.

Полученные в исследовании результаты могут быть полезны не только лингвистам, но и специалистам в области когнитологии, психолингвистики, теории информации и антропологии, изучающим процесс коммуникации.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что

ее результаты могут использоваться в преподавании современного русского языка в вузе, на спецкурсах и спецсеминарах по синтаксису, когнитивной лингвистике, грамматике, теории коммуникации для студентов факультетов филологии, на школьных факультативах, для машинного моделирования языка и систем перевода, при создании упражнений для курса русского языка как иностранного. Методы и приемы анализа, используемые в работе, применимы и в дальнейших исследованиях информационных и когнитивно-дискурсивных особенностей синтаксических конструкций, а также при изучении проблемы актуального дискурса и речевой экономии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Системы полного и неполного предложений существуют в качестве альтернативных способов синтаксического выражения одной и той же информации о фрагменте картины мира говорящего, но с разными коммуникативным рангом и фокусом. При формировании неполного предложения наиболее актуальная информация эксплицируется, тогда как уже известная, менее важная или менее актуальная информация имплицитруется. Этим достигается больший по сравнению с полным высказыванием контраст между наиболее и наименее информационно значимыми для дискурса фрагментами сообщения.

2. Информационная лакуна – это случайное или намеренное «выпадение» фрагмента когнитивной информации, которое проецируется на семантическую и/или синтаксическую структуру высказывания. Принципиальное различие между синтаксической и семантической неполнотой состоит во включенности информационного фрагмента в сообщение. В случае семантической неполноты лакуна формируется на месте фрагмента информации, не включенного в сообщение. В случае синтаксической неполноты лакуна

формируется на месте фрагмента информации, включенного в сообщение.

3. Лакуна в синтаксической структуре подчиняется общим правилам теории информации и может быть четырех разновидностей: восполнимая, некритичная (эллиптические и равные им по статусу конструкции), в них происходит компенсация с помощью информации, содержащейся внутри самой конструкции; восполнимая, критичная (большинство конструкций, традиционно выделяемых как неполные), где происходит реконструкция информации за счет дискурса и пресуппозиций; невосполнимая, некритичная (употребление конструкций с лакунами, не влияющими на целостность дискурса), при этом происходит субституция отсутствующей информации с помощью наиболее вероятной; невосполнимая, критичная (коммуникативные неудачи), где реконструкция необходимого компонента невозможна.

4. Синтаксическая неполнота – системное языковое явление, охватывающее все сферы от когниции до дискурса. Она позволяет оптимизировать речь для условий соответствующего дискурса; является связующим фактором в дискурсе и служит средством фокусировки информации. Семантическая неполнота, напротив, – асистемное явление, она представляет собой результат системных и операциональных сбоев, является разрушительным фактором для дискурса.

5. Классификация неполных синтаксических конструкций может быть построена по принципу бинарного членения на основании следующих критериев: 1) детерминированность структуры неполной конструкции; 2) ее зависимость от дискурсивной информации; 3) степень однозначности незамещенной позиции и 4) ее соотнесенность с вербализованной информацией; дополнительным критерием может выступать 5) возможность существования

изофункционального полного варианта конструкции.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования, объем анализируемого материала репрезентативен, поскольку включает широкий круг синтаксических конструкций; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей Ставрополя, Москвы, Волгограда, Краснодара, Пятигорска, Тамбова.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлены в публикациях, докладах и выступлениях на следующих конференциях:

- межрегиональных научно-практических конференциях СГУ «Университетская наука – региону» (Ставрополь, 2005–2012 гг.);
- научно-практических конференциях преподавателей и студентов СГПИ (Ставрополь, 2010–2014 гг.);
- интернет-конференциях СГУ 2011–2013 гг.;
- научных конференциях преподавателей и студентов МГЭИ (Ставрополь – Москва, 2009–2013 гг.);
- межрегиональной научной конференции «Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации» (Волгоград, 2014 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Общий объем диссертации составляет 202 с. Список использованной литературы содержит 270 наименований.

Глава 1. Лингвистическая теория синтаксической неполноты

1.1. Неполное предложение в русском языке: проблемы теоретического описания

Проблема неполноты предложения относится к одному из наименее разработанных вопросов русского синтаксиса. Принципы классификации неполных конструкций также связаны с исходными теориями. Разные подходы обуславливают выделение различных границ класса неполных предложений, а, следовательно, увеличивают или уменьшают количество классификационных компонентов, в конечном итоге видоизменяя всю классификационную систему. К числу проблемных вопросов следует отнести смешение различных аспектов при классификации.

Структурная классификация предложений русского литературного языка (его письменной формы) не выделяет неполные предложения в качестве специфических единиц: согласно ей, они представляют собой модификацию двусоставных и односоставных предложений. Убедительными доказательствами этому утверждению могут служить, во-первых, тождественность синтаксических значений языковых единиц как в полных одно- и двусоставных предложениях, так и в неполных, а во-вторых, идентичность многих особенностей предложений традиционной структуры в предложениях с неполным составом членов. Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что повествовательные и вопросительные односоставные и двусоставные предложения в письменной разновидности русского литературного языка могут существовать в двух ипостасях: полной и

неполной.

Следует отметить также, что неполные предложения с одним главным членом, как правило, являются частью сложных синтаксических конструкций, а предложения неполного состава с двумя главными членами могут бытовать в письменной речи вполне самостоятельно. Внутренняя классификация предложений неполной структуры как раз и основывается на том, какой именно член предложения в них опущен, причем это могут быть не только главные, но и второстепенные члены предложения. Идентификаторами неполных предложений могут выступать как общие признаки нарушения их грамматической структуры и незаконченность содержательной стороны, так и специфические черты, характеризующие пропуск конкретного члена предложения.

По мнению П.А. Леканта, «различение полных и неполных предложений очень важно для лингвистической теории и учебной практики. При изучении синтаксиса различение полных и неполных предложений должно быть четким, опираться на строгие языковые критерии. Нельзя превращать неполные предложения в инструмент, с помощью которого те или иные нестандартные структуры "подгоняются" под идеальные модели предложения» (Лекант 2007: 462).

В письменной речи бытование предложений неполной структуры становится возможным, поскольку существуют благоприятные для этого условия: языковые единицы неполного предложения, которые необходимо конкретизировать, способны различными средствами подсказывать, с какими именно словами они соотносятся, а также немаловажную роль здесь играет контекстуальное окружение. Это значит, что предложения, например, с опущенным

подлежащим или сказуемым будут все равно понятны и осмыслены, поскольку имеют общие с остальным контекстом слова и грамматико-синтаксические формы. Впрочем, если поясняющее предложение в контексте располагается после неполного, то важную роль здесь играют и средства связи, состыковки синтаксических единиц. В их качестве могут выступать личные местоимения, общие словоформы полного и неполного предложений, соотносимые друг с другом, или же весь смысл определенного контекста в целом.

Появление предложений неполной структуры в письменной речи можно объяснить прежде всего стремлением носителей языка к экономии речевых средств, о чем пишет в своей работе лингвист Богородицкий (Богородицкий 2005: 135). По мнению П.А. Леканта, контекстуальные неполные предложения, характеризующиеся пропуском одного или нескольких членов и словесно обозначенные в контексте, позволяют «...избежать повторения одного и того же слова, делают речь лаконичнее, динамичнее» (Лекант 2007: 465). Однако представляется, что эта причина не единственная.

В качестве фактора, влияющего на употребление неполных предложений, можно выделить еще и реализацию их стилистического потенциала при ритмико-мелодической организации письменного контекста. В письменной форме речи из неполных чаще используются двусоставные предложения, а вот односоставные неполные предложения присутствуют в ней гораздо реже. Кроме того, в письменных текстах гораздо реже встречаются неполные сложные предложения, когда опускается и пропускается одна из его структурных частей. Данное явление представляется более типичным для устной формы речи, поскольку бытует исключительно в устных диалогах.

Письменная форма речи своей спецификой определяет и специфику неполных предложений в ней: они всегда имеют формальный показатель неполноты своей структуры, находящийся непосредственно в предложении (при условии наличия определяемого слова). В отличие от письменной, в устной форме речи пропуск какого-либо члена предложения бывает не настолько заметен и может проявляться только в конкретных фактических условиях использования неполного предложения. Добавим также, что в предложениях такого типа опускается, как правило, либо только один член, либо два, но не более. И даже если предложение неполной структуры представляет собой конструкцию только из второстепенных членов, они могут и вне контекста быть понятными, поскольку достаточно легко соотносятся с полными предложениями, похожими по структуре и форме.

Для письменной формы речи наиболее характерными являются неполные предложения с пропуском подлежащего. Причиной тому служит особенность бытования сказуемого в предложениях в рамках определенного контекста: оно может отсутствовать только в одной из предложных конструкций, сопоставимых друг с другом по характеру содержания. Такое сопоставление в письменной речи реализуется в пропусках сложного предложения, следовательно, и пропуск сказуемого здесь возможен только в рамках сложных предложных конструкций.

На письме повествовательные и вопросительные предложения неполного структурного типа тождественны предложениям полного структурного типа, то есть неполные предложения бывают односоставными и двусоставными, соотносясь в этом отношении с более традиционными полными предложениями. Подтверждениями

данного факта могут служить, во-первых, совпадение синтаксических функций языковых единиц, присутствующих и в том, и в другом типе предложений, а во-вторых, сохранением специфики односоставных предложений в их неполной форме. Примером могут выступить инфинитивные предложения. Их структурный вид определяется, даже в случае пропуска главных членов, наличием хотя бы одного элемента главного члена или конкретных второстепенных членов.

Сделаем следующий вывод: выделение объекта нашего исследования напрямую определяется характером типологии неполных предложений. Исходя из вышесказанного, можно отметить, что основными объектами внимания исследователя являются сфера бытования (письменная форма речи и разговорная (устная) форма речи); форма организации речи (монолог или диалог); соотношение предложения с дискурсом; специфика воспроизведения предложений в речи.

На основании этих признаков П.А. Лекантом представлена следующая классификация неполных конструкций

1. неполносоставные предложения монологической речи;
2. неполные предложения-реплики в диалоге;
3. ситуативные реплики;
4. неполные предложения-фразеологизмы;
5. эллиптические предложения;
6. безглагольные односоставные и двусоставные предложения (Лекант 1983: 3-20).

Однако, сам термин «неполные предложения» лингвист не приемлет, а предлагает собственные терминологические единицы, которые и обозначают данный структурный тип в разных вариациях, названные им неполносоставными предложениями монологической

речи, а также репликами диалога и ситуативными репликами. Языковед отмечает, что такие конструкции, рассматриваемые вне контекста, не будут законченными с точки зрения содержания, тем не менее, их смысл становится ясен, если соотнести их с остальным текстом или речевой ситуацией в целом (Там же: 20). Относительно фразеологических и эллиптических предложений ученый придерживается мнения, что они являются полными, поскольку «эллиптические предложения не могут рассматриваться как неполные. Они не имеют соотносительных полных вариантов. В эллиптических предложениях глагол сокращен без возмещения в контексте» (Лекант 2007: 465).

Проанализируем типологическую классификацию Леканта более тщательно.

В первую очередь к неполносоставным ученый причисляет предложения с пропуском какого-нибудь члена, вербально зафиксированного в контексте, бытующие в монологической речи. Ср.:

У них никакого понятия, даже представиться по уму, и то нет (В. Пелевин).

Неполносоставным в данном контексте является второе предложение, поскольку в его составе отсутствует главный член.

Как считает П.А. Лекант, неполносоставное предложение не может быть неполным в значении «неполноценного», наоборот, это вполне самостоятельная синтаксически законченная единица, имеющая соответствующую завершённую интонацию (конечную интонацию) и выражающая законченную мысль. Однако лингвист признает, что законченность мысли достигается путем опоры на остальное контекстуальное окружение, из которого становится понятно, какой именно член предложения был пропущен. Так же, он отмечает, что

неполносоставные предложения могут употребляться и в письменной, и в устной речевых формах, потому что и в том, и в другом случае присутствует соответствующий лингвистический контекст. Организация речи в виде монолога дает возможность носителю языка ориентироваться на аудиовизуальные (звуковые и графические) словесные образы, закрепленные в его сознании, потому что они уже были произнесены вслух, либо зафиксированы в тексте.

Исходя из данной концепции П.А. Леканта, в рамках нашей терминологической системы неполносоставное предложение можно идентифицировать в качестве полноценной коммуникативной языковой единицы в особых условиях ее употребления, то есть в конкретном дискурсе, когда информативная лакуна может быть заполнена при помощи окружающего контекста.

И все же, при рассмотрении грамматической составляющей предложения как синтаксической единицы, неполносоставное предложение, «вырванное» из контекста, будет неполным. Если рассматривать его изолированно, то можно констатировать наличие здесь деформации синтаксических связей и отношений. В уже приводившемся выше в качестве примера предложении («*представиться по уму, и то нет*») глагольная форма передает собой действие, совершаемое кем-то, кто в данном конкретном случае не называется, а только обозначается. Следовательно, взаимоотношения действия и субъекта его производящего деформированы. В приведенном нами примере синтаксические отношения между ними были нарушены.

Деформация синтаксических связей возникает как раз именно тогда, когда опускается или пропускается какой-либо главный или второстепенный член предложения, то есть количественно (и

качественно) изменяется его состав, поэтому и называются такие предложения неполносоставными.

По показателям частотности употребления в речи лидирующее место занимают неполносоставные предложения с пропуском подлежащего. Пропуск сказуемого фиксируется в таких конструкциях гораздо реже, поскольку именно в этом члене предложения сконцентрирована основная семантика предложения

Внешним показателем пропуска сказуемого выступает контекстуальное окружение предложения, в составе которого данный член предложения вербально присутствует. Внутренним показателем неполноты предложения выступает наличие соотносимых со сказуемым второстепенных членов, которые зависят от него.

Следовательно, какой именно член неполного предложения отсутствует, можно выяснить из окружающего его контекста, а также проанализировав словесные формы внутри самого предложения неполной структуры.

Обратимся к следующему виду неполных предложений по классификации П.А. Леканта — это диалогические реплики. Наиболее характерными и часто употребляемыми они являются для устной разновидности речи. Их отличительными чертами выступают краткость и особая семантика, включающая в себя сообщение о чем-то новом и наиболее существенном, что автор высказывания хотел бы сообщить своему партнеру.

Для диалогически организованной речи не характерны повторы уже произнесенных ранее слов, таким образом, все элементы диалога оказываются тесно взаимосвязаны. И они уже не могут анализироваться изолированно. Да и сам контекст здесь имеет свою специфику, отличную от рассмотренного нами ранее монологического

типа организации речи, потому и диалогические реплики, по нашему мнению, нельзя относить к неполносоставным предложениям. Произносящий их человек воспроизводит слова своего коммуникативного партнера, либо использует в речи уже известные ранее информационные элементы. Взаимосвязанные таким образом реплики собираются в своеобразную цепь, головной деталью которой выступает полное предложение.

Кроме непосредственно вербальных элементов устная диалогическая форма речи зачастую включает в себя невербальные средства: жесты и мимику. Любая отдельно взятая реплика здесь представляется самостоятельной коммуникативной единицей, и отождествлять ее с членами предложения можно, только если искусственно «восстановить» все остальные элементы предложения, «выловленные» из речи других участников диалога

Исключение из диалогических реплик повторяющихся слов и словосочетаний продиктовано специфическими чертами организации данной формы речи - лаконичностью и динамичностью. Как особый тип оформления высказывания диалог подразумевает наличие у него собственной композиции, закономерностей. В диалогической конструкции не может быть менее двух предложений. Открывающее диалог высказывание представляет собой, как правило, распространенное полное предложение. Последующие элементы — это реплики, содержащие в себе взаимосвязанные друг с другом словоформы и словосочетания и совместно выражающие общее содержание контекста.

Таким образом, становится явным, что диалогические реплики позиционируются как единое целое, где одна часть связана с другой и семантически, и грамматически. По мнению П.А. Леканта, каждая из

них представляет собой отдельную самостоятельную коммуникативную единицу, несмотря на очевидную грамматическую неполноту (Лекант 1983: 13-14).

Возвращаясь к классификационному делению неполных предложений П.А. Леканта, проанализируем следующий их тип — ситуативные реплики (Лекант 1983: 15-16). В своих исследованиях языковед рассматривает их как коммуникативные единицы, употребляемые в качестве самостоятельных, но только в рамках определенной ситуации. То есть, в данном случае для прояснения смысла неполного предложения и восстановления пропущенных в нем слов необходимо учитывать характер обстановки, в которой ведется общение. Именно в ней заключены явления и понятия, фигурирующие в высказываниях говорящих. П.А. Лекант также отмечает, что внутри типа ситуативных реплик нет единства, их можно дифференцировать по цели высказывания, структурному составу и формам выражения. Ученый обозначил их две наиболее обширные группы (Лекант 1983: 15):

1. Ситуативные реплики-предикаты называют или характеризуют предмет, уже знакомый говорящему, либо дают определение действиям, совершенным данным предметом.

2. Ситуативные реплики побудительного характера обычно выражаются зависимыми формами слова и снабжаются побудительной интонацией. Глагольные словоформы в них, как правило, опускаются, впрочем, для реализации содержания предложения они не нужны.

Характерная структура ситуативных побудительных предложений — одно слово или словосочетание, причем предложение может состоять только из единственного второстепенного члена, который, тем не менее, реализует всю полноту своего содержания в

данной ситуации, например:

Эй, официант, коньяку! (М. Веллер)

Пистолет! Скорее, сюда на стол! (Г. Адамов)

Секретарь, документы сюда немедленно! (Г. Адамов)

Данные предложения выражают требование определить какой-либо предмет, выраженный именем существительным в винительном или родительном падеже, и являются здесь ситуативными репликами.

Ситуативные реплики, выражающие побуждение к движению, представляют собой наречие или сочетание существительного с предлогом, и указывают целевое или пространственное направление движения. При этом словоформы существительных в составе ситуативной реплики имеют твердо фиксированный вид: форма винительного падежа с предлогами на, в, а также форма дательного падежа с предлогом к, например:

До свидания! Я в гостиницу... (С. Довлатов).

Проходите, располагайтесь! Прошу к столу! (М. Веллер).

А ты помалкивай! За мной! (М. Веллер).

Особый вид неполных предложений в классификации П.А. Леканта — это фразеологизированные предложения, также относимые ученым к самостоятельным коммуникативным единицам (Лекант 1983: 17). Их особенность состоит в том, что они совершенно не нуждаются в пополнении. Полнота выражения их содержания не зависит от контекстуального или ситуативного окружения предложения, потому что данные конструкции не создаются говорящим, а воспроизводятся в тексте уже в качестве готовых элементов. Отсюда же вытекает и нерасчлененность их структуры — здесь невозможно выделить какие-либо члены предложения.

П.А. Лекант включает в состав данной группы, например,

следующие единицы: *До свидания! Ваше здоровье!* а также так называемые речевые штампы — образования, воспроизводимые в разговорной речи в готовом неизменном виде: *Что угодно? Милости просим! Какими судьбами?* и т.д.

Эллиптические предложения в классификации П.А. Леканта также занимают особое место (Лекант 1983: 17). Языковед считает, что "эллиптические предложения не могут рассматриваться как неполные. Они не имеют соотносительных полных вариантов. В эллиптических предложениях глагол сокращен без возмещения в контексте" (Лекант 2007: 465) . Заключенная в предложениях данного типа семантика действия с точки зрения П.А. Леканта, соотносима с глагольными формами трех групп:

- формы глаголов со значением движения (*Мне хоть на гауптвахту, да только поскорей вырваться отсюда.* (М. Веллер);

- формы глаголов со значением с активного физического действия (*Умел он за своевременные поставки и взяткой, и подарочком, и тем, и сем...* (М. Веллер);

– формы глаголов со значением динамики речи, мысли (*Он - слово, она - два... И пошло-поехало* (М. Веллер).

Как отмечает лингвист, такие предложения выражают общую семантику движения, активные физические действий или динамику говорения, мышления. Данная семантика не может быть выражена при помощи глаголов с конкретным значением. Восстановить в эллиптическом предложении «опущенный» глагол, таким образом, не представляется возможным, поскольку это приведет к изменению общей семантики высказывания, и фактически будет способствовать образованию другого предложения. Сильно обобщенная содержательная сторона эллиптического предложения предоставляет

несколько вариантов подходящих сюда по смыслу глагольных форм («Мне хоть на гауптвахту» – «попасть»; «загреметь» и др.). Их последовательное применение в структуре конкретного предложения данного типа порождает несколько новых предложных конструкций, выражающих уже другое, более узкое содержание, поскольку в них определяются более конкретные действия, чем в предложении-основе.

Исходя из рассмотренного выше, мы можем сделать вывод, что П.А. Лекант не лишает эллиптические предложения с пропуском глагольной формы возможного статуса семантически законченного высказывания. Причем предложения эллиптического типа могут выражать конкретное содержание, даже если они изолированы от основного контекста. Их смысловая самодостаточность в этом случае не теряется (Лекант: 1983: 19).

Свою классификацию, отличную от типологического деления П.А. Леканта, предложила Е.С. Скобликова (Скобликова 2006: 137-145). По ее мнению, неполными можно считать предложения, набор членов в которых недостаточен для завершения заключенной в них мысли (Скобликова 2006: 137). Среди общей массы предложений данного типа она дифференцированно определяет конкретно неполные предложения и эллиптические.

Наблюдая за структурой неполного предложения, Е.С. Скобликова выделила их специфические характеристики:

- зависимое контекстуальное положение;
- ведущая область применения — диалогическая разговорная речь;
- структурно они тождественны односоставным и двусоставным традиционным полным предложениям.

Последний пункт представляется несколько противоречивым,

что признает и сама Е.С. Скобликова, делая соответствующее примечание о том, что тождественность неполного предложения с конкретным видом полного с полной точностью может быть установлена далеко не всегда (Скобликова 2006: 140).

Проблема корреляции неполных предложений с соответствующими типами полных представляется не слишком сложной в тех случаях, когда на своем месте в предложении остаются глагольные формы.

А что все? Соберутся вместе, посидят по-мужски. (В. Шукшин) (второе предложение в примере будет неопределенно-личным)

Настолько же явно просматривается тождественность неполного и полного предложений в диалогических репликах, содержащих в себе ответ на заданный ранее вопрос, даже при отсутствии в них глагольной формы, например:

- *Городские власти как-то поддерживают эти фирмы?*
- *Советами, но не деньгами.* (КП, 2010, № 39)

В данном примере ответ на вопрос представляет собой усеченную форму полного предложения. Но во многих случаях определить, с каким именно видом полного предложения можно отождествить неполный вариант бывает очень сложно. В этом случае содержательная сторона неполных предложений будет определяться путем соотнесения ее с ситуативными моментами и семантическим значением присутствующих членов предложения, без обращения к аналогиям в сфере типологии полных предложений. Отсюда вытекает, что у опущенных в предложении слов, содержание которых базируется на ситуативном окружении, а не на контекстуальном, будет очень сильно затемнена семантико-грамматическая определенность.

Вынося в отдельную группу эллиптические предложения, Е.С. Скобликова, поясняя свою позицию, дает им следующее определение: «Особый тип предложений, занимающих как бы промежуточное положение между полными и неполными» (Скобликова 2006: 141). Как и в обычных неполных предложениях здесь можно констатировать нарушение грамматических связей, однако специфика эллиптических предложений заключается в том, что их содержание остается вполне понятным, даже когда они рассматриваются изолированно от основного контекста или ситуации речи. Отсутствие грамматической детали компенсируется в этом случае семантическим значением элементов, имеющих в предложении. Е.С. Скобликова замечает по этому поводу: «В силу того, что смысловая полноценность обеспечивается в эллиптических предложениях за счет их собственного состава, они значительно самостоятельнее типичных неполных предложений и на их основе складываются устойчивые грамматические модели с постоянным составом членов предложения». (Скобликова 2006: 142).

На основании вышерассмотренной концепции Е.С. Скобликовой о правомерности вычленения неполных предложений в качестве самостоятельных синтаксических единиц, мы можем сделать заключение о том, что по ее мнению выделять и классифицировать предложения данного типа следует, исходя из специфики процесса восполнения пропущенных элементов в них: возможен ли он, есть в нем необходимость и насколько хорошо в этом могут помочь компоненты контекстуального окружения.

Одной из самых современных, в частности в сфере преподавания русского языка на вузовском уровне, по интересующей нас теме является концепция В.В. Бабайцевой. Занимаясь вопросами

методики преподавания языка, она отмечала следующий немаловажный факт: «Трудности разграничения полных и неполных предложений связаны прежде всего с неразличением семантической и структурной полноты (неполноты), с отождествлением синтаксических позиций и членов предложения» (Бабайцева 1997: 154). То есть, лингвист говорит о том, что структура семантического наполнения предложения определяет собой позиционное расположение главных членов в нем, а вот второстепенные члены будут занимать в предложении такие места, которые определяются конструкцией словосочетаний, существующих внутри, количеством вариативных связей, присущих главному слову, и его лексическими и грамматическими особенностями. Эти позиции, по мнению Бабайцевой, необходимы для любого предложения и «выпадение» членов, их занимающих, представляется убедительным показателем неполноты конструкции. В качестве иллюстрации своей позиции автор приводит следующие примеры: *«Впервые в жизни он увидел море мальчишкой. Увидел и не поверил глазам»*. Неполным здесь будет второе предложение, в чем с Бабайцевой вполне согласны и упоминаемые нами ранее лингвисты П.А. Лекант и Е.Е. Скобликова.

В отношении классификации предложений неполного типа В.В. Бабайцева руководствуется принципом соотнесения их структурных и семантических характеристик, что позволяет ей выделить такие типы, как:

- а) предложения, неполнота которых проявляется на смысловом уровне, но структурно не выражена;
- б) предложения, неполнота которых проявляется комплексно - структурно-семантически;
- в) предложения, в смысловом отношении полные, но

имеющие неполную синтаксическую структуру.

Последний тип позиционируется лингвистом в качестве эллиптического (Бабайцева 1997: 173). Иллюстрирует она свое мнение общеизвестными примерами, позаимствованными из русской классической литературы: Примеры: «*Татьяна - в лес, медведь - за ней*»; «*Я - к окну*». Бабайцева отмечает, что специфика неполного предложения данного типа определена редукцией глагольной формы, то есть эллипсисом. Такой прием часто используется в художественных и стихотворных произведениях в качестве выразительно-изобразительного средства, поскольку "создает оттенок быстроты, стремительности, интенсивности, напряженности действия" (Бабайцева 1997: 173). В этом случае восстановление опущенного сказуемого не только не нужно, но и даже нежелательно вовсе. При этом дифференциация эллиптических предложений и сходных с ними по структуре полных предложений возможна в процессе их наглядного сопоставления друг с другом.

Автор концепции отмечает также, что «чистые» типы неполных предложений, приведенных в ее классификации, с большой четкостью можно выделить очень редко, по большей части имеют место пограничные виды неполноты, а также некоторые случаи-исключения. Таким образом, данное мнение является, на наш взгляд, достаточно объективным и очень весомым вкладом в методическое наследие изучения неполных предложений в рамках вузовского курса.

Претендуя на всесторонность и достаточную полноту в своем исследовании, мы не можем обойти вниманием классическую позицию авторского коллектив Академической Грамматики 1970 (Грамматика 1970: 540-575), которая заключается в следующем: «По отношению к предложениям со сказуемыми, выраженными словами определенных

семантических групп, в языке действуют правила возможных конситуативно не обусловленных бессказуемых реализаций соответствующих структурных схем, в которых место сказуемого не защищено, а с подлежащим оказываются непосредственно соотнесенными - позиционно, интонационно и по смыслу - те словоформы, которые грамматически зависят от глагола - сказуемого, не представленного в реализации, но обязательно принадлежащего структурной схеме предложения, например: *Он к тебе; Чаю!; Я гулять* и т.п.» (Грамматика 1970: 559).

Заметим, что для устной разговорной речи, изобилующей вербальными импровизационными и эмоционально-экспрессивными языковыми элементами, как раз и будут наиболее характерны структурные схемы, лишённые реализуемых словесно сказуемых и не обусловленные при этом ни грамматически, ни ситуативно, ни контекстуально.

«Опущенные» сказуемые имеют собственную специфику семантического свойства, включающую:

- выраженность глаголами вербального акта, речи;
- выраженность глагольными формами с семантикой движения;
- выраженность глаголами предоставления, подачи
- выраженность глагольными формами явления, наличествования, присутствия;
- выраженность фазовыми глаголами;

Интересно, что изложенная в Грамматике 1970 года концепция практически не содержит собственно понятий неполных, и в частности, эллиптических предложений. Рассматриваемые типы предложных конструкций, относимых другими, рассмотренными нами выше авторами, к неполным, здесь объясняются неполнотой реализации

структурных возможностей предложений и дополняются конситуативно обусловленными реализациями.

Еще одно академическое издание Грамматика 1980 года определяет статус неполных предложений похожим образом: такие предложения, как «*Я гулять*»; «*Мы к тебе*»; «*В передаче - о героях*» позиционируются в качестве синтаксических комплексов конситуативно необусловленных неполной реализацией, в которых отсутствует глагольная форма спрягаемого типа или инфинитивная форма глагола с конкретным лексико-смысловым наполнением (например, глагольные формы речевого акта, движения, действия и др.) (Грамматика 1980: 119-120). Термин «неполные» применительно к таким предложениям здесь не используется.

Обобщая все рассмотренные нами концепции, можно заключить, что предложение вида «*Татьяна в лес, медведь за ней*» (которое приводится в качестве иллюстративного материала по теме неполных предложений во всех источниках), позиционируется как эллиптическое. Такова позиция П.А. Леканта, Е.С. Скобликовой и В.В. Бабайцевой. В академических Грамматиках 1970 и 1980 годов данное предложение рассматривается в качестве бесказуемой реализации двусоставных структурных схем, не обусловленной грамматическим, контекстуальным или ситуативным окружением.

В настоящее время, в связи с выходом на первый план когнитивных тенденций изучения языка, все большую актуальность приобретают исследования отношений референтного характера. В этом направлении двигались такие современные лингвисты, как Е.Б. Падучева и Н.Д. Арутюнова, результаты работы которых позднее применялись для анализа возможностей неназванных значений и в работе А.Л. Факторовича (1985). Исследования последнего

затрагивают специфику эллиптических образований как сложных конструкций, приемлющих только комплексный анализ с привлечением синтаксических, референтных и когнитивных парадигм. А.Л. Факторович предпринял попытку выявить статус и возможности данных конструкций в сфере выражения референтных значений, опираясь при этом на теорию фреймов в области семантики невербализованного значения. Таким образом, предметом изучения впервые выступил процесс соотнесения невербализованного значения с вербализованным. Лингвистом в частности было доказательно обосновано утверждение о том, что эллипсис участвует в выражении смысловых дифференциаций, выявляющих круг теоретических значений категорий антонимии, гипонимии и других видов связей ассоциативно-семантического характера (Факторович 1985). Это позволило последователям взглядов А.Л. Факторовича по-новому представить явление синтаксической неполноты и позиционировать его как необходимую деталь лингвистической системы русского языка, наличие которой предоставляет огромные возможности для более полного выражения смысла высказывания.

Своеобразную точку зрения на характер неполноты предложения имеет лингвист Г.А. Золотова, которая основывается на приверженности автора концепции языковой модели в качестве аналога предложения («типизированное средство для выражения типизованного значения» (Золотова 1982: 201). Рассмотрев конкретно предложения эллиптического типа с позиций данной концепции, она делает вывод о том, что использование понятия эллиптичности модели неприменимо к синтаксической стороне простого предложения в силу специфики самой его природы. Автор этой точки зрения считает, что неполнота предложения напрямую связана с речевой реализацией языковых моделей, и выделяет несколько ее типов, исходя из

функциональных особенностей пропущенных вербальных единиц, компенсируемых контекстуально: на уровне модели в целом, на уровне словосочетаний и парадигматических модификаций моделей предложения. Отметим, что по нашему мнению, некоторые моменты концепции Г.А. Золотовой представляются довольно неоднозначными. Это отмечают и другие исследователи (например, А.П. Сковородников), отмечающие некоторую абсолютизированность противопоставления обусловленных и необусловленных форм и отсутствие при этом учета контекстуального и ситуативного окружения языковых единиц.

Учитывая многообразие существующих подходов к проблеме выделения неполных предложений, целесообразным представляется опыт их обобщения А.П. Сковородниковым. В рамках своего труда «О критерии эллиптичности в русском синтаксисе» он отмечает отсутствие единого мнения о статусе данных конструкций в исследованиях отечественных лингвистов в целом и критерии эллиптичности в частности. Потому что одни языковеды находят его на содержательном уровне предложения (осуществление им коммуникативной функции в определенных речевых условиях (Попова 1983: 133-135); другие — на формальном уровне (деформация связующих «стыков» между членами предложения) (Попов 1989: 28); третьи объединяют оба уровня вместе (Назаров 1954: 9); следующие видят проявление эллиптичности в возможности передачи тождественной информации с помощью меньшего количества языковых средств (полная компрессия текста) (Богуславский 1964: 146); а некоторые ученые отмечают ее реализацию в нестабилизированности (атипичном виде формально неполносоставного комплекса (Чиркина 1969: 17-20). Таким образом, А.П. Сковородников приходит к закономерному выводу, что

достаточно четкая дифференциация эллипсиса от других типов неполноты возможна лишь при комплексном подходе к его анализу (Сковородников 1973: 114). Руководствуясь этими умозаключениями, лингвист дает собственное определение неполного предложения: это «синтаксическая конструкция... которая, 1) характеризуется хотя бы одной нереализованной обязательной (в том числе контекстуально обусловленной) языковой валентностью, компенсируемой средствами внутреннего или внешнего контекста, а также ситуацией высказывания; 2) имеет фактически (в речи, в тексте) или потенциально (в языке, в системе) соотносительную нормативную конструкцию с аналогичной реализованной валентностью» (Сковородников 1973: 123).

Исследованием эллиптичности как вида синтаксической неполноты с отсутствием необходимости замещения в предложении опущенных позиций занимался и известный лингвист Е.Н. Ширяев, являющийся в этом отношении последователем взглядов А.М. Пешковского. Он анализирует предложение с точки зрения совокупности взаимосвязанных и структурированных синтаксических позиций, которые могут быть компенсированы в случае пропуска определенным набором того, что ученый называет словоформами. Он отмечает, что значимое отсутствие компонента синтаксической структуры может быть терминологически определено как «незамещенная синтаксическая позиция» и объясняет ее следующим образом: о такой незамещенной позиции в предложении дает знать определенный языковой сигнал, а наличие самой такой незамещенности в свою очередь сигнализирует о наличии семантических лакун в предложении, требующих заполнения. Незамещенная синтаксическая позиция характеризуется рядом признаков, которые Е.Н. Ширяев разделил на три группы: «характер

языкового сигнала незамещенности позиции; характер семантики, передаваемой НСП; источники семантики НСП» (Ширяев 1984: 13) (здесь НСП - незамещенная синтаксическая позиция – И.К.). Кроме того, на основании выделения сигналов парадигматического и синтагматического свойства Е.Н. Ширяев более дополняет структуру предложения: любой элемент предложения наделен целой системой валентностей, зависящих от лексических и морфолого-синтаксических свойств элемента и его структурной позиции.

Исходя из первого критерия, предложенного Ширяевым, о появлении неполноты становится возможным, благодаря наличию прямых и обратных валентностей словоформ, присутствующих в предложении. Прямая валентность подразумевает, что в качестве незамещенной будет выступать зависимая позиция (*«есть хозяин, нет слуги»*); обратная валентность, наоборот, определяет незамещенную позицию в качестве главной. Е.Н. Ширяев распределяет все незамещенные синтаксические позиции по двум группам, исходя из характера их смыслового содержания: выражающие исключительно грамматическое значение и комплексное лексико-грамматическое значение. Возможность ли невозможность замещения незамещенной синтаксической позиции в структуре предложения является вторым критерием, который предложил автор рассматриваемой нами концепции. Относительно источниковой базы смыслового наполнения незамещенной синтаксической позиции, то они находятся в непосредственной зависимости от параметров сигнала незамещенной синтаксической позиции: парадигматические параметры определяют извлечение собственной семантики из соответствующих парадигм, синтаксические параметры можно подразделить на глагольные формы (формально-синтагматические), и так называемые конституативные, что включает в себя контекст, ситуацию и частно-апперцепционную

базу, являющуюся своеобразным источником содержания. Такая расширенная система характеристик незамещенной синтаксической позиции, которую вводит Е.Н. Ширяев, несомненно, дает возможность достаточно полно описать все традиционно фиксируемые незамещенные позиции в предложении.

Неполнота предложений, входящих в состав сложных синтаксических комплексов, имеет собственную специфику и заслуживает отдельного рассмотрения. Данным вопросом занимались А.П. Сковородников, Г.Ф. Гаврилова, О.С. Тимченко. Они обращали внимание на факт пропуска целой зависимой части сложного предложения, например (цит. по Гаврилова 1990:11):

- Нет, зачем ты будешь проверять каждый день карманы?

- Чтобы там записок не было. (В. Шукшин).

(в данном случае главная часть сложноподчиненного предложения «буду проверять карманы» опущена).

По мнению О.С. Тимченко неполнота в речи монологического вида наглядно предстает в бессоюзном типе связей предложений при сочетании взаимодействующих исходной и последующих предикаций. Элемент сложной синтаксической конструкции, представляющий собой компонент, не выраженный словесно, тем не менее, несет в себе информацию о предметах, действиях, и признаках, упомянутых ранее. Вот почему опорой для него будет либо контекстуальное окружение (эллипсис, обусловленный контекстуальным дискурсом), либо на ситуативный момент речи (эллипсис, обусловленный общей коммуникативной ситуацией). Обязательными условиями появления предложений с незамещенными синтаксическими позициями выступают предтекст и пресуппозиция. Как считает при этом автор концепции «Семантическое восполнение указанных

невербализованных звеньев высказывания осуществляется именно при опоре на предтекст» (Тимченко 2009, 121).

Поскольку, как мы выяснили, неполнота свойственна сложным предложениям также, как и простым, то можно выявить здесь два ее типа: неполнота фрагмента сложного предложения и неполнота самого сложного предложения. В первом случае неполнота восполняется в микротексте (в пределах самого предложения), во втором — в пределах макротекста (контексте).

На сегодняшний день существует несколько подходов к проблеме синтаксической неполноты в языке. Достаточно долго категория синтаксической неполноты соотносилась с синтаксической абстракцией — структурной схемой. А.А. Шахматов считал неполное предложение психо-мыслительной единицей языка; формальным элементом, построенным по определенному образцу, схеме видели его А.М. Пешковский и Н.Ю. Шведова, структурно-смысловой единицей с конкретизированным значением понималось оно в работах А.И. Поповой, Г.А. Золотовой, В.А. Белошапковой; в качестве логико-семантической единицы его рассматривали Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, С.В. Падучева, а в качестве функциональной единицы его изучали А.В. Бондарко и Ю.С. Маслов. Соответственно акцентируется внимание языковедов и на невербализованных элементах, а также больших фрагментах, представляющих собой логические звенья высказывания.

Все вышесказанное подводит нас к закономерному выводу о том, что точкой отсчета при изучении неполных предложений выступает тезис, определяющий данное синтаксическое образование как вариант предикативной единицы, лишенной обязательного структурного элемента (зато здесь в наличие имеется незамещенная синтаксическая позиция), что порождает уже неполноту смыслового

характера. Возвращение первоначальной семантической полноты высказыванию возможно при помощи контекстуального или ситуативного окружения, что дает возможность дифференциации неполных предложений разных типов: контекстуально-неполных или ситуативно-неполных. Рассмотренное нами определение неполноты не может претендовать на абсолютную универсальность, тем не менее, оно дает возможность компилировать различные точки зрения отечественных языковедов на сущность явления эллипсиса. По нашему мнению, эллиптической можно назвать предикативную единицу, пропуск элемента в которой не влечет за собой смысловую недостаточность, легко компенсируемую за счет остальных компонентов предложения. К данным предложениям нельзя причислить предикативные комплексы с так называемым синтаксическим нулем, смысловым фундаментом которых выступает внутренний контекст.

1.2. Состав синтаксических явлений, традиционно относимых к проявлениям синтаксической неполноты

Проблемы выявления синтаксической неполноты прежде всего обусловлены трудностями в разграничении неполноты, традиционно определяемой как семантической и структурной, при которой синтаксические позиции отождествляются с понятием членов предложения.

Значительное количество исследований уже посвящено обоснованию критериев выделения неполных предложений. Даже ставший традиционным критерий деления предложений на полные и неполные в различных работах эксплицируется по-разному: в

одних исследованиях доминирует разграничение по наличию/отсутствию незамещенной синтаксической позиции, в других - по наличию/отсутствию структурно обязательных членов предложения и т.п.

Здесь важно отметить, что эти два понятия - синтаксические позиции и члены предложения – являются соотносительными, но не тождественными. «Синтаксическая позиция – это место члена предложения, определяемое структурой мысли и валентными свойствами входящих в предложение слов». «Члены предложения – структурно-семантические компоненты предложения, связанные друг с другом синтаксическими отношениями.» (Бабайцева 1997: 155).

Существуют различные факторы, способные определить свойства синтаксических позиций главных и второстепенных членов предложения. Так, структура информации, репрезентируемой в предложении, детерминирует синтаксические позиции главных членов предложения. Что же касается второстепенных членов предложения, то их позиционная структура обусловлена строением словосочетаний, а также валентностями стержневого слова и его лексико-грамматическими свойствами. Структурно обязательными компонентами предложения являются именно синтаксемы, замещающие эти позиции. Таким образом, признаком структурной неполноты предложения является отсутствие структурно обязательных членов предложения и, как следствие этого - незамещение синтаксической позиции. Ср.:

Не пойму, что эти разорались! Воят, будто их режут!
(М.Веллер).

В обоих предложениях имеется незамещенность позиций: в первом – отсутствует дополнение, во втором отсутствует подлежащее.

Семантически эти предложения отличаются не всеми компонентами информационного наполнения. В обоих предложениях выражается двухкомпонентная информационная структура с деятелем - субъектом и действием (событием) - предикатом, в результате обеспечивается единство их структурной организации и грамматического значения. По информационному наполнению они также вполне подобны – они оба не называют субъект действия, его информационное содержание раскрывается лишь в более широком контексте. Тем не менее, семантическое различие существует – оно проявляется в том, что местоимение в первом предложении указывает на деятеля, тогда как во втором оно актуализирует участника действия.

Здесь напрашивается вывод о том, что оба предложения грамматически изофункциональны, однако по своей структуре первое предложение является полным, а второе – структурно неполным.

Особенно существенным для разграничения синтаксической неполноты становится явление непрерывности синтаксических связей и отношений, в процессе которых создается так называемая "цепочка синтаксических связей". Иерархия языковых единиц проявляется здесь в том, что при подчиненных членах предложения предусматривается наличие подчиняющих их членов, а подчиняющие, стоящие выше по иерархии, в свою очередь, по своим системным свойствам обязательно нуждаются в подчиненных. Такого рода взаимодействие детерминирует проявление и связей, которые определяются лексико-грамматическими свойствами синтаксем и их сочетаний, так синтаксических отношения между синтаксемами. Ср.:

Я поступил в МГУ, а Серега – в МГИМО. (В. Лукьянченко).

Если в первой части сложного предложения синтаксические связи демонстрируют непрерывность, то во втором – эксплицировано лишь два звена синтаксической цепи. Слово «в МГИМО» и как структурный компонент синтаксической структуры предложения, и как компонент словосочетания связано с главным словом «поступил», способом управления, репрезентирующим основной способ формирования синтаксической структуры.

Что же стабилизирует правильное восприятие синтаксической цепи в языковом сознании реципиента? Реконструкция основывается на грамматической семантике компонентов предложения, на лексико-грамматических свойствах входящих в него словоформ. Например, наличие производителя действия обязательно детерминирует само это действие и даже наоборот; присутствие переходного глагола в структуре вершины детерминирует наличие объекта действия, появление определений обуславливает появление определяемого и т. д. В целом можно сказать, что дифференцирующим признаком синтаксически неполных конструкций становится нарушение цепи связей их внутренней системы компонентов (синтаксем), и это для реципиента становится сигналом о синтаксически незамещенных позициях, и мы в результате говорим о пропуске тех или иных членов конкретного предложения.

Важным проявлением синтаксической неполноты является усиление информационной составляющей предложения, повышение значимости тех позиций, которые оказались замещены, их информативность возрастает, что позволяет более эффективно представить «новое», актуальное. Это делает неполные предложения одним из важнейших синтаксических способов актуализации коммуникативного центра высказывания.

В этой проблематике большой академический интерес вызывает статья И. А. Поповой «Неполные предложения в современном русском языке», в которой повышенное внимание к этому интересному явлению вызвало многолетнюю дискуссию, касающуюся структурных и семантических свойств неполных синтаксических конструкций (Попова 1953: 30-45).

В русской синтаксической традиции неполные предложения рассматривались как варианты полных, в которых имеется пропуск тех или иных компонентов. Так, А.М. Пешковский отмечал: «...неполные предложения, хотя их в разговорной речи, несомненно, гораздо больше, чем полных, в сознании нашем всегда равняются по полным» (Пешковский: 2001: 403).

Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, новый подход к явлению неполноты, основным недостатком трактовки А. М. Пешковского является то, что он смешивает понятия неполноты предложения и словосочетания. Даже в самом определении ученый констатирует, что «нехватка» одного или нескольких членов предложения «определяется формальным составом ... того или иного неполного словосочетания» (Пешковский 2001: 396). Итак, неполнота одного из словосочетаний делает неполным все предложения, то есть предложение рассматривается как сумма словосочетаний.

Такие принципы позволяют лингвисту установить в классификации шесть позиций в зависимости от того, какого именно члена предложения не хватает:

1) подлежащего: «*Вот в такие-то минуты Пака и оставался один. Был такой тихий и послушный ...*» (Пешковский 2001: 399). В этом случае приведены примеры с однородными членами («*Могучий Олег головою поник И думает ...*») (Там же), которые показывают, что

основным признаком предложения для А.М. Пешковского является глагольность: сколько сказуемых, столько же и предложений, и поэтому, начиная со второго сказуемого, такие предложения будут неполными;

2) сказуемого: «*Закурил трубки, мы уселись - я у окна, а он у затопленной печи ...*» (Там же: 400). Сюда же отнесены и предложения, в которые трудно вставить любое слово, не нарушая его структурной целостности («*Кругом все степь да степь*» (Там же: 401));

3) связи при наличии предикативного члена: «*Я был озлоблен, он угрюм*» (Там же);

4) предикативного компонента при наличии связи;

5) управляемого существительного или инфинитива при наличии стержневого глагола: «*И все подняли кубки. Не поднял лишь один*»; «*Но если преданность еще покажут Таковую же, велю их батогами*» (Там же: 402);

6) обозначаемого существительного при наличии несубстантивированного прилагательного: «*Мы наши, мы новый мир построим ...*» (Там же).

Относя предложения типа *Он ни слова!*; *Покойной ночи!*; *С приездом!* к неполным, А.М. Пешковский одновременно указал на их существенную особенность: «... в полном виде используются ... значительно реже, чем в неполном» (Там же: 398).

В своей трактовке неполных предложений языковед впервые обозначил факторы, которыми обусловлена неполнота состава предложения, хотя в его классификации неполных предложений роль названных факторов оказалась недостаточной.

Таковыми факторами исследователь считал:

- возможность заимствования слов из контекста;

- допустимость замены отсутствующих слов на основании реальных представлений об обстоятельствах общения или предыдущего совместного опыта говорящих;

- возможность выражения представления, соответствующего отсутствующему члену, целым препозитивным предложением;

- достаточность вещественных и формальных значений членов самого неполного предложения для пробуждения образа, который соответствует отсутствующему члену;

- возможность выражения тех или иных представлений интонационными средствами (Там же: 397).

Последующие исследования неполных синтаксических конструкций развивались преимущественно на основе их сопоставления с полными предложениями. В академическом издании «Грамматика русского языка» под ред. В.В. Виноградова впервые разграничивается неполнота простых и сложных предложений (неполные предложения в составе сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных предложений). Важным является также то, что в отдельную группу выделены неполные предложения, которые представляют собой взаимосвязанные реплики диалога, то есть, разграничены сферы функционирования неполных предложений.

При анализе явления синтаксической неполноты большинство ученых ориентировалась на формальный состав предложения, почти не обращая внимания на сферы применения этих предложений, которые и обуславливают эту неполноту. Так, авторы «Грамматики-70» и «Грамматики-80», опираясь на структурно семантический подход к каждому предложению, не рассматривают неполные предложения вообще, а предлагают только абстрактные схемы, по которым формируется определенное предложение. Таким образом, трактуется структурная схема простого предложения, которая является именно

явлением языка. «Предикативная основа (структурная схема) простого предложения - это синтаксический образец, имеющий свою формальную организацию и свое языковое значение, по которому может строиться отдельное нераспространенное (элементарное) простое предложение» (РГ-80: 84-85).

Пропуск же любого члена предложения рассматривается как неполная реализация структурной схемы конкретного предложения и выступает уже речевым явлением. Дальнейшие исследования синтаксической неполноты развивались в целом в русле одной из описанных выше парадигм. Следует отметить, что большинство современных исследователей называют неполными «предложения без одного или нескольких формально отсутствующих членов, необходимых для смысловой законченности предложения, которые обусловлены его грамматическим строем и смыслом и восстанавливаются из соседних предложений, из обстоятельств разговора или внутренних лексико-грамматических средств» (АГ-70: 145). Рассматривая теорию неполных предложений как часть общей теории предложения, исследователи наделяют неполные предложения теми же существенными признаками, какими обладает и любое полное предложение: 1) относительная самостоятельность функционирования предложения как языковой единицы; 2) предикативность; 3) относительная законченность его смысла; 4) грамматическая организованность предложения; 5) присуща ему интонационная завершенность (Там же: 144).

Анализ научно-теоретической литературы свидетельствует, что опорой выделения неполных предложений является «опущение», «пропуск» какого-либо члена предложения, главного или второстепенного. Но этот «пропуск» не позволяет считать такие предложения содержащими «компрессию». Они, как и полные

предложения, выполняют соответствующие коммуникативные функции, функционируя в речи как самодостаточные.

С точки зрения И. А. Поповой, неполные конструкции «нельзя равнять по полным», так как «вставка тех или иных членов предложения в некоторых случаях не только не нужна, но и невозможна, так как может существенным образом изменить предложение» (Попова 1953: 230-231). Указанная идея была ею сформулирована и развита в значительном количестве работ, результатом чего было то, что многие неполные по структуре разновидности предложений отечественными языковедами начали оцениваться как такие неполные предложения, которые в смысловом отношении достаточно полны.

В результате этого обсуждения были выделены и зафиксированы специфические свойства тех или иных разновидностей неполных синтаксических конструкций. Было повсеместно признано, что свойства неполных синтаксических конструкций проявляется на фоне полных предложений. В результате сформировался метод «выравнивания» неполных предложений по полным, т.е. приведения неполных предложений к их полным репрезентациям. В традиционных аналитических процедурах этот метод оказался весьма эффективным, и в результате сформировалось мнение, что неполные предложения являются лишь результатом импликации определенных, не входящих в тему высказывания, компонентов. Это встретило критику со стороны ряда исследователей, которые считали, что сопоставление полных и неполных конструкций помогает выяснить, какие компоненты структуры в предложении или словосочетании реализованы, а какие отсутствуют. Это мнение было очевидным, так как сравнение полных и неполных конструкций демонстрирует, что в полных представлены все

нужные синтаксические связи и отношения, что в них более полно репрезентируется информация для коммуникации, а также грамматическая и лексическая семантика.

Было даже отмечено, что полные предложения не всегда оказываются уместными в речи, так как повтор одних и тех же элементов нередко создает плеоназм, что затрудняет общение. Семантико-стилистические достоинства неполных конструкций очевидны: это не только придание непринужденности, живости и естественности для речи, главное, они позволяют актуализировать дискурсивно «новое» в данном акте коммуникации.

Трудности трактовки неполных предложений, разнообразие разновидностей их в существующей лингвистической литературе объясняются недостаточным вниманием к разграничению языка и речи, к разнице между языковыми конструкциями, традиционно интерпретируемых как структурные схемы и реализаций этих схем в дискурсивной практике – в речи.

Незамещенные синтаксически позиции в основном характерны для речи, и не языковые, а дискурсивные условия определяют лауну в синтаксической структуре; при этом нельзя забывать, структурные схемы, относящиеся к системе языка, детерминируют позиции синтаксем, однако эти структурные схемы подбираются говорящим в соответствии дискурсивными условиями.

В большинстве синтаксических конструкций главные члены предложения, так же как и ряд второстепенных членов, определяются на предложенческом уровне с участием грамматической семантики и характера репрезентируемой информации), тогда как второстепенные члены и их свойства во многих случаях формируются на

словосочетания при участии лексико-грамматических свойств их компонентов.

В речи, которая и является целью реализации предложения, возможны как структурно полные и семантически неполные, так и структурно неполные, но семантически полные предложения. Эти последние могут преобразовываться в полные конструкции, при этом появляются новые схемы полных предложений. В этой связи можно отметить переходные, периферийные и промежуточные случаи разных реализаций структурных схем, проявляющиеся в системе структурно неполных и полных предложений.

Ср.: - *Что делает Иван? – Читает книгу.* Второе предложение семантически полное, но структурно неполное: опущено подлежащее, семантика которого присутствует в форме третьего лица глагола. Большинство определенно-личных предложений как раз и представляет собой подобного рода переходные случаи.

Структурное описание неполных и полных предложений в синтаксисе требует учета различных видов взаимодействия структурных и семантических признаков. При использовании структурного критерия классификации требуется полная реализации структурной схемы предложения и одновременно признание в нем непрерывности системы синтаксических связей; при использовании семантического – важную роль выполняет констатация «полноты» информационного наполнения – грамматической и лексической семантики.

По мнению В.В. Бабайцевой, «неполные предложения – это предложения с неполной реализацией структурных схем предложений и словосочетаний, высказывания с незамещенными позициями членов предложения, необходимость которых обусловлена информативной

семантикой и связью с теми членами, которые в предложении есть» (Бабайцева:1997, 162).

Она выделяет следующие варианты соотношения структурных и семантических разновидностей неполных синтаксических конструкций:

- 1) структурно полные и семантически неполные предложения;
- 2) структурно и семантически неполные предложения;
- 3) семантически полные и структурно неполные предложения.

Рассмотрим первую разновидность: структурно полные, но семантически неполные предложения.

Это, в первую очередь, предложения с неопределенно-личными местоимениями, в которых замещается позиция главного члена, но не содержится достаточных сведений о субъекте. Ср.: *Постой-ка, тише, кажись, кто-то идет.* (М.Веллер).

Традиционно эти предложения рассматриваются в соответствии со структурным критерием как полные: заполнены позиции главных компонентов, однако при анализе понятийной семантики оказывается недостаточно неопределенного указания на производителя действия.

При этом предложения с местоименными структурными элементами вне дискурсивной ситуации трактуются как семантически неполные. Так, предложение «*Вот она*», извлеченное из дискурса, не содержит исчерпывающей информации, хотя как по структуре, так и по грамматической семантике в этой конструкции есть все необходимое: позиции и подлежащего, и сказуемого замещены. В реальном дискурсе такие предложения оказываются понятными по своей семантике: *Конечно, это она! Я знаю ее шаги.* (Б. Ярославцев).

В соответствии с наиболее распространенной в отечественной лингвистике структурно-семантической классификацией, к неполным

синтаксическим конструкциям относятся предложения, структурно и семантически неполные, при этом к основным признакам неполных предложений относится их структурная неполнота. Семантическая полнота/неполнота выступает как уточняющая и дополняющая их структурные показатели (АГ-70).

Для успешного разграничения неполных и полных предложений П.А. Лекант рассматривает «структурно и семантически неполные предложения, смысловая достаточность которых обусловлена ситуацией и контекстом» (Лекант 2007).

По отношению к характеру речи – устной и письменной - существует деление неполных предложений на ситуативные и контекстуальные.

Первые реконструируются из дискурсивной ситуации, на основании интерпретации экстралингвистических данных. Так, предложение: *Идет!* Может быть дополнено подлежащим в соответствии с дискурсивной ситуацией (учитель, время, поезд, снег и т. д.). Учет дискурсивной ситуации играет важную роль при описании речевых высказываний. Ср.:

Вот, Иван Арнольдович, книга, - сказал Малянов, почему-то криво улыбаясь. – Да что там книга, - шепотом ответил Снеговой. – Вы мне скажите, кто у вас? Откуда? (А.и Б. Стругацкие).

Ситуативно неполные предложения обычно репрезентируют присутствие в картине мира говорящего соответствующего денотата и возможность вербальной репрезентации пропущенной ментальной репрезентации, т.е. отсутствующего компонента.

Для письменного дискурса (см. Скобликова 2006) характерными оказываются контекстуально неполные предложения. Пропущенный компонент имеется в контексте.

Лезут мысли, лезут одна за одной. И про Стервятника, про Нунана зачем-то, и Гута все время за плечом стоит. И не деться от них никуда. Пока лежишь, двинуться не можешь, не знаешь, вернешься ли – жизнь не пролетает перед глазами, а лезет... всякое (А. и Б. Стругацкие).

Это деление неполных конструкций на ситуативные и контекстуальные в значительной мере условно. Так, в письменном дискурсе предложения, называемые ситуативными, приобретают определенные характеристики контекстуальных, поскольку в письменном дискурсе ситуация получает словесную репрезентацию, при этом все предметы речи и мысли представлены в контексте. Соответственно, наиболее часто термины "контекст" и "конситуация" относятся именно к письменной дискурсивной ситуации.

В.В. Бабайцева предлагает структурно-семантическую классификацию неполных предложений (Бабайцева 1997: 164-179), которая учитывает степень реализации структурных схем в языке. Она выделяет две группы неполных конструкций: а) предложения с неполной реализацией структурной схемы предложения и б) предложения с неполной реализацией структурной схемы словосочетания. Эти разновидности в свою очередь делятся на подгруппы, которые можно оценить с точки зрения их ситуативного или контекстуального характера:

а) Предложения с неполной реализацией структурной схемы предложения.

Предложения этой разновидности характеризуются незамещенностью позиции строевых элементов структурной схемы предложения, роль которых обычно выполняют главные члены предложения: подлежащее и сказуемое (Там же : 165).

В.В. Бабайцева приводит пример, в котором подлежащее может быть опущено, если оно есть в контексте, в реплике-вопросе, в одной из частей сложного предложения и т. д., и необходимость его обусловлена структурно-семантическим типом предложения, лексико-грамматическими свойствами сказуемого (Там же):

- (*Четвёртый гость*): *Смотри, надо хорошо учиться, Петя.*

- (*Шестой гость*): *А то после школы сразу в армию угодишь, Петя* (В. Розов).

- *Никого нет, в ресторанцию уехали-с.* (М.Веллер)

Название предмета речи (мысли) в контекстных предложениях может быть дано и «второстепенным членом предложения, а сказуемые неполных предложений в силу своих лексико-грамматических свойств обычно не могут быть сказуемыми односоставных предложений. Формы сказуемых ориентированы на подлежащее в его вербализованной конкретности» (Там же).

«Невозможность выражения предмета речи (мысли) одним словом, которое могло бы стать названием носителя признака (подлежащим), отличает предложения типа *Образование!* (односоставное, полное) от предложений типа *Молодец!* (двусоставное, неполное). Основное различие в характере этих типов раскрывает логический аспект: в предложениях типа *Образование!* предмет речи (мысли) не выражен в слове-понятии, а в предложениях типа *Молодец!* выражается типичное логическое суждение с вербализованным субъектом» (Там же: 174).

В таких предложениях сказуемое может отсутствовать, когда центр информационной структуры предложения заключен во второстепенных членах, а основное назначение сказуемого – выражение предикативности. Как отмечается, сказуемое в его

вербализованной конкретности может быть представлено в контекстных предложениях, причем в одной из частей сложных предложений:

— *У тебя когда каникулы-то?* — *спросила бабка строго.*

Шурка наострил уши.

— *Какие? Зимние?*

— *Какие же еще, летние, что ль?*

— *С первого января. А что?* (В.Шукшин).

«В двусоставных предложениях могут быть опущены оба главных члена» (Там же):

Мне ли не знать! Все стараюсь, стараюсь, нет ничего! Нет для нее никого, а влюбляться – так это почти в каждого, кто в лавку зайдет. И как тут без Фрица? (А. и Б. Стругацкие).

В предложении *Нет для нее никого, а влюбляться – так это почти в каждого...* отсутствуют компоненты основы, само же событие и его участники вербально репрезентируются в контексте

б) Предложения с неполной реализацией структурной схемы словосочетания.

При обсуждении проблемы синтаксической неполноты конструкций, в которых второстепенные члены элиминированы, необходима дифференциация «структурно обязательных и факультативных второстепенных членов на уровне предложения и словосочетания» (Там же). Описанная проблема до конца не разрешена в исследованиях в области русского синтаксиса, поэтому мы позволим себе отметить лишь некоторые случаи синтаксической неполноты с элиминированными второстепенными членами.

Одна из ее разновидностей представлена предложениями, в которых отсутствуют, но контекстуально представлены «структурно обязательные для односоставных предложений второстепенные

члены» (Там же): *–Иван тут? – Нету* (в ответной реплике – безличное неполное предложение и опущено косвенное дополнение в форме родительного падежа); *– Здесь интересно? – Интересно* (опущен компонент, называемый "дательным субъекта").

Неполными могут, в частности, быть названы и конструкции с контекстуально имеющимся прямым дополнением, изъятым из синтаксической структуры, и предложения, в которых второстепенные члены нарушают цепочки синтаксических связей во входящих в них словосочетаниях.

Очень характерным для широкой группы неполных синтаксических конструкций является опущение синтаксемы, представленной словосочетанием:

Получилось ли у нас помочь всем, кому было нужно изобилие? Получилось, но этого недостаточно (Б. Ярославцев).

В.В. Бабайцева отмечает, что «границы между полными и неполными предложениями по наличию/отсутствию второстепенных членов предложения не всегда достаточно отчетливы, так как не всегда ясно, входят ли второстепенные члены в структурную схему предложения и словосочетания» (Там же).

в) Семантически полные, но структурно неполные предложения.

Синтаксическая категория полноты / неполноты предложения реализуется непосредственно в центральной лингвистической дихотомии «язык - речь»: если синтаксические модели, схемы предложений (и ядерные, и расширенные) - это компетенция языка как системы, то неполные, частично эксплицированные синтаксические конструкции представляют собой реализацию этих моделей в речи.

Условия, при которых возможна неполнота, определяют три традиционно классифицируемых типа неполных предложений:

контекстуально неполные, ситуативно неполные и традиционно неполные, так называемые эллиптические. Понимая контекст как лингвистическое окружение конкретной языковой единицы в линейном, синтагматическом развертывании, присущем предложению-высказыванию, контекстуально неполным называют предложения, отсутствующие элементы которых обязательно содержатся в более широком отрезке письменного или устного контекста, например: *Конец возвращает в начало, как отчаяние - в надежду* (М. Веллер) - пропущенное во второй предикативной единице сказуемое восстанавливается сказуемым первой части, которое выражено эксплицитно.

Контекстуально неполные предложения составляют заметное большинство среди всего массива неполных предложений в функциональных стилях, обслуживающих письменную речь. Ситуативно неполное предложение реализуется благодаря мощному арсеналу экстралингвистических (дискурсивных) факторов, таких как жест, взгляд, выражение лица и т.д., и становится понятным не в собственно речевом, а в бытовом контексте – т.е. в том, что отдельные исследователи называют ситуацией. Например, когда люди обедают, хозяйка спрашивает: *Может, еще?* А ситуация подсказывает полный вариант: *Может, съешь еще тарелочку супа?* В другой ситуации у этого же предложения (*Может, еще?*) будет другое значение – *Возможно, еще что-то нужно добавить?* (Преподаватель студенту во время экзамена), или: *Может, не хватит, дать тебе денег?* (разговор между мужем и женой).

Подобные ситуации в общении, позволяющие сокращение речевого арсенала, возникают ежедневно и обуславливают своеобразный разговорный эллиптический стиль. Ситуативно неполные

предложения распространены в диалоге, который и характеризуется как ситуационно обусловленное общение двух или нескольких лиц.

В лингвистическое употребление введено понятие «диалогизм», что определяется как слово, оборот или особое развитие речи, свойственное диалогу. Понятие диалогизма вмещает и явление повторения того же слова в новой реплике, и опускание слов, которое компенсируется паравербальными факторами, контекстом. Существует третий вид неполноты, который, на первый взгляд, не нуждается ни в контекст, ни в ситуации. Этот тип неполноты возможен благодаря устоявшимся, традиционным формам коммуникации, например: *Что с вами (произошло)? Успеха (я вам желаю)!* Такую стационарную неполноту можно сравнить со стертой метафорой - она, как и стертая метафора (солнце садится, дождь идет), может не актуализироваться во всей семантической полноте в мышлении говорящих при каждой возможности.

Устоявшиеся (клишированные) неполные предложения, а именно так их квалифицируют со времен А. Пешковского и А. Шахматова, каждый раз воспроизводятся говорящими в привычных ситуациях и составляют корпус своеобразных идиоматических единиц, реализуемых в дискурсе. Этот третий вид неполных предложений связан с языковой компетенцией участников коммуникации. Такие предложения часто сами номинируют знаковые ситуации в жизни человека (поздравления, пожелания, удивление, радость и т.п.) и составляют необходимый фонд знаний коммуникантов. Эти предложения традиционно носят название эллиптических.

Так В.В. Бабайцева определяет эллиптические предложения, в числе которых она выделяет прежде всего конструкции, включающие «подлежащее + обстоятельство места» и «подлежащее + дополнение»

(Там же): *Мне хоть куда, только бы подальше от Москвы* (М. Веллер). В данной конструкции нет сказуемого, но его импликация проявляется не только при опоре на семантику, но и по структурному параметру, так как сказуемое является организующим компонентом всей синтаксической конструкции. В таких предложениях семантическая неполнота проявляется и за пределами контекста, поэтому некоторые лингвисты считают их полными.

В эллиптических предложениях нулевое сказуемое обретает особую «нулевую значимость». Так, в предложении *Я – домой* вся дискурсивно актуальная информация представлена эксплицитно. С точки зрения когнитивно-дискурсивной информации, это полное предложение. По данным структурного анализа – это предложение неполное. Позиция сказуемого не заполнена, однако она репрезентируется с помощью объектно-обстоятельственной синтаксемы *домой*. Если построить изофункциональный ряд: *Я пойду домой, Я отправлюсь домой, Я – домой*. Можно отметить семантико-стилистическое своеобразие данного предложения, которое создается эллипсисом глагола. С точки зрения когнитивной структуры предложения здесь существенным является то, что конкретная характеристика действия не важна - важна его категориальная характеристика – «движение». Так же и в предложении *Я за свечку, свечка – в печку* (К. Чуковский). Для языкового сознания важно действие, его быстрота, но неважна информация об образе этого действия. Применение в такого типа конструкциях глагольной синтаксемы с ее вербальной конкретикой часто бывает не только не нужна, но и дискурсивно нежелательна.

Часто в языке применяются побудительные эллиптические конструкции, организованные по моделям: «кому – что» (*Бабе - цветы,*

дителям – мороженое (Бриллиантовая рука)), «кто – куда», «что – куда», «что – как» и т. п. В этих конструкциях не замещается глагольная позиция, они обычно не коррелируются с той или иной структурно-семантической моделью полного предложения. Дискурсивной функцией эллипсиса является актуализация одного из компонентов, являющихся особенно значимым для данного дискурса. В эллиптическом предложении его структурная неполнота проявляется на фоне предложений с вербализованными сказуемыми.

Нулевая позиция сказуемого в эллиптических структурах позволяет предложно-падежным синтаксемам выполнять функцию второстепенных компонентов предложения – актантов и сирконстантов. Можно отметить, что синтаксемы с объектной функцией и детерминанты часто выполняют особые функции в организации синтаксической неполноты.

Логически напрашивается вывод о том, что принятие наличия структурно обязательных членов синтаксической конструкции является основным критерием понятия синтаксической полноты. Тогда структурно неполные синтаксические конструкции, в которых четко намеченная (информационным строением и наличием приглагольных второстепенных компонентов) позиция предиката оказывается незаполненной в силу своих коммуникативных характеристик, являются эллиптическими. Дополнительным критерием эллипсиса является информационная достаточность структуры контекста, делающая ненужную конкретизацию действия избыточной. Обычно когнитивная структура высказывания с таким общим значением предиката, чаще всего с предикатом движения, дает ключ к интерпретации этого высказывания слушающим как информационно завершеного. То есть эллиптические конструкции, в которых важна

позиция предиката, но не важна его семантика (кроме самой абстрактной), встречаются чаще всего именно как это вид конструкций.

Информационную значимость нереализованных в конструкции предикатов исчерпывающе описал А. М. Пешковский: «...Глаголы в своей вещественной стороне не заимствуются из контекста и обстановки речи, а берутся из вещественных значений слов...» (Пешковский: 1956, 397-398).

Существует и такая разновидность неполных предложений, которую называют «прерванные (незавершенные) предложения» (Артюшков 1983: 56). Они классифицируются так:

а) намеренно прерванные предложения, которые могут быть коммуникативным центром текста (Там же):

Все-таки, товарищ, нельзя же... порядок требует. (М. Веллер)

б) предложения, отражающие ход формирования мысли (Там же):

И теперь куда? Домой? Нет, что домой, что в могилу – все равно (М. Веллер).

Нередко при анализе синтаксических конструкций не принимается то обстоятельство, что полнота/неполнота как свойство подобных конструкций характеризует не только двусоставные, но и односоставные конструкции. Особенности классификации неполных синтаксических конструкций связаны и с их характеристикой по степени членимости и наличию главных членов. Так, если высказывания типа *Слышу!* будут квалифицированы как двусоставные, то они интерпретируются как конструкции с неполной реализацией структурной схемы; если же подобные конструкции оценивать как односоставные, то они могут быть признаны полными

как по структуре, так и по семантике.

Если признать, что структурный критерий является доминирующим для разграничения полных и неполных двусоставных и односоставных предложений, то окажется, что их различия в области семантики лишь дополняют формальное разграничение двусоставности и односоставности, разграничение синтаксической полноты и неполноты конструкций естественного языка.

Существует ряд исследований, в которых неполные предложения рассматриваются в рамках позиционной концепции предложения; одним из авторов такого рода работ является Т.П. Ломтев. В его исследовании в качестве ведущего выделяется структурный принцип классификации неполных предложений. Классификации по характеру «опущенного» и «стержневого» члена неполного предложения признаются недостаточными, так как учитывают только один из соотносительных членов - «опущенный» или «стержневой» (см. Чувакин 1974: 104). Исходя из позиционной концепции предложения, А.А. Чувакин предлагает классификацию неполных предложений по следующим основным признакам:

1. Насыщение - не насыщение опущенного компонента.
2. Насыщение - не насыщение стержневого компонента.
3. Наличие более полного в структурно – синтаксическом отношении варианта.

Виды неполных предложений выделяются с учетом следующих факторов (представленная классификация взята из работ А.А. Чувакина – И.К.):

- а) Сфера общения (речь устная и письменная);
- б) Характер общения (монолог или диалог);
- в) Взаимодействие предложения с окружающим контекстом;

г) Особенности воспроизведения предложения или свободного построения его в речи.

Согласно концепции А.А. Чувакина, конкретные виды неполных предложений различаются теми факторами, которые создают невозможность пропуска члена (или членов) условиями употребления. Основными функциональными видами неполных предложений являются контекстуальные и ситуативные неполные предложения (структурно и семантически неполные по классификации В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимова). Эллиптические предложения не считаются неполными, т. к. в них неправомерно усматривать пропуск сказуемого; они не могут иметь полного соотносительного варианта, и конкретное словесно обозначенное сказуемое не может быть восстановлено, так как каждое эллиптическое предложение нужно составлять не с одним, а с группой глагольных предложений; в эллиптических предложениях глагол сокращен без «возмещения» в контексте.

Контекстуальные предложения, в свою очередь позволяют выделить:

а) контекстуальные неполные предложения монологической речи;

б) контекстуальные неполные предложения диалогической речи.

Каждый из указанных видов контекстуально-зависимых неполных предложений имеет свои особенности в связи с контекстом.

А.П. Сковородников в своей классификации неполных предложений учитывает как свойства вербализованных и невербализованных компонентов синтаксической конструкции, так и особенности «семантического восполнения неполных конструкций», а также их связь с актуальным дискурсом. А.П. Сковородников выделяет

следующие типы неполных синтаксических конструкций:

I. Контекстуальные – автор имеет в виду главным образом «восполнение из макроконтекста (контекста, «окружающего» данную предикативную единицу, т.е. контекста сложного синтаксического целого)» (Там же). При этом он отмечает как возможность прямого лексического восполнения из макроконтекста (*«Он бы сам так не поступил, просто в голову бы не пришло. А вот полковнику пришло»*), так и косвенное, ассоциативное (*«Шли Тверетиновы, муж с женой, увидели искалеченного щенка. Подобрали его и принесли к себе. Единственная их соседка Гришина не возражала, щенок прижился»*) (Сковородников 1973: 114-125) (Примеры из источника – И.К.).

II. Ситуативные, где восполнение неполноты формируется в основном за счет «обстановки речи, общего социального опыта говорящих и пр». Автор называет «стационарные структуры - типизированные конструкции разговорной речи» (*«Два до Филей»*. - Ср. *«Два билета до Филей»*) и «нестационарные структуры - конструкции, свободно создаваемые в речи» (*«Покажите синие»*. - При неопределенной дискурсивной ситуации допускается неединственность восполнения) (Там же).

III. Фразеологический эллипсис, при котором «восполнение главным образом происходит из внутреннего контекста (микроконтекста) предикативной единицы с незамещенной синтаксической позицией, осуществляемое за счет валентных показателей наличных членов предложения». А.П. Сковородниковым дифференцируются «модельно-фразеологический эллипс» (*«В воротах сидит человек. Ты ему доллар, он тебе - «путь открыт»*), «собственно фразеологический эллипсис» (невербализированный компонент - часть фразеологического оборота: - *О какой? - спрашиваю, а у самого*

мурашки по коже»). К фразеологическому эллипсису, «с точки зрения механизма образования, близка и так называемая контекстуально-эллиптическая субстантивация» («Недавно в продовольственном познакомился с интересным человеком») (Там же).

IV. Выделяются также и неполные конструкции, «в которых проявляется синкретизм восполняющих факторов (реплики диалога, конструкции контекстно-фразеологического эллипса, контекстно-преддицирующие эллиптические конструкции)» (Там же).

Согласно классификации А.А. Чувакина, «специфика как наличных (сигнализирующих) членов, так и характер невербальных (сигнализируемых) позиций» нуждается в четком разграничении. Синтаксическая неполнота описывается автором в рамках позиционной концепции предложения, что позволяет ему признать тот факт, что «позиция одного члена сцеплена с позицией другого, предполагает ее и в то же время предполагается ею. Это свойство позиции предложения обуславливается такими постоянными элементами предложения как синтаксические отношения и синтаксические связи. Применительно к неполному предложению это свойство называется сигнализацией. Если в предложении хотя бы одна из позиций не представлена словесной формой (в том числе и нулевой), синтаксические связи и отношения в нем нарушаются и словесно представленная теория сигнализирует позицию, словесно не представленную. В силу этого первая может быть названа сигнализирующей, вторая - сигнализируемой. Эта классификация двухступенчатая: на первой ступени выявляется, позиция какого члена выступает в качестве сигнализирующей, и соответствующим образом квалифицируется структурный тип предложений; на второй ступени выясняется характер сигнализируемой позиции и соответственно

определяется структурный тип предложения» (Там же). Ср.:

И кто же там еще? - Корреспондент. (Д. Гранин) – отмечается сигнализирующая позиция подлежащего, т.е. соответствующий тип предложения, подтип – «сигнализируемая позиция сказуемого».

А кого там вызывают? – Всех, кто пожар на Плющихе тушил (Б. Акунин) - отмечается сигнализирующая позиция дополнения, и ее подтип с сигнализируемой позицией сказуемого.

Важным для разграничения случаев синтаксической неполноты в традиционных подходах является оценка смысловой достаточности и того, чем она достигается - ситуацией или контекстом.

Так, случаи синтаксической неполноты, где отсутствующий член конструкции реконструируется из контекста, квалифицируются как контекстуально-неполные. Обычно предложения такого типа встречаются в составе сверхфразовых единств и даже в сложных предложениях. Ср.:

«Все бежали, и он бежал вместе с ними. Потом был вагон, и много детей, и кто-то детским голосом все-время монотонно говорил «Иди на ... отсюда!... Иди на... отсюда!...». И ехали долго-долго, и все время он не мог уснуть, и казалось ему, что не спал он уже долго-долго. Банев проснулся внезапно. Проснулся со стоном, услышал, как гудит под окнами машина, тонкой струйкой дребезжит вода в раковине на кухне. Вытер пот со лба, заворчался, потянулся к часам». (Б. Ярославцев).

Данное ССЦ состоит из двух контекстуально неполных двусоставных конструкций, где сказуемое выполняет сигнализирующую роль, а подлежащее – сигнализируемую.

- Которых из мэрии, тронут, это верно....

И полицейских. На всех фонарей хватает.

А фермеров – нельзя. Нельзя фермеров трогать!

(А. и Б. Стругацкие).

В данных неопределенно-личных односоставных предложениях определяется тип сигнализирующих; подтип - сигнализируемые позиции сказуемого.

Если в неполной синтаксической конструкции опущенный компонент восполняется в результате учета ситуации и пресуппозиций участников коммуникации, то мы имеем дело с ситуативно-неполным типом.

«Да — одобряли. А чего надо — осуждали. А кого надо вовремя расстреляли бы — так и до сих пор были бы великой державой.» (М. Веллер).

Эллиптические предложения, которые нами были описаны выше, не нуждаются в формальном или смысловом восполнении средствами контекста, что отличает их от контекстуально и ситуативно-неполных. Отмечается, что «для их понимания не нужно выходить за пределы предложения. Эллиптические конструкции соотносятся с соответствующим развернутым вариантом той же модели лишь ассоциативно» (Там же). Авторы отмечают, что «значение такой конструкции поддерживается не формой слова, а целой лексико-семантической группой» (Там же):

- глаголов движения.

У мэрии был митинг, выбирали Гейгера, а прежних - в шею.
(А. и Б. Стругацкие).

- глаголов пребывания, нахождения:

Наверху – бесконечно уходящая ввысь Стена, растворяющаяся в белесом мареве (А. и Б. Стругацкие).

- глаголов бытия, наличия:

У двоих оружие, — деловито сообщил Кэнси (А. и Б. Стругацкие).

- глаголов со значением «бить»:

Верно говорит! – сказал дядя Юра и, внезапно, - изо всех сил по столу кулаком. – Нигде правды нет! (А. и Б. Стругацкие).

Если применить к приведенным выше примерам классификацию А.А. Чувакина, то их тип может быть охарактеризован как «сигнализирующая позиция второстепенного члена (обстоятельства и дополнения)», и «сигнализируемая позиция сказуемого».

Итак, традиционные подходы в классификации неполных конструкций с невербализованными компонентами с учетом их структурного наполнения, синтаксических связей и отношений, их семантики и отношений с контекстом дает возможность в целом разграничить два основных типа синтаксической неполноты: структурно-семантический, к которому относятся неполные контекстуальные и неполные ситуативные конструкции и структурный, к которому относятся эллиптические конструкции.

В результате анализа имеющихся классификаций мы наблюдаем, что ни одна из них не демонстрирует универсальности и всеохватности в описании неполных конструкций, а также не оказывается в состоянии описать спорные переходные случаи неполноты. Причиной этому является то, что авторы представленных классификаций ищут истоки явления неполноты в структуре, либо в семантике, и соответственно избирают факторами неполноты структурные или семантические факторы.

В дальнейшем мы покажем, что корни явления синтаксической неполноты лежат гораздо глубже, в зоне языковой когниции, и только применение когнитивно-дискурсивного и информационного подходов

позволяет предложить объяснительную классификацию неполных конструкций.

1.3. Проблема разграничения синтаксической неполноты и смежных явлений.

Антропоцентрическая парадигма лингвистики развивает тезис о том, что изучение человеческого мышления может опираться не только и не столько на изучение поведения человека, но и на наблюдение за его речемыслительной деятельностью, за его языком как отражением и проекцией когнитивных процессов в языковом сознании. Исследование языкового сознания, его категорий, процедур информационной обработки, форм и структур ментальных репрезентаций позволяет объяснить многие языковые феномены, объяснение которых ранее было затруднено или даже невозможно с позиций традиционных лингвистических теорий. Здесь не является исключением и явление синтаксической неполноты. Более того, это явление относится к разряду тех, объяснение истоков и механизмов которого оказывается вообще невозможным без опоры на достижения лингвокогнитологии, о чем вполне ясно свидетельствует то, что традиционные подходы так и смогли подойти к решению этой актуальной проблемы.

При этом не следует забывать, что языковые процессы являются лишь проекцией когнитивных процессов, не отражают их напрямую, вследствие чего, например, лингвокогнитологи не используют термин «выражение», а вместо него применяется термин «репрезентация».

В философии термин «репрезентация» трактуется как «представление, представительство, изображение; очень часто употребляемое в психологии (особенно со времени Шопенгауэра и В.

Вундта) вспомогательное понятие, служащее для выяснения сущности представления. Представление как репрезентацию, как самопредставляемое отличают от непредставляемого» (ФЭС 2011).

По данным эпистемологического энциклопедического словаря, в котором репрезентация трактуется ближе всего к лингвистике, репрезентация — «это представление познаваемого явления с помощью посредников: моделей, символов, вообще знаковых, в том числе языковых, логических и математических систем. Естественные и искусственные языки — главные посредники, репрезентанты. Возможность и необходимость репрезентации выражает модельный характер познавательной деятельности, при этом в качестве репрезентанта-посредника может выступить любая вещь, любой знак, символ, рисунок, схема и т.п. — все что угодно может быть репрезентацией всего остального. Функция репрезентации заключается в замещении чего-то, находящегося за ней. Но только субъект познания и деятельности определяет, что может быть в данной ситуации репрезентантом. В то же время наше перцептивное и когнитивное отношение к миру в значительной степени формируется и изменяется под воздействием создаваемых (выбираемых) нами самими репрезентациями. Из этого следует, что наше представление о действительности — продукт собственной деятельности; наши формы восприятия, способы видения и понимания, от которых зависят виды репрезентаций, трансформируются в зависимости от того, какие образцы репрезентаций предписываются нам культурой и внедряются практикой и образованием» (Энциклопедия эпистемологии 2009: 677).

Для нас в понимании репрезентации ближе всего подходит понятие проекции – она не является ни выражением, ни отражением объекта, однако находится с ним в системных предсказуемых

отношениях. Так, проекцией трехмерной фигуры в два измерения выступает отрезок линии, а проекцией трехмерной на два измерения – предсказуемая фигура; например, проекцией куба может быть и ромб, и квадрат, и шестиугольник, однако, зная условия проецирования, мы можем по проекции (а еще точнее – по нескольким проекциям) определить все релевантные свойства проецируемой фигуры. Безусловно, с языком дело обстоит намного сложнее. Картина мира многомерна, многопространственна, языковое мышление, помимо многомерности, еще и многопоточно. И в результате множества проективных процедур многомерный образ линейризуется в последовательность языковых единиц в речи. Задачей лингвокогнитивного исследования и является установление тождественности исходных когнитивных феноменов при их репрезентации в языке, на основании этого – описание ментальной репрезентации и операций, которые с ней происходят в языковом сознании, а на основе полученной когнитивной модели – объяснение и предсказание реально существующих языковых феноменов.

Этими устремлениями, в частности, и характеризуются современные грамматики, которые в своем описании стремятся наиболее широко описать свойства исследуемых объектов, что и определило их «ярко выраженный экспансионизм» (Кубрякова 1999, с. 207-212). Современное грамматическое описание характеризуется ориентацией на текст и дискурс, на подход от формы и семантики – к функции, на обращенность в реальную коммуникацию.

Исследование многих языковых феноменов становится невозможным без учета их дискурсивных свойств, не в условиях автономии, а в условиях реального моделирования мира говорящим и слушающим, в условиях действительной категоризации и

концептуализации знаний, результаты которых мы наблюдаем в «погруженных в жизнь» языковых фактах.

Неполное предложение – не исключение. В результате линвокогнитивного рассмотрения она предстает как единица, обладающая рядом системных свойств, основы которых заложены еще в глубинах языкового сознания. Мощный функциональный потенциал неполных конструкций обусловлен их богатыми информационно-дискурсивными свойствами, которые при изолированном от дискурса рассмотрении оказываются имплицитными.

Дискурсивная природа неполных предложений очевидна: формирование неполноты связано с тенденциями к речевой экономии, к экспрессии, к прагматической актуализации наиболее важной информации, к созданию и четкому выделению фона, на котором разворачивается основное событие высказывания.

Если обычное предложение в большинстве случаев может быть «изъято» из живого дискурса, то неполная синтаксическая конструкция обнаруживается более тесную с ним связь. Кстати, говоря об «изъятии из дискурса», мы на самом деле говорим о процедуре, когда синтаксический фрагмент изымается из того дискурса, в котором он изначально функционировал, и помещается в «нейтрально-условный» дискурс исследования. Таким образом, предложение «отрывается» от своей среды, но не лишается полностью дискурсивного окружения, оно лишь заменяется иным. Мы наблюдаем изъятое из текста предложение и «придумываем» для него «наиболее типичную ситуацию употребления», которая диктуется нашими узуальными представлениями. Таким образом, языковые свойства объекта как его инвариантные характеристики не утрачивают своей релевантности; ущерб наносится лишь коммуникативным характеристикам, и то не в

полной мере.

Что же касается неполных синтаксических конструкций, то они весьма неоднородны с точки зрения своего отношения к подобной процедуре. Одни, как замечают все без исключения исследователи, сравнительно легко переносят изъятие из дискурса и легко восполняются из своей внутренней семантики, из ближайшего синтаксического окружения и из пресуппозиционной базы, свойственной большинству носителей языка – то есть обладают определенной степенью дискурсивной автономности.

Другие обнаруживают более тесную связь с исходным дискурсом, и их изъятие из него без ущерба для их описания требует сопоставления их с гораздо большим объемом дополнительной информации – это чаще всего информация актуального дискурса или пресуппозиции, актуальные для его участников и неактуальные для тех, кто не участвует в данном дискурсе. Большую роль играет и актуализация претекстов и прецедентных феноменов – если эти претексты лежат «на поверхности» картины мира любого носителя языка, информация выделенного из дискурса синтаксического фрагмента не претерпевает больших изменений и даже помогает смоделировать «нейтральный» дискурс, возникающий при стандартном, стереотипном употреблении.

Если же информация, необходимая для заполнения лакун в неполной синтаксической структуре, является достоянием лишь того дискурса, который и породил данное высказывание, то тогда неполнота реконструируется гораздо труднее, вплоть до полной невозможности ее реконструкции. Это же происходит, когда кто-то из участников вдруг «переключается» на другую дискурсивную ситуацию, что нередко вызывает непонимание у других участников коммуникации.

Например, предложение *Ты их в дверь, они – в окно* (В.Высоцкий) легко может быть изъято из исходного дискурса и помещено в условно-нейтральный, так как вся необходимая информация заложена в грамматической структуре высказывания.

Высказывание *А он опять туда же* уже нуждается в пояснении, так как оно заметно зависит от дискурсивной ситуации.

А предложение *Покажите-ка мне вон ту, синенькую* еще более тесно связано с исходным дискурсом и не может быть восстановлено до полного без детального его описания.

А конструкции типа *И что она? Да ничего подобного!* вообще не могут быть восстановлены и адекватно интерпретированы вне исходного дискурса.

Предложение является минимальной коммуникативной единицей языка. Языковая коммуникация производится в живом дискурсе или опосредованно, через текст, в рамках которого происходит общение автора и читателя. В художественном тексте, как и в живой коммуникации, широко употребляются различные экспрессивные элементы. В частности, нередко отмечается то, что называют «синтаксисом потока сознания», в котором отсутствует четкая грамматикализация и нормирование, «всплывают» детали, изменяется тема и фон – это регулярная ситуация для живой разговорной речи. Очень часты в таких условиях конструкции с единственным второстепенным вербализованным членом. Такие структуры легко и с равной степенью вероятности могут быть возведены различным инвариантным моделям.

Первая группа явлений, смежных с синтаксической неполнотой, это явления синтаксической незавершенности. Это явление нередко противопоставляется явлению синтаксической неполноты, и

существуют системы критериев структурно-семантического, функционального и интонационного характера, служащие для их разграничения.

Структурный критерий обычно применяется для определения наличия – отсутствия структурного разрыва синтаксической цепи, нарушения последовательности следования синтаксических сегментов и их непрерывности.

Содержание семантического критерия заключается в констатации для незавершенного высказывания более высокой степени имплицитности, которая нередко связана с проявлением большего количества субъективно-модальных значений. Так, Т.Н. Колокольцева (Колокольцева 2001: 50), приводит и описывает следующий пример:

1) (*Разговор о сотруднице, находящейся в командировке*): А.: *И скоро она вернется?* Б.: *После второго* (неполное высказывание);

2) (А. и Б. раньше жили вместе во *втором* общежитии, находящемся недалеко от университета; затем А. переехала в более отдаленный район): Б. *Ну// как там на новом месте? Б. Ничего// Только вот дорога замучила// После второго...* (незавершенное высказывание).

«Значение неполного высказывания *После второго* (1) совершенно очевидно для собеседников. Невербализованные члены однозначно заданы контекстом (*И скоро она вернется?*) и предметом разговора (т. к. речь идет о сроке возвращения из командировки, при слове *второй* имплицитно мыслится название месяца). Семантика невербализованной части *После второго...* (2) не является столь очевидной, как в омонимичном неполном предложении. Контекст и конкретная ситуация речи оказываются явно недостаточными для восстановления отсутствующих членов высказывания.

Невербализованный смысл понятен собеседникам вследствие общности апперцепционной базы: оба участника диалога знают, как трудно добираться до университета из района, в котором теперь живет А., и насколько проще это было делать раньше. Если облечь всю передаваемую информацию в вербальную форму, получим примерно следующее: *После второго общежития, которое находилось рядом с университетом, ездить из другого района очень тяжело*» (Там же: 50-51).

С ее точки зрения, «невербализованный смысл в незавершенных высказываниях, в отличие от неполных, не лежит на поверхности, а по объему может значительно превышать вербализованный. При декодировании и интерпретации эксплицитно не выраженного смысла адресат речи опирается на целый комплекс языковых и неязыковых средств» (Там же: 51).

Автор цитируемого источника утверждает, что «неполные высказывания в большинстве случаев нейтральны (во всяком случае, сам факт неполноты не приводит к их эмоциональности), тогда как незавершенные передают широкий круг субъективно-модальных значений и оттенков» (Там же: 52).

Что касается интонационного критерия, то упомянутый нами автор трактует его следующим образом: «Данный дифференцирующий признак заключается в том, что незавершенные высказывания имеют особое интонационное оформление (отсутствие мелодического понижения, просодическое выделение последнего слова фразы в одних случаях и неполная реализация интонационной конструкции в других), тогда как интонация неполных ничем не отличается от интонации полносоставных» (Там же, с. 51).

Многие исследователи разграничивают неполные и

эллиптические конструкции как явления различных видов, а их соотнесенность они предлагают считать смежным явлением. Так, по мнению А.П. Сквородникова, неполные и эллиптические конструкции – это смежные синтаксические явления. Он считает, что «эллиптическая конструкция - это синтаксическая единица с нереализованной обязательной языковой валентностью, имеющая фактически или потенциально соотносительную нормативную конструкцию с реализованной валентностью. Функционируя в тексте, вернее в его части (ССЦ), эллиптические предложения расчленяют высказывания, акцентируют те или иные его сегменты. В то же время в современном русском языке широко распространен такой прием речевой выразительности, который состоит в расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, т.е. фразах. Для обозначения этого феномена используются два понятия: «парцелляция» и «присоединение», которые также относятся к смежным с неполнотой явлениям (цит. по Ванников 2000: 86).

Существенный вклад в разработку теории синтаксического присоединения внесла В.А. Белошапкова. Выделяя статический и функциональный аспекты предложения, она представляет присоединение «как явления статического аспекта предложения. Оно относится не только к речевому выражению, но и к системе языка, так как в языке оно представлено специфическими связями и моделями предложений» (Белошапкова 1999: 112).

Некоторые исследователи (Сквородников 1976, Калинин 2005) считают, что синтаксическая незавершенность выводит синтаксические явления из рамок неполноты в рамки парцелляции.

Парцеллированная конструкция обычно расчленяется на базовую структуру и всегда постпозитивный парцеллят. С позиций нашего исследования вызывает интерес вопрос, является ли этот постпозитивный компонент парцеллированной конструкции неполным предложением.

С точки зрения А.Н. Калинина, условиями для интерпретации парцеллированных конструкций как неполных предложений «являются: 1) синтаксическое тождество члену предшествующего предложения вынесенного за точку элемента и 2) сочетание предложений, которые, выражая субъект и предикат действия, потенциально могут быть связаны формально-грамматической предикативной связью» (Калинин 2005, с. 20).

Сопоставление явлений присоединения и парцелляции с точки зрения их вовлеченности в систему реализации синтаксической неполноты показывает нам, что по некоторым из критериев - дискурсивным свойствам конструкции и ее структурно-семантическим свойствам - эти явления противопоставлены по ряду признаков.

На основе сказанного мы можем отметить следующее:

- присоединение и неполнота являются системными языковыми явлениями, тогда как парцелляция – дискурсивное явление;
- присоединение относится к системе синтаксических связей и может участвовать не только в оформлении ССЦ, но и в совместном оформлении основного предложения и парцеллята;
- синтаксическая неполнота и парцелляция реализуют сходные дискурсивные функции путем актуализации компонентов и придания динамизма высказыванию, что

позволяет говорить об изофункциональности неполных и некоторых парцеллированных конструкций.

Таким образом, противопоставление неполноты и парцелляции проявляется в том, что структурная неполнота, являясь грамматической категорией отдельного предложения, нередко приводит к тому, что отсутствие заполнения синтаксической позиции нередко возникает в результате отсутствия какого-либо компонента препозитивного предложения. В случае же явления парцелляции незамещение синтаксической позиции возникает из-за интонационной и пунктуационной паузы, оформляемой на письме, таким образом здесь можно говорить об одном и том же, но расчлененном высказывании.

При этом основная часть высказывания и парцеллят могут иметь оформление синтаксической связи с помощью присоединения, оформляющей добавочное суждение, дополнительную информацию и т. д.

В данном параграфе мы опирались на традиционные критерии выделения неполных (и смежных с ними) синтаксических конструкций. Как видим, предлагаемые традиционные критерии не всегда оказываются состоятельными.

1.4. Необходимость введения дополнительных критериев выделения синтаксической неполноты

Среди центральных вопросов теории неполноты - вопрос о ее критериях. В традиционных подходах к изучению описываемого явления к числу основных критериев причисляются следующие:

- 1) синтаксическая роль опущенного компонента или членов

предложения (А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, А.Н. Назаров, Н.Г. Колесников, Т.И. Антонова, А.С. Попов, П.А. Лекант, Э.П. Боярченко и др.);

2) специфика наличного состава, т.е. вербально представленных членов предложения (И.А. Попова, П.В. Кобзев, А.В. Турасова, Е.Л. Безденежных и др.);

3) учет ситуации и контекста (Е.М. Галкина-Федорук, Н.С. Валгина, В.В. Виноградов и др.);

4) учет синтаксической позиции опущенного компонента и/или стержневого компонента (Т.П. Ломтев, А.А. Чувакин, В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов и др.);

5) учет семантической позиции невербализованного компонента (А.П. Сковородников и др.).

Все эти классификации в основном следуют принципу минимализма, т.е. стремятся к выделению минимального количества критериев неполноты. «Побочным эффектом» такого подхода является, на наш взгляд, неправомерное сужение границ феномена синтаксической неполноты, при котором оно отграничивается от ряда «смежных» явлений, в первую очередь, от эллипсиса и от неполноты семантической.

По поводу последнего следует сказать несколько слов. Разграничение семантической и синтаксической неполноты во всех без исключения исследованиях, признающих эти два вида исследуемого феномена, строится по принципу оппозиции, т.е. неполнота синтаксическая противопоставляется неполноте семантической, и, следовательно выделяются отдельно случаи синтаксической неполноты, напр., в конструкциях типа: *Один из мастеров мешал раствор, другой – возился в углу в каких-то пакетах* (М. Веллер),

отдельно – случаи неполноты семантической (ср.: *Если хотите позавтракать, то столовая направо*). При этом последние случаи нередко квалифицируются как явление компрессии (С.Е. Никитина, Н.Н. Леонтьева, Э.Ф. Скороходько и др.). Этим исследователи признают неприменимость единой системы критериев к случаям разных видов неполноты.

Последователи концепции синтаксической неполноты считают, что с точки зрения семантической структуры неполнота представляет собой «опущение в высказывании тех или иных языковых знаков, не приводящее к нарушению формальных связей между словами и структурными звеньями высказывания» (Леонтьева 2005, с.46).

Как мы уже отмечали, термин «семантическая неполнота» нередко применяется параллельно термину «компрессия сообщения» (С.Е. Никитина, Н.Н. Леонтьева и др.). При этом исследователи нередко отмечают, что «компрессия сложного предложения предполагает сохранение структуры содержания при сжатии представляющих ее частей» (Леонтьева 2005, с.47).

В более широком смысле использует термин «компрессия» Э.Ф. Скороходько: «компрессия текста понимается как уменьшение его объема при сохранении основного содержания» (Скороходько 1963, с.13).

Приведем примеры анализа семантического аспекта неполноты:

а) Отец приехал бы вовремя, но погода была нелетная.

б) Если хотите переодеться, то гардеробная на первом этаже.

Прежде всего, отметим, что обе приведенные фразы полностью автономны, т.е. понятны без обращения к конситуации. Никакие синтаксические связи здесь не нарушены, чего, однако, нельзя сказать об отношениях логико-семантических. Конструкция (а) состоит из

двух предикативных единиц, соединенных противительным союзом «но», который обычно в понятиях логики интерпретируется как конъюнктивный, ибо используется «для выражения того факта, что некоторые два события происходят совместно». Однако в данном построении имплицитно выражены отношения обусловленности. Можно построить развернутую модель высказывания (а):

в) Если бы погода была летняя/то отец приехал бы вовремя, но погода была нелетная, поэтому (так что) он опоздал (= не приехал вовремя).

При сопоставлении данной двухкомпонентной фразы (а) с её четырехкомпонентным вариантом (в) обнаруживается, что, хотя они семантически идентичны, в первом высказывании эксплицированы только второй и третий компоненты (среднее звено высказывания), а первый и четвертый вербального выражения не получили.

Обратимся к анализу конструкции (б). Известно, что условный союз «если... то» в сложноподчиненном предложении устанавливает условно-следственные отношения между частями. Однако между событием, обозначенным компонентом *хотите переодеться*, и событием, обозначенным компонентом *гардеробная на первом этаже*, отношений обусловленности нет: если кто-то не хочет переодеться, то гардеробная на другой этаж не перемещается. Иначе говоря, компонент «*гардеробная на первом этаже*» не следует непосредственно из компонента «*хотите переодеться*», он не является условием компонента *гардеробная на первом этаже*. Такие конструкции оправданы тем, что между компонентами адресат реконструирует невербализованное звено, содержание которого как бы распределяют между собой вербализованные звенья. При установлении семантических отношений между предикативными

компонентами такого типа нельзя не учитывать этого неэксплицированного звена, которое не получило в высказывании вербального выражения. Семантически адекватным вариантом двухкомпонентной фразы (б) является трехкомпонентное сложное предложение, построенное по модели: (г) *Если хотите переодеться, то имейте в виду (знайте, учтите...), что гардеробная находится на первом этаже.* Таким образом, условно-следственные отношения имеют место не между компонентами *гардеробная на первом этаже* и *хотите переодеться*, а между компонентом *хотите переодеться*, с одной стороны, и сложным построением, в состав которого входят эксплицитная часть *гардеробная на первом этаже* и имплицитная часть *то имейте в виду (знайте, учтите...), что, ... находится с другой.*

Итак, семантическое тождество свернутых «семантически неполных» конструкций (а) и (б) с их развернутыми (изофункциональными – см. далее) вариантами (в) и (г) у носителей русского языка сомнений не вызывает. Однако следует заметить, что если в полном варианте все компоненты содержания выражены эксплицитно, то в семантически неполном отдельные элементы содержания остаются имплицитными.

С точки зрения традиционного подхода, если в предыдущих конструкциях, которые рассматривались ранее в связи с понятием синтаксической неполноты, опущение лексических звеньев вело к нарушению грамматических связей между эксплицитно представленными компонентами (что и является основанием объединения этих случаев одним понятием «синтаксическая неполнота»), то в следующих за ними конструкциях, иллюстрирующих семантическую неполноту, никаких явно выраженных нарушений

связей не наблюдается. Эти фразы в семантическом отношении автономны и являются стилистической нормой языка.

Но так же, как и в случаях грамматической неполноты, конструкции с семантической неполнотой обнаруживают неоднородность, связанную с принципами развертывания плана выражения, т.е. репрезентации недостающих звеньев, отмечает Э.Ф. Скороходько.

Так, если сравнить два приведенных примера с семантической неполнотой, то при сравнении их друг с другом - и одновременно с их развернутыми вариантами становится видно, что в развернутых вариантах восстановленные звенья дублируют компоненты, представленные в эксплицитной части первой конструкции, хотя и с обратными знаками: *отец приехал бы вовремя - отец не приехал вовремя (= отец опоздал); погода была бы летняя - погода была нелетная*. О второй конструкции этого сказать нельзя: здесь восстановленный компонент отнюдь не дублирует эксплицитированных частей.

Теперь сравним вторую «семантически неполную» конструкцию и ее развернутый вариант, с одной стороны, и вторую синтаксически неполную конструкцию, с другой. Обнаруживается, что хотя в первом случае мы имеем дело со сложным предложением, а во втором – с простым, между ними есть общее: в обоих высказываниях восстановление невербализованных звеньев происходит через внутрифразовый контекст по правилам, которые можно сформулировать в общем виде (само собой разумеется, что правила эти будут различными: в одном случае воспроизводится целая предикативная единица, а в другом - лишь отдельные элементы).

Таким образом, большинство исследователей признает

правомерность разграничения синтаксического и семантического аспектов неполноты, однако из-за сложности их квалификации по единой системе критериев предлагают для обозначения семантической неполноты термин «имплицитность». В частности, О.С. Тимченко отмечает, что «термин «семантическая неполнота» может навести на мысль о снижении информативности высказывания. А между тем нужно подчеркнуть, что речь идет о явлении вариативности двух семантически тождественных высказываний, но в полном варианте эксплицированы все элементы плана содержания, тогда как в семантически неполном отдельные элементы плана содержания приобретают имплицитный характер - они не развернуты, как бы скрыты» (Тимченко 2009, с. 79). На наш взгляд, «имплицитность» и «семантическая неполнота» относятся к разным сферам лингвистического описания и охватывают разный круг явлений. Термин «имплицитность» вообще означает невербализованность определенной семантики и противопоставлен термину «эксплицитность». Однако, термин «семантическая неполнота» означает неполноту семантики и противопоставляется не полноте репрезентации семантического состава, а синтаксической неполноте; а между тем, как мы покажем далее, семантическую неполноту не следует противопоставлять неполноте синтаксической. Не совсем удовлетворительным является и термин «компрессия», поскольку он процессуален по существу, он говорит о «сжатии» конструкций, об уменьшении размеров высказывания в речи. Многие исследователи отмечают, что анализ фактического материала показывает, что выделение только двух аспектов неполноты (грамматической и семантической) недостаточно, поскольку внутри этих видов усматриваются существенные различия, и к тому же такие, которые в каждой из групп позволяют выделять родственные подтипы.

В нашем понимании синтаксическая неполнота не противопоставляется синтаксической. Как семантическая, так и синтаксическая неполнота предусматривают разнообразные формы имплицитности, что также делает термин «имплицитность» дополнительным, а не синонимичным одному из видов неполноты. В частности, как мы обоснуем далее, семантическая неполнота в нашем понимании – это наличие лакуны в когнитивной структуре высказывания, тогда как синтаксическая неполнота – это наличие незамещенной синтаксической позиции, обязательной для реконструкции на основе внутренней, содержащейся в ней или в пределах конструкции, или внешней дискурсивной информации; контекстуальная или ситуационная лакуна на месте тех или иных элементов конструкции, подлежащих реконструкции. Однако семантика предложения, содержащего неполную конструкцию, с одной стороны, и соответствующего высказывания с изофункциональной ей полной конструкцией - с другой, должен быть одним и тем же.

Попытки ограничения списка неполных конструкций, дифференциации различных «видов» неполноты, предпринимавшиеся ранее, доказали свою слабую объяснительную силу именно из-за того, что причины и механизмы неполноты искали на уровне синтаксической и семантической структуры, неполнота не рассматривалась как системное явление, функционирующее на разных уровнях языка – от когниции до дискурса.

Выводы к главе 1.

В состав неполных предложений закономерным образом включаются синтаксически редуцированные структуры

соответствующих полносоставных предложений, хотя, следует отметить, что не всегда удастся возвести конкретный тип неполного предложения к определенному полносоставному.

Ряд проблем, касающихся изучения неполных конструкций в синтаксисе, остается нерешенным. Так, на настоящий момент не доказано, есть ли необходимость выделения неполного ситуативного и неполного контекстуального высказываний, если различие между ними заключается лишь в объеме необходимой для их реконструкции ситуативной информации. Также существенным представляется выяснение, всегда ли неполные предложения способны иметь эксплицитный изофункциональный инвариант; существуют ли инвариантные конструкции изофункциональных рядов неполных и полных конструкций, а также может ли изофункциональный аспект являться релевантным критерием для выделения неполного предложения.

Среди центральных вопросов теории неполноты - вопрос о ее критериях. В традиционных подходах к изучению описываемого явления к числу основных критериев причисляются синтаксическая роль опущенного члена или членов предложения; специфика наличного состава, т.е. вербально представленных членов предложения; учет ситуации и контекста; учет синтаксической позиции опущенного компонента; учет семантической позиции невербализованного компонента.

Все эти классификации в основном следуют принципу минимализма, т.е. стремятся к выделению минимального количества критериев неполноты. «Побочным эффектом» такого подхода является неправомерное сужение границ феномена синтаксической неполноты, при котором оно отграничивается от ряда «смежных» явлений, в

первую очередь, от эллипсиса и от неполноты семантической.

При этом разграничение семантической и синтаксической неполноты во всех без исключения исследованиях, признающих эти два вида исследуемого феномена, строится по принципу оппозиции.

В результате исследования мнений ученых о полных, неполных и эллиптических синтаксических конструкциях нами были выработаны основания для подходов их изучения и классификации, а также уточнено определение, в соответствии с которым под неполными мы будем понимать такие конструкции, в которых имеет место незамещенная синтаксическая позиция (НСП), восполняемая из внутреннего контекста, внешнего контекста, дискурсивной ситуации или знаний коммуникантов. Эллипсис мы будем считать частным проявлением неполноты, при котором синтаксическая позиция, восполняемая из внутреннего контекста, не требует своего восполнения, поскольку грамматическая конструкция содержит всю необходимую и достаточную информацию.

В нашем понимании синтаксическая неполнота не противопоставляется семантической. Семантическая неполнота – это наличие лакуны в когнитивной структуре высказывания, тогда как синтаксическая неполнота – это наличие незамещенной синтаксической позиции, обязательной для реконструкции на основе внутренней, содержащейся в ней или в пределах конструкции, или внешней дискурсивной информации; контекстуальная или ситуационная лакуна на месте тех элементов структуры, которые подлежат реконструированию, при этом семантика высказывания, содержащего неполную конструкцию, с одной стороны, и соответствующего высказывания с изофункциональной ей полной конструкцией - с другой, должна быть одной и той же.

Глава 2. Синтаксическая неполнота в когнитивном и информационно-дискурсивном аспектах

2.1. Когнитивно-дискурсивный и изофункциональный аспекты исследования неполного предложения

В нашем исследовании предпринят комплексный когнитивно-дискурсивный и изофункциональный подход к исследованию неполного предложения с учетом его информационной составляющей.

Основными подходами, принятыми в современной лингвистике к исследованию грамматических явлений, являются формальный и функциональный. Основное различие между формализмом и функционализмом заключается в том, что находится в основе лингвистической теории.

Формальный и функциональный подходы неразрывно связаны между собой. Сущность их различия заключается в том направлении движения исследовательской мысли, которое наиболее адекватно методологии направления. В одном случае речь идет о движении от формы к содержанию, об исследовании, какую семантику могут выражать те или иные грамматические формы. Во втором случае исследование продвигается от семантики к грамматической форме – какие грамматические формы могут выражать то или иное значение.

Функциональный подход предполагает исследование, направленное от выполняемых языковым явлением функций к их реализации. Его второе название – семантико-структурный – достаточно точно отражает характер движения исследовательской мысли. Важным достижением функционализма является внимание к коммуникативным характеристикам высказывания, в том числе к

сопоставлению того, как те или иные смыслы репрезентируются в грамматических системах разных языков, а также того, какие различия имеют те или иные формы выражения инвариантного значения.

Революционную роль сыграло изменение парадигматики в сторону интереса к когнитивной стороне языка. Информационные структуры в языковом сознании носителя языка организуются в картину мира, в ментальные репрезентации, которые классифицируются различным образом: концепты, фреймы, сценарии, процедуры и т.п. Язык играет важную роль в организации и формировании когнитивных феноменов, которые, в свою очередь, детерминируют проявления языковых процессов. Сформированные в языке коммуникативные структуры представляют собой своеобразные элементы коллективного языкового мышления; информация, функционирующая и накапливающаяся в дискурсе, фиксируется и структурируется в языковую картину мира отдельного носителя языка и тем самым и всех его носителей.

Когнитивные категории отражают связи и отношения между явлениями окружающего мира, и наиболее стандартные, частотные и инвариантные из них закрепляются в системе языка в виде грамматических и лексико-грамматических категорий. Репрезентация грамматического содержания представляет собой сложный процесс, в результате которого знания об актуальном фрагменте картины мира, о событии, которое является объектом коммуникации, распределяются между понятийными структурами, которые репрезентируются в лексическом наполнении коммуникативной единицы, и грамматическими структурами, информация которых представляет категоризованные результаты обобщенного человеческого опыта.

Если в последнее время очень большое количество исследований

когнитивных явлений в языке затрагивало главным образом понятийные структуры – понятийные концепты, фреймы, сценарии, то лингвокогнитивных исследований синтаксических категорий существует сравнительно немного. Вероятно, это связано с предельно абстрактным характером когнитивно-грамматических и, в частности, когнитивно-синтаксических категорий и трудностью их описания в изоляции от понятийного информационного наполнения.

Однако некоторые концепции, зародившиеся еще в недрах функционального языкознания, являются весьма перспективными, в том числе применительно к исследованиям неполных синтаксических конструкций.

К таким теориям относится теория синтаксической изофункциональности, предложенная Ю.Ю. Леденевым. Согласно этой концепции, набор синтаксических отношений в языке конечен, поскольку отражает конечный набор отношений, категоризованных человеческим мышлением. Каждое дискурсивное явление предусматривает существование изофункционального инварианта – в общем случае наименее маркированного члена изофункциональной парадигмы, наиболее функционально универсального и наименее дискурсивно зависимого (см. об этом в Леденев 2001).

Синтаксическая изофункциональность может быть интерпретирована в широком и узком смыслах. В узком смысле изофункциональными считаются явления, имеющие в своей когнитивной основе аналогичные ментальные репрезентации и когнитивные операции, в своей коммуникативной обусловленности аналогичные коммуникативные свойства, с точки зрения функциональной семантики аналогичное актуальное для данной дискурсивной ситуации семантическое наполнение, и с точки зрения

структуры – разнообразие формальных способов репрезентации (Леденев 2011). В широком смысле под синтаксической изофункциональностью понимается функциональное подобие языковых единиц различных синтаксических ярусов, обусловленное их единством в адекватной реализации коммуникативной функции (Леденев 2001). Кроме этого, под изофункциональностью нередко понимается и простое подобие синтаксических функций разнообразных единиц (Мошегова 2007). Встречаются и упоминания о межъязыковой изофункциональности как характеристики разноструктурных явлений, выполняющих в разных языках одну и ту же функцию (Рамазанова 2012).

Преимущество этого термина для обозначения однотипных с точки зрения реализации своих функций явлений перед терминами изоморфизм, изосемия, синтаксическая синонимия проявляется в простом сравнении их дефиниций. Изоморфизм предусматривает подобие формы, что не связано с выполнением языковой единицей своей функции. Изосемия подразумевает семантическое сходство, при этом совершенно не принимается во внимание функциональный аспект. Таким образом, могут быть признаны изосемичными явления различной функциональной природы, например, слово и его предикативная словарная дефиниция в словаре. Между тем функциональная природа слова реализуется в определенной синтаксической позиции в предложении, тогда как его предикативное толкование само представляет собой одно или несколько предложений. Синтаксическая синонимия традиционно рассматривается именно в парадигме понимания опорного термина «синоним», то есть семантическое сходство, возможность использования одного вместо другого. Понятие синтаксической синонимии не предусматривает реализации синонимичными явлениями одной и той же

синтаксической и коммуникативной функции, его рамки простираются лишь до репрезентации одного и того же семантического наполнения. Так, конструкции *«наполовину пустой стакан»* и *«наполовину полный стакан»* проявляют синтаксическую синонимию, но не являются изофункциональными для большинства дискурсивных ситуаций, так как имеют различную когнитивную базу, однако конструкции *«Вследствие дождя прогулку пришлось отложить»* и *«Прошел дождь. Из-за него прогулку пришлось отложить»* уже не проявляют синтаксической синонимии, однако в большинстве контекстов реализуют одинаковые функции, то есть содержат одну и ту же информацию и имеют одно и то же когнитивное содержание, но разные способы своего синтаксического выражения (см. об этом в (Леденев 2010), (Милевская, Малащенко 2011)).

Вне зависимости от синтаксического яруса когнитивно-семантическая структура высказывания в целом изоморфна семантической структуре предложения. Соответственно основные виды синтаксических отношений должны с некоторыми вариациями функционировать на всех синтаксических ярусах. Сущность изофункционального подхода не ограничивает его применения к явлениям только одного яруса языка. Если абстрагироваться от ряда формальных свойств синтаксических структур до той степени, в которой эти формальные свойства не выводят исследуемые явления в круг несопоставимых, и с учетом того, что всякая информация дискурсивна и в различных дискурсивных ситуациях может оказаться несопоставимой, появляется возможность выявления сходства функции этих средств в репрезентации языковой информации.

Особо следует подчеркнуть, что если при изучении изофункциональных явлений в рамках трансформационного ряда мы

выявляем изофункциональность в парадигматическом аспекте, то есть определяем инвариант или доминанту изофункционального ряда, а также строим ряды возможных изофункциональных преобразований, то при рассмотрении разных ярусов необходимо констатировать факт функциональной аналогии рассматриваемых явлений, выявить функциональные аналоги наблюдаемого явления, объяснить основания выявления изофункционального соответствия между явлениями. Исследование синтаксической изофункциональности следует проводить в нескольких аспектах:

1. Структурно-семантический аспект. Следует учитывать, насколько структуры ярусов, на которых проявляется изофункциональность, сходны формально, и насколько сходная семантика репрезентируется. Следует отметить, что изоморфизм далеко не всегда подразумевает изофункциональность: нередко сходные по своей грамматической организации явления даже одного синтаксического яруса выполняют совершенно разную функцию, что ведет даже к различной категоризации этих явлений.

2. Функциональный аспект. Реализация сходных функций различными по грамматической организации языковыми явлениями является наиболее явно воспринимаемым признаком их изофункциональности. Если даже заметные отличия в семантике этих грамматических явлений не ведут к различию в выполняемых ими функциях (что особенно заметно в модально-экспрессивных моделях), если результатом функционирования и первого, и второго явления становится аналогичная, конгруэнтная интерпретация их реципиентом, то можно утверждать об изофункциональности этих явлений. Интересно, что в этом случае даже весьма разнородные конструкции могут восприниматься практически одинаково, и значительная разница

в них, изолированных от контекста, в дискурсе оказывается **исчезающе** малой.

3. Когнитивный аспект. Когнитивный подход исходит из постулата об универсальном характере человеческого мышления, и о значительном сходстве языковых картин мира (не выходящем за рамки гипотезы Сепира-Уорфа). Наличие аналогичных грамматических и семантических категорий в репрезентации однородного знания демонстрирует операциональное сходство когнитивных процессов в речемыслительной деятельности. Более того, изучение когнитивной стороны исследуемых явлений, а именно аспектов речемыслительной деятельности на основании наблюдения языкового поведения носителя языка, дает основания для логической цепочки: наблюдая различные явления, которые имеют своим результатом реализацию продуктами языковой деятельности аналогичных коммуникативных функций и совершение аналогичного воздействия на получателя речи, можно сделать вывод о наличии одинаковых когнитивных механизмов в основе этих явлений. В свою очередь, этот вывод позволяет прогнозировать результат сопоставления других языковых явлений, которые имеют в своей основе сходные когнитивные механизмы. Таким образом, изучая функции языковых единиц, мы исследуем их когнитивную категориальную природу, а обогащая знания о когнитивных процессах, мы все детальнее познаем и объясняем язык и его функционирование.

4. Дискурсивный аспект. Этот аспект, наряду с когнитивным, лежит в основе возможности изофункционального подхода, поскольку определяет границы эмпирического материала и особенности функционирования языка. И дело здесь не только в том, что исключительно в актуальной коммуникации возможно точное

исследование свойств и функций языковых единиц, но и в том, что границы дискурса позволяют добиться достаточной чистоты и достоверности исследования – функционирование языка в строго определенной дискурсивной сфере вызывает к жизни его строго определенные свойства. Если мы в определенном дискурсе рассматриваем два синтаксических явления, обнаруживающих одинаковые коммуникативно-дискурсивные характеристики, то можно достоверно полагать, что и система наблюдаемых их свойств не будет выходить за определенные рамки. Использование в одной и той же дискурсивной ситуации с одними и теми же коммуникативными параметрами языковых единиц, обладающих когруэнтными дискурсивными свойствами, позволяет точно пронаблюдать свойства указанных единиц, релевантные для данной процедуры, и сделать вывод об их изофункциональности.

5. Кроме этого, в качестве дополнительного аспекта мы выделяем и информационный аспект. Как утверждает Г.Н. Манаенко, «будучи представлением (картиной) реального мира, действительности, сигнификативная ситуация предстаёт как информация, поскольку ещё Н. Винер отмечал, что это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Информацию же, в свою очередь, в настоящее время понимают и представляют как знание (в логике - как формализованное знание, выступающее в качестве объекта коммуникации между людьми), определяемое обладанием опыта и пониманием, на основании которых можно строить суждения и выводы, обеспечивающие целенаправленное поведение. Знание выступает как многомерная категория, поскольку является продуктом мыслительной деятельности, которая может быть самой различной по типу: понятийной, образной, интуитивной, технической и т.п.»

(Манаенко 2006: 187). Если в основу поиска изофункциональных явлений положить также и понятие информации, можно говорить о том, что изофункциональные явления представлены разными способами репрезентации аналогичной информации.

Итак, в основе многоаспектного исследования изофункциональности лежит следующее определение этого явления: Синтаксическая изофункциональность в нашем понимании представляет собой наличие у синтаксических единиц одной когнитивной базы, аналогичных функционально-семантических и коммуникативно-прагматических характеристик при репрезентации одной и той же языковой информации в аналогичных дискурсивных условиях.

И, соответственно, изофункциональными оказываются синтаксические явления, имеющие в своей когнитивной основе одну и ту же (или одинаковые) ментальную репрезентацию и когнитивные категории, подобное актуальное для данной дискурсивной ситуации семантическое наполнение, схожие коммуникативные свойства, и, с точки зрения структуры, – разнообразие формальных способов репрезентации, проявляемое в сходных коммуникативно-прагматических условиях дискурса.

Рассмотрение изофункциональных репрезентаций одних и тех же отношений на основе когнитивно-дискурсивного подхода позволяет более детально описать категории, функционирующие в грамматической системе языка, что дает новый инструментарий лингвистическому исследованию и, в частности, исследованию неполных синтаксических конструкций.

2.2. Информационно-дискурсивный подход к изучению неполного предложения

В свете изложенного выше возникает необходимость рассмотреть систему неполных синтаксических конструкций языка по следующим критериям:

1) соотнесенность с синтаксическими конструкциями смежных синтаксических ярусов;

2) с позиций реализации синтаксической функции неполного предложения в речи и тексте;

3) с позиций семантической и информационной соотнесенности с дискурсом;

4) выявления внутренних семантико-структурных отношений в пределах внутренней структуры неполной синтаксической конструкции на основании учета когнитивных процедур предикации и категоризации;

5) с точки зрения информационной структуры и информационного взаимодействия неполной синтаксической конструкции со структурой дискурса.

Информационно-дискурсивный подход был предложен проф. Манаенко, который декларирует его так: «Методологическую основу и теоретическую базу подобного исследования ... должны составить положения современной философии языка, определяющей общие принципы концептуализации действительности и объём и границы лингвистической онтологии; положения структурно-семантического подхода к изучению языка, в соответствии с которым языковые единицы определяются как конструктивные носители смысла; и постулаты когнитивной лингвистики, в рамках которой язык

рассматривается как механизм и инструмент смыслообразования и репрезентации представлений и знаний человека о мире, а также достижения психолингвистики в области теории порождения речи, что позволяет определить данный подход как «информационно-дискурсивный» (Манаенко 2006, с. 17).

Исследование синтаксической неполноты оказывается недостаточным без обращения к исследованию информационной структуры. Для этого необходимо определить, что же понимается под информацией.

Надо отметить, что самые разнообразные данные, не только словарные, но и другие, которые используются для раскрытия этого понятия, обязательно подразумевают наличие активного познающего и общающегося субъекта – человека. «Информация не может быть «ценной» сама по себе – должен быть некто, для кого существенна прагматическая сторона информации; этот некто должен существовать и для того, чтобы создавать, хранить, передавать и обрабатывать информацию. Чтобы информация стала реальностью, необходимо человеческое сознание, в котором она отображается как результат деятельности человека, его взаимодействия с окружающим миром, что и является целью и сущностью информации, условием ее функционирования и существования. Для человека – активного субъекта – информация есть все то, что адекватно координирует со структурами его когнитивного пространства и развивает их, то, что усиливает его адаптационные возможности как «живой» системы и повышает эффективность его взаимодействий с другими сущностями. Вне сомнений, информация – это и отношение (позиция) субъекта к актуализированному при познании и коммуникации «содержанию» - предметной деятельности, эмоциональным переживаниям и

аффективным состояниям, знаниям и представлениям о мире и о себе. Таким образом, информация существует лишь в плоскости сознания познающего субъекта» (Манаенко 2003, с. 22).

С точки зрения Г.Н. Манаенко, в учете корреляции «предикация – пропозиция – информация – дискурс» лежит основа успеха в исследовании синтаксических явлений; в нашем случае – явления синтаксической неполноты.

Рассмотрение неполного предложения в качестве элемента изофункциональной системы синтаксических единиц станет успешным лишь в результате учета корреляции системы и ее окружения. Лингвистическим окружением для системы неполного предложения выступают изофункциональные ему предложения с разной степенью эксплицитности компонентов. Анализ семантической организации этих единиц позволяет охарактеризовать их особенности на основании изучения, как репрезентируется в них пропозициональная структура. Отметим, что в науке традиционно выделяются три вида пропозиций – диктумные, логические и модусные. «Диктум и модус предложения – это не тип пропозиции, но отображение, соответственно, предмета и предиката мысли (номинации ситуации) и ее движения, динамики (операций речемыслительной деятельности). Таким образом, план содержания предложения представляет комплекс объективных (диктумных) и субъективных (модусных) смыслов, соотносительных с диктумными, модусными и логическими пропозициями» (Манаенко 2003, с. 262).

Таким образом, чрезвычайно существенным оказывается явление предикации, которое и образует исходный элемент картины мира, в котором оно совершается. Важную роль здесь выполняет говорящий, в сознании которого и происходит речемыслительная операция

приписывания свойства или отношения актуальному объекту языковой картины мира. Соотношение номинации, пропозиции и предикации трактуется следующим образом: если пропозиция является номинацией категоризованной ситуации с заполненными валентностями семантических ролей, то предикация является операцией преобразования многомерной когнитивной структуры (фрагмента картины мира) в линейную синтаксическую последовательность. Когда предикаторная пропозиция реализуется в высказывании, она синтаксически фиксируется в грамматических категориях времени, лица и модальности. А предикативность, в свою очередь, является грамматической формой этого процесса, при котором признак приписывается предмету; коммуникативно-прагматическим аспектом этого является соотнесенность предикации с моментом речи. Таким образом, предикативность является основным способом синтаксической реализации пропозиции. Выбор способа выражения пропозиции подсказывает адресату коммуникативную ценность, важность передаваемой информации. Синтаксическая единица становится коммуникативной «не только потому, что в ней отображается каким-либо способом пропозиция, но и потому, что в ней отображается речемыслительная деятельность говорящего, и прежде всего операция приписывания, т.е. предикация» (Там же).

Дифференциация предикации и предикативности, определение места в этой корреляции для пропозиции позволяет на уровне информационной модели простого предложения описать и объяснить ее способность к разнородному выражению «положений дел». В этом смысле разнообразные факты неполноты в плане оформления на поверхностном уровне «могут быть представлены через таксисные и «внутрирядные» отношения и многие другие специфические морфологические и синтаксические средства» (Там же. с. 263).

Таким образом, вопрос о представлении информации языковыми единицами может решаться с точки зрения грамматических средств ее выражения, которые представляют как само знание, так и «степень коммуникативности» его представления. Развивая предложенную им концепцию информационно-дискурсивного подхода, Г.Н. Манаенко утверждает, что «минимальной и обращенной к коммуникации, т.е. семантической, ментальной репрезентацией является пропозиция, получающая статус коммуникативной единицы вследствие вовлеченности ее в пространство мысли (речемыслительную деятельность). Таким образом, языковое выражение, соотносительное с единицей знания (информации), отображает пропозицию и речемыслительные действия над нею, в первую очередь ее дискретизацию, т.е. операцию приписывания (акт предикации). Простое предложение как единица языка отображает единицу информации приоритетно.

Так как в системе языка существует иерархия средств представления пропозиции, ставшей содержанием отдельной мысли, пропозициональная форма ментальной репрезентации предстает в коммуникации единицей информации тогда, когда данное содержание (знание) «навязывается» и не входит в фонд разделенных знаний, когда отображается не только пропозиция, но и установление отношения предикации и другие ментальные акты» (Там же. с. 265). Таким образом, в информационно-дискурсивном подходе «коммуникативной единицей языка, соответствующей единице информации, считается такая языковая единица, в которой отображено движение мысли, соотношение мыслей и «информационная» ценность мысли» (Там же). Когда говорящий избирает ту или иную синтаксическую единицу для репрезентации информации, он тем самым демонстрирует, какой фрагмент информации наиболее существенен для адресата с точки

зрения говорящего.

Неполное предложение, представляющее единицу информации, репрезентирует в коммуникативном акте не весь, а только существенный для говорящего фрагмент его образа мира – основную, актуальную пропозицию в минимальном эксплицитном предикативном оформлении.

Полное предложение, максимально эксплицирующее информацию, репрезентирует в акте коммуникации все компоненты фрагмента картины мира, все целостное соотношение между единицами информации – модусной и диктумной.

При этом при представлении языковых выражений как носителей информационного содержания не обязательно полное соответствие информационной структуры и пропозиции, потому что слушающий обычно оказывается в состоянии интерпретировать практически каждую единицу языка как отдельное знание, которое, однако, в речевом акте не актуализируется говорящим в качестве отдельной мысли. «Так как исходное пространство мысли организуется абстрактной взаимосвязью между объектами, отношением, которое устанавливает субъект, в качестве информационного можно определить лишь то языковое выражение, в котором отображены коммуникативные и информационные (ментально-модусные) действия говорящего. Именно в этом плане сообщающие единицы языка можно трактовать как приписывающие, или предизирующие» (Манаенко 2003, с. 266).

Таким образом, специфика различий полного и неполного предложения с информационно-дискурсивной точки зрения состоит в том, что в них по-разному отображаются информационные структуры, то есть иллокутивная составляющая речевых актов представлена как

минимум двумя неравными коммуникативными действиями – имплицитным и эксплицитным. Именно это свойство неполных предложений выступает в качестве одного из основных критериев синтаксической неполноты: выбор неполного предложения в качестве основы высказывания всегда сигнализирует, какой единице информации говорящий отдает предпочтение, а какая информационная структура имеет дополнительный, неактуальный характер, и какие речемыслительные действия предприняты говорящим для такого разграничения информации. Если рассмотреть изофункциональные неполному предложению синтаксические структуры, то легко убедиться, что в большинстве случаев «полные» их изофункциональные варианты легко трансформируются в структуры, в которых один из компонентов актуализирует несущественную, а второй – актуальную, предпочтительную информацию. Таким образом, изофункциональным инвариантом потенциально неполного предложения может являться полное предложение, и даже полипропозитивное полное предложение, в котором при формировании неполноты может опускаться целая пропозиция.

Представляется, что в основе этого явления лежит три типа речемыслительных операций: слияние, расщепление, добавление информационного состава пропозиций. При *слиянии* наблюдается импликация однотипного информационного состава языкового выражения одной из пропозиций (ср.: *Я пойду в магазин, а ты – в аптеку.*); при *расщеплении* – трансформация языкового состава пропозиции (ср.: *Ты купишь сейчас – денег не останется*); при *добавлении* – включение опущенного содержания в состав пропозиции (ср. *Я на улице. Вернусь – помогу*). Все типы речемыслительных действий совершаются говорящим с целью актуализации необходимого содержания, что зависит от типа пропозиции, которой

придается статус неактуальной, несущественной.

Важнейшим моментом функционирования неполного предложения являются дискурсивные условия порождения и понимания речи. Именно дискурсивное взаимодействие в своем течении представляется решающим фактором в выборе актуальной информации и в выборе способа ее актуализации. «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями» (Адмони 1994. с. 429). Социальная составляющая дискурса есть необходимое условие речевого общения: «В этой своей конкретной связи с ситуацией речевое общение всегда сопровождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль» (Там же. с. 439).

Об этом же пишет Н.Ф. Алефиренко, который отмечает, что «дискурс – это все же социальная деятельность людей, в рамках которой ведущая роль принадлежит когнитивным пространствам общающихся, где сфокусированы различные особенности их внутренних миров, находящие отображение в этой деятельности» (Алефиренко 2002, с. 101-102). Отсюда следует, что «дискурс – дискурсивное событие социокультурного характера» (Там же. с.104).

В нашем подходе к дискурсу мы учитываем его лингвокультурную и социальную составляющие, коммуникативно-парагматические и психолингвистические основания. В нашем понимании дискурса мы полностью поддерживаем определение Г.Н. Манаенко, который говорит, что дискурс – это «процесс речевого

взаимодействия субъектов в определенной сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями и стереотипами организации и интерпретации речи и текстов как компонентов, отображающих его специфику. Соответственно, дискурс есть социально детерминированный тип осуществления речевого общения, текст – форма и результат осуществления речевого общения, язык – средство для осуществления данной деятельности» (Там же. с. 108).

Соответственно, для дальнейшего обсуждения информационного аспекта неполного предложения, можно положить в основу следующие методологические основания:

- собственно информация, будучи сообщаемой, главным образом репрезентируется в диктумной пропозиции, выступает предметом сообщения. Модусная пропозиция актуализирует передаваемую информацию. С точки зрения говорящего, важнейшим содержанием в неполном предложении обладает та его часть, которая не имплицирована, эта часть и является предметом сообщения. Имплицирована обычно «уже известная» или «и без того известная» информация, не содержащая в себе ничего нового для слушателя. Обычно эта часть информации представлена в диктумной части. Таким образом, в неполном предложении диктум и модус различаются способами выражения информации: диктумная часть испытывает тенденцию к импликации, модусная – к экспликации;

- системы полного и неполного предложений представляют альтернативные способы репрезентации одной и той же информации о фрагменте картины мира говорящего, но с разным коммуникативным рангом и фокусом;

- неполные предложения изофункциональны полным;

- объяснение процессов синтаксической неполноты возможно при подходе с позиций системного описания таких важнейших понятий, как информация, пропозиция, предикация, дискурс и текст.

Пропозиция является носителем информации, так как только ее наличие делает языковой знак коммуникативным, и если исходить из того, что языковая информация является составляющей коммуникации, можно говорить об информационных составляющих пропозиции. Языковая информация бывает как минимум трех видов: понятийная, соответствующая диктумной пропозиции, модальная, соответствующая модусной пропозиции и релятивная, соответствующая логической пропозиции. Явление синтаксической неполноты в общем случае затрагивает все виды пропозиций, однако «в чистом виде» оно проявляется только на уровне понятийной информации. Неполнота, возникающая вследствие пропуска актуальных информационных фрагментов модусных и диктумных пропозиций, остается за пределами нашего исследования, и в дальнейшем, говоря об информационной лакуне, мы будем иметь в виду именно отсутствие актуального для высказывания информационного фрагмента диктумной пропозиции.

2.3. Когнитивные механизмы формирования информационной лакуны

Важным для нашего исследования понятием является понятие информационной лакуны.

Когнитивная структура высказывания универсальна, она находится на глубинном уровне языковой системы, и лишь при начале процессов номинации, предикации и вербализации обретает национальные черты, свойственные конкретному языку. Уже на

глубинно-семантическом уровне, при формировании семантической структуры высказывания, «срабатывают» механизмы «привязки» к структуре конкретного языка, которые в полной мере разворачиваются на уровне формирования синтаксической структуры. Не полностью адекватным представляется суждение, что синтаксическая структура формируется на основании семантической, вернее будет сказать, что их формирование – почти параллельный процесс: обе они формируются на основе когнитивной структуры, причем понятийные концепты репрезентируются через семантику, а категориальные (в т.ч. синтаксические) концепты – через синтаксис. Соответственно, на любом этапе может произойти случайное или намеренное «выпадение» фрагмента когнитивной информации, которое отразится на семантической и/или на синтаксической структуре высказывания.

Такое «выпадение» и следует называть информационной лакуной. О механизмах ее возникновения и «функционирования» мы поговорим ниже, однако два основных следствия этого явления необходимо осветить сейчас, поскольку они важны для определения нашего понимания термина «информационная лакуна».

Ее характер, точнее, место возникновения, напрямую связан с тем, какой из видов неполноты реализуется на месте этой лакуны.

Центральным моментом является важность или актуальность информации, «попавшей» в лакуну, для сообщения. Если эта информация затрагивает фрагмент картины мира, неактуальный для данного дискурса, не критичный для реконструкции необходимого знания, то, скорее всего, ни тот, кто осуществляет высказывание, ни тот, кто его получает, не заметят отсутствия данной информации. Если она носит дополнительный, комментирующий характер, то такая информация, если окажется существенной в процессе развертывания

дискурса, скорее всего, репрезентируется в какой-нибудь присоединительной либо парцеллированной конструкции (в зависимости от того, когда ее актуальность проявится – если сразу же, в процессе формирования высказывания, то парцеллированной, если позже, при осмыслении того, чем можно было бы высказывание дополнить – то присоединительной).

Если же информация «выпадает» из непосредственно развертываемого фрагмента картины мира, делает его неполным, то такая лакуна ложится в основу неполноты.

Если информационная лакуна наблюдается на этапе формирования когнитивной структуры высказывания, то есть представляет собой «выпадение» информационного компонента еще до построения синтаксической структуры, то логично предположить, что такое выпадение не затронет синтаксическую структуру (которая, формируясь, «компенсирует» недостачу) и останется в зоне семантики высказывания.

Если информационная лакуна проявляется на этапе формирования вербально-грамматической структуры, а на этапе формирования когнитивной структуры высказывания лакуна отсутствует, то такая лакуна репрезентируется на уровне синтаксической структуры.

Возможна ситуация, когда актуальная информация «выпадает» из когнитивной структуры и ее «нехватка» ощущается и на уровне структуры, то есть лакуна репрезентируется и на уровне синтаксиса, и на уровне семантики.

Отсюда можем заключить, что два вида неполноты напрямую связаны с тем, на каком этапе когнитивного преобразования фрагмента картины мира в высказывание проявляется лакуна: на довербальном

или на вербально-синтаксическом.

Мы выделяем информационные лакуны двух видов:

а) в когнитивной структуре – на ее основе формируется семантическая неполнота;

б) в когнитивной структуре лакуны нет, но есть в поверхностной – на основе этого формируется синтаксическая неполнота.

Таким образом, при формировании синтаксической неполноты информация присутствует, т.е. говорящий знает, о чем идет речь, но:

- не может или не успевает подобрать вербальную репрезентацию (информационный сбой). Ср.: *Ты тут, это, чего... Ну я про то... Да ну тебя!* (М. Веллер);

- применяет ранее использовавшуюся в дискурсе информацию. Ср.: *Его нормальным путем направили на разведкурсы НКВД. Куда еще с такими данными* (М. Веллер) [В двух абзацах до этого обсуждались умения персонажа: знание языка, безупречная биография. Потом автор перенес описание на условия этого времени, жизнь людей и т.д., так что информация о навыках и особенностях вышла из фокуса текста].;

- использует информацию, вытекающую из дискурса. Ср.: *- Партизан? - догадываются немцы в подтверждение его ужаса. - То есть – влип* (М. Веллер);

- использует знания о мире – пресуппозиции, которые для наших целей мы условно можем разделить на внутренние, внешние и общие.

Внутренняя пресуппозиция представляет собой знания, выводимые из имеющейся в распоряжении непосредственной вербальной информации данного высказывания, т.е. знания черпаются «из внутреннего контекста» (хотя говорить о контексте на этом уровне языка некорректно). Ср.: *Въезжают во двор. Во дворе курят*

жандармы, приветствуют. Типа райотдела милиции (М. Веллер).

Внешняя пресуппозиция представляет собой знания, выводимые из имеющейся в распоряжении вербальной информации текущего дискурса (в т.ч. еще не репрезентированной), т.е. знания черпаются «из внешнего контекста». Ср.: *Ну, а дальше была обычная военная биография - если кто уцелел: диверсии, переходы, ранение, эвакуация на Большую Землю, еще две заброски, орден Красной Звезды, Отечественной войны 2 степени, медали, еще ранение...* (М. Веллер).

Общая пресуппозиция представляет собой знания, имеющиеся в постоянном запасе участников дискурса, не упоминаемые в нем; подразумевается (и является одним из условий успешности коммуникации) что базы таких знаний у участников коммуникации в основном совпадают. Ср.: *И вот уже разгар холодной войны, и умер Дядя Джо, разменяли Берию, Судоплатов сидит, большие перетасовки в спецслужбах, где было тонко, там и рвется, где толсто – сыплется* (М. Веллер).

Можно смоделировать следующие причины формирования информационной лакуны:

1) экономия времени, т.е. высказывание стремится быть короче по времени произнесения. Ср: *«Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый* (А. и Б. Стругацкие);

2) экономия объема, т.е. высказывание стремится быть как можно более компактным – эти два вида экономии напрямую связаны с прагматическими факторами коммуникации. Ср.: *Интереснее, чем у нас, вам нигде не будет». — «Почему вы так думаете?» — «Уверен»* (А. и Б. Стругацкие).;

3) наличие прецедентных узуальных моделей. Этот фактор, который можно отнести к разряду коммуникативных, играет

значительную роль в коммуникации: существует большое количество «стандартных», типовых моделей развертывания дискурса, которые имеют прецедентный характер и могут ложиться в основу различных вариаций. Ср.:

- *Ты как?*

- *Нормально. А ты?* – типовой диалог, который является типовым при встрече двух знакомых людей. Его реплики не предусматривают по узуально сложившейся традиции развертывания одной из фраз до полного синтаксического варианта;

4) отсутствие необходимости в репрезентации синтаксического компонента – этот формальный фактор встречается в большинстве случаев, когда вся необходимая семантика компонента уже выражена другими компонентами высказывания, ср.: *Все в дом!* – Императивность и наличие обстоятельства места, а также третье синтаксическое лицо дают достаточно информации о том, что в высказывании имеет место глагол движения, неважность того, каким образом это движение будет осуществляться, позволяет этот глагол опустить;

5) выражение незначимости данного информационного фрагмента по сравнению с остальной информацией – этот фактор когнитивного плана позволяет искусственно снизить значимость, важность, актуальность восстановимого, но опущенного компонента по сравнению с информацией, которая вербализована. Ср.: *Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казённом доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...* (А. и Б. Стругацкие);

6) невозможность вербализации – этот фактор можно назвать операционально-когнитивным: либо для репрезентации информационного фрагмента отсутствует средство выражения, либо оно своевременно не найдено, либо найденное не удовлетворяет каким-либо (например, экспрессивным, либо этическим, либо другим) требованиям. Ср.: *А вы не пробовали его?.. - и он пошевелил пальцами, силясь изобразить, что именно с ним я должен был попробовать сделать* (Б. Ярославцев);

7) когезивные факторы – посредством лакуны формируется отсылка к другому участку дискурса – формируется когезия: информационных позиций у одного и того же объекта несколько, т.е. сам объект может замещаться местоимениями, а может и периодически опускаться, его позиция остается пустой, предназначенной для самостоятельного восполнения реципиентом. Ср.: *И вот теперь — [здесь] та самая щука, и кот Василий* (А. и Б. Стругацкие);

8) стилистические факторы, обычно действуют совместно с когезивными – избежание ненужных повторов в коммуникации (тексте). Наряду с синонимической заменой, более характерной для письменных форм речи, в разговорной речи чаще используется лакуна на месте уже упомянутого объекта. Ср.: *Разговаривать она, правда, не умеет, но зато у неё выработали рефлекс: зелёный свет — банан, красный свет — электрический шок* (А. и Б. Стругацкие);

9) экстралингвистические (ситуативные) факторы, имеющие в своей основе непосредственную референцию к объектам экстралингвистической действительности в текущем дискурсе, ср.: *Это твоя. А моя где?* (разг. речь);

10) важным фактором является десемантизация (неполнозначность) позиции опущенного компонента. Обычно при

неполнозначности компонента, если бы он был эксплицирован, то его информативная ценность минимальна и несопоставима с операционными затратами на включение в поверхностную синтаксическую структуру. Особенно ярко проявляется в случае опущении средств связи, репрезентирующих логическую пропозицию Ср.: *Ты купишь сейчас – денег не останется – (Если) ты купишь (это) сейчас, (то) денег (у тебя) не останется* (разг. речь).

Вероятно, количество факторов, являющихся причинами формирования информационной лакуны в синтаксической структуре, гораздо больше и их детальное описание может стать темой самостоятельного исследования. В частности, интересен вопрос, может ли сложная форма вербализации (как, например, фразеологическая единица) занимать «свою» позицию синтаксического компонента и освобождать «чужую» позицию, накладываясь на нее.

Лакуна в синтаксической структуре подчиняется общим правилам теории информации, т.е. она может быть а) восполнимой или невосполнимой; б) критичной либо некритичной для сохранения информационной целостности сообщения. Возможное число комбинаций этих параметров – 4, и в соответствии с распределением этих признаков можно выделить 4 степени синтаксической неполноты по характеру информационной лакуны:

1) восполнимая, некритичная – эллиптические и равные им по статусу конструкции, побудительные конструкции 2 лица, определенно-личные и др. Когнитивная процедура восполнения в этих случаях минимальна: происходит компенсация информационной недостаточности за счет информации, содержащейся внутри самой конструкции, функционирует оперативная память в рамках хранящейся в ней конструкции;

2) восполнимая, критичная – случаи неполноты, поддающиеся реконструкции (большинство конструкций, традиционно выделяемые как неполные). Когнитивная процедура восполнения в этом случае характеризуется большей или меньшей степенью объемности и является достаточно эффективной, происходит реконструкция информации, функционируют более долговременные виды памяти – от кратковременной для ближайшего контекста и текущего дискурса до долговременной, включающей базу знаний о мире и его закономерностях;

3) невосполнимая, некритичная – случаи дискурсивного употребления конструкций с лакунами, не влияющими на целостность дискурса (ср.: – *Я тут у вас видел...* – *Что видели?* – *Да нет, забыл, что...*) Нередко в этой ситуации происходит дейктическое заполнение лакуны (ср.: – *Я эту забыла...* – *Что забыла?* – *Неважно...*). Когнитивная процедура восполнения в данном случае характеризуется низкой эффективностью, происходит субституция отсутствующей информации наиболее вероятной; обращение к памяти не дает ожидаемого эффекта;

4) невосполнимая, критичная – случаи прерванной коммуникации и другие коммуникативные неудачи, связанные с невосполнимым отсутствием необходимого компонента (ср.: – *Я только услышал: «Ребята, их тут...» - и связь пропала* (А. и Б. Стругацкие). Когнитивная процедура восполнения в данном случае снова становится минимальной, так как отсутствуют данные; обращение к памяти неэффективно, частичный эффект достигается в результате моделирования одного или нескольких возможных вариантов, при этом результат признается неудовлетворительным, так как не хватает информации. Смоделированный фрагмент картины мира

остаётся недостоверным и неполным.

Поскольку все перечисленные явления характеризуются одним механизмом формирования и функционирования, они все должны квалифицироваться как случаи синтаксической неполноты.

Таким образом, мы видим, что два уровня формирования информационной лакуны порождают два вида неполноты (семантическую и синтаксическую), но эти два вида неполноты оказываются не противопоставленными друг другу, а всего лишь различными по происхождению и по следствиям этого происхождения в своем функционировании. Кроме того, мы видим, что спектр проявлений синтаксической неполноты непрерывен и охватывает всю синтаксическую систему языка.

2.4. Проблема выявления семантической неполноты и отсутствие ее противопоставленности синтаксической неполноте

Итак, мы доказали, что синтаксическая неполнота не может противопоставляться неполноте семантической. Синтаксическая неполнота всегда связана с лакуной синтаксического сегмента высказывания, который является носителем представленного в семантической структуре значения. Для семантической же неполноты не существует четких классификационных критериев. Используя изофункциональный подход, можно сделать предположение, основанное на всеобщности подобий в устройстве языковой системы (Леденев 2006), что семантическая неполнота связана с лакуной компонента семантической структуры, который является носителем представленного в когнитивной структуре смысла.

В этой связи интересным является вопрос об облигаторности опущенного компонента, как для синтаксической, так и для семантической неполноты. Если обязательность компонентов ядерной структуры, формирующей пропозицию в семантике и структурную схему предложения в синтаксисе, ни у кого не вызывает сомнений, то вопрос об облигаторности второстепенных компонентов на настоящий момент не имеет решения.

Рассмотрим облигаторность компонентов неполной синтаксической конструкции с учетом роли этих компонентов в синтаксической структуре соответствующего яруса синтаксиса.

Необходимо сказать несколько слов о ярусной организации синтаксических явлений. Этот процесс детерминирован самой организацией синтаксиса языка.

Синтаксическая структура еще на когнитивном уровне организуется в блоки, и процессы их сопряжения регулируются правилами синтаксической комбинаторики. Эти правила выражаются в характере расположения синтаксических блоков в пределах самой синтаксической структуры как между собой, так и по отношению к целому. Значимые, актуальные и более сильные синтагматические отношения между ментальными репрезентациями репрезентируются в поверхностной синтаксической структуре в более приоритетных, важных для говорящего, актуальных по сравнению с другими синтаксических отношениях между ее элементами. Соответственно, чем более ценная, актуальная и важная информация содержится в синтаксических блоках, тем «удобнее» и «проще» для слушающего они должны располагаться. Это значит, что они должны занимать первые позиции в синтаксической цепи, что облегчает интерпретацию актуального информационного содержания в первую очередь и

позволяет более достоверно, оптимально и эффективно реконструировать заложенный в высказывании фрагмент картины мира.

Такие синтаксические блоки называют синтаксическими ярусами. Синтаксический ярус «представляет собой синтаксическую структуру, одномоментно обрабатываемую в оперативной памяти, которая обладает достаточными для определенного уровня смысловой интерпретации формальными и семантическими свойствами» (Леденев 2011). С когнитивной точки зрения, представленная структура соответствующего синтаксического яруса «является проекцией когнитивной модели определенной степени значимости» (Там же), которая стремится к реализации в соответствии с этой значимостью, и оказывается в высказывании на «переднем» или «заднем» плане.

Синтаксические явления каждого яруса представляют собой совокупность относительно небольшого числа синтаксических моделей. Если вернуться к исследованию вопроса облигаторности компонента синтаксической структуры, то при опоре на высказанные выше основания можно заключить, что компонент глубинной синтаксической структуры, играющий важную роль в формировании семантики поверхностной структуры, является обязательным; причем степень его обязательности на синтаксическом уровне прямо пропорциональна степени его роли в сохранении денотативной целостности на семантическом уровне.

Так, в предложении *Мальчик пишет письмо в деревню бабушке карандашом* с точки зрения формальной организации компонент *в деревню* является факультативным, компоненты *бабушке* и *карандашом* также обладают низкой степенью облигаторности, поскольку они не входят в минимальную структурную схему

предложения. Более высокой степенью облигаторности отличается второй актант *письмо*, и абсолютно облигаторными являются вершина *пишет* и первый актант *мальчик*: без них предложение перестает существовать.

Однако без второго актанта предложение также перестает существовать как носитель пропозиции, представленной в начальном примере. Ср.: *Мальчик пишет* и *Мальчик пишет письмо*. Без остальных актантов утрачивается информация о деталях ситуации, существенных для получения необходимой и достаточной информации о ней. Отсутствие сирконстанта *в деревню* оказывается не в меньшей, а даже в большей степени «критичным» для реконструкции фрагмента картины мира, закодированного в данном предложении. Если информация, репрезентируемая глаголом и актантами, является необходимой для реконструкции фрагмента картины мира «в целом», то информация локального, темпорального, акционально-квалитативного, каузального характера (то есть информация, репрезентируемая в так называемой «обстоятельственной» семантике) в большинстве высказываний играет решающую роль в корректной реконструкции фрагмента картины мира в его полноте; в этом смысле она является достаточной. Целостность явления как раз и складывается из сочетания необходимых и достаточных условий его существования, и при отсутствии одного из них явление не может квалифицироваться как целостное: «Необходимыми условиями истинности утверждения А называются условия, без соблюдения которых А не может быть истинным. Достаточными называются такие условия, при наличии (выполнении, соблюдении) которых утверждение А является истинным. Условия могут быть необходимыми, но недостаточными, достаточными, но не необходимыми, необходимыми и достаточными» (Кондаков, 2008).

Таким образом, отсутствие выражения как необходимой, так и достаточной информации губительно сказывается на интерпретации высказывания, порождает недостоверный фрагмент картины мира.

Эти компоненты, являясь и необходимыми, и достаточными, являются «достоянием» говорящего, но чтобы они были понятны и реципиенту, они должны занять свое место в информационной структуре высказывания. И действительно – если реципиент не смог обнаружить информационной лакуны в услышанном, то он воспринимает полученное высказывание как полное. В иных случаях ему приходит «сигнал» об отсутствии в высказывании какого-либо информационного фрагмента, который заложен либо в структуре высказывания, либо в знаниях реципиента и его пресуппозициях, либо в дискурсе. При определении такой лакуны языковое сознание реципиента начинает реконструктивную деятельность для ее восполнения.

В принципе, в любом высказывании можно обнаружить позиции, которые могут быть синтаксически заполнены. Конечно, если не заполненной является одна из информационно необходимых позиций, решение о том, что данная структура неполная, является однозначным. Однако незаполнение одной из достаточных позиций также вызывает ощущение неполноты, если результирующий фрагмент картины мира «не укладывается» в данный дискурс. Языковое сознание начинает производить реконструкцию.

Мы считаем, что если информационная лакуна, определенная слушающим, относится к лингвистическому контексту, к актуальному для участника коммуникации дискурсу или к пресуппозиционным знаниям, то ее реконструкция слушающим становится возможной.

Если такой информации в контексте, знаниях и дискурсе нет, то

при наличии возможности производится попытка ее восполнить, т.е. задать вопрос, узнать из других контекстов и т.п. Это происходит, если степень недостаточности не выходит за рамки минимально необходимой для понимания информации. При отсутствии такой информации происходит коммуникативная неудача.

Поскольку любой коммуникативный акт подразумевает сотрудничество коммуникантов, участники коммуникации исходят из предпосылки, что сообщаемая информация может быть понята; таким образом, коммуникативная неудача может произойти либо при резком несовпадении компетенций участников, либо по причине информационного сбоя, вызванного системной (в основе формирования высказывания или его восприятия) или операциональной (в процессе построения или интерпретации) ошибкой.

Системная ошибка может заключаться в постороннем воздействии, делающем невозможным завершение высказывания либо его полноценное восприятие, либо в ее основе могут лежать внутренние факторы (например, недостаточное владение языком, алексия, психические расстройства и пр.).

Операциональная ошибка может быть вызвана этими же факторами, если они мешают построить высказывание, оформить его надлежащим для данного дискурса образом; к операциональным сбоям относятся логические и лексические ошибки, грамматические ошибки др.

Таким образом, можно предположить, что во всех случаях информационных сбоев отсутствует совместная деятельность по кодированию и реконструкции фрагмента картины мира; результат действий одного из участников коммуникации препятствует

коммуникативному взаимодействию.

Можно предположить, что, хотя сбои в информационном заполнении высказывания могут проявляться по-разному, их можно дифференцировать на две основных группы: сбои в структуре информации, результатом которых становится формирование информационной лакуны и сбои, вызванные коммуникативными коллизиями.

Первые из них также могут быть отнесены к явлениям неполноты, причем особенной – объективно невосполнимой.

Объективно невосполнимая неполнота может проявляться и в случае кооперации коммуникантов, но только в том случае, если уровни их компетенций различаются в такой степени, что не позволяют коммуникативному сотрудничеству реализоваться в достаточной для успешной коммуникации степени.

Субъективно невосполнимая неполнота обычно вызывается неспособностью одного из участников коммуникации реконструировать то, что с точки зрения другого участника, может быть реконструировано. Чаще всего это касается информации, реконструируемой из знаний, однако может быть связано и с информацией, восполняемой из дискурса или даже контекста, если один из участников коммуникации не в состоянии ее вычленить.

Таким образом, обязательным условием существования неполноты является такая речемыслительная деятельность, которая позволяет выявить в высказывании информационную лакуну.

Наличие такой лакуны в семантической структуре по сравнению с ожидаемой информационной структурой может трактоваться как семантическая неполнота.

Наличие лакуны в системе формального выражения информации,

при котором установленным является отсутствие компонента, выражающего имеющуюся в распоряжении (в т.ч. и реконструированную) необходимую и достаточную для реконструкции картины мира информацию представляет собой синтаксическую неполноту. Интересно, что, в отличие от семантической неполноты, синтаксическая неполнота может «иметь дело» и с уже реконструированными фрагментами информации, то есть со случаями, когда имеющейся информации достаточно для адекватной реконструкции фрагмента картины мира.

При таком подходе уже вполне изученное явление эллипсиса приобретает иные очертания. Это, так сказать, инвариантное проявление неполноты. Определение эллипсиса можно уточнить следующим образом: эллиптическими являются такие конструкции, семантика которых адекватно передает понятийную информацию, которая не нуждается в дальнейшей формальной экспликации. Они имеют лауну в синтаксической структуре, однако вся информация, носителем которой мог бы быть опущенный компонент, в достаточной степени выражена в оставшейся части синтаксической структуры.

Ср.: *Пойду погуляю.* – Отсутствие подлежащего не вызывает семантической лауны, так как вся необходимая информация репрезентируется в глагольной форме. *Я в магазин.* – Наличие глагола в формальной структуре обязательно, однако грамматическая лауна не становится семантической. Данное высказывание содержит обстоятельство *в магазин*, дающее информацию о движении (и, соответственно, о процессуальности), и местоимение *Я*, дающее информацию о том, что действие совершает человек. Конкретный способ совершения передвижения, который мог бы быть репрезентирован лексической семантикой глагола, для данной

дискурсивной ситуации несущественен: информации достаточно для заключения о том, что передвижение осуществляется любым из обычных доступных человеческому существу способов. Детальная видо-временная характеристика также неактуальна: достаточно синтаксического времени и наклонения. Таким образом, в представленных примерах имеется грамматическая лакуна, но отсутствует информационная. Такое распределение характерно для всех эллиптических конструкций и составляет их суть.

Можно было бы попытаться исключить подобные явления из состава проявлений неполноты, однако это нельзя делать по той причине, что все проявления синтаксической неполноты обнаруживают ту или иную степень зависимости от дискурса: предложение *Я в магазин* является эллиптическим в большинстве типичных дискурсивных ситуаций, однако легко представить себе ситуацию, когда отсутствие глагола становится информационно «критичным». Ср.: – *Я в рейс*. В данном дискурсе информация «ухожу» актуальна, и предложение является неполным, но не эллиптическим.

Следует отметить множество пограничных между эллипсисом и его отсутствием случаев, которые связаны с прецедентным характером своей синтаксической структуры. Так, в высказывании «*Кто куда, а я в ...*» прецедентная структура сформирована советским рекламным слоганом «*Кто куда, а я в сберкассе*», причем даже ритмический ее характер предопределяет пропуск глагола и появление обстоятельств, ритмически созвучных со словами «в сберкассе».

Таким образом, принципиальное различие между синтаксической и семантической неполнотой состоит во включенности информационного фрагмента в сообщение. В случае семантической

неполноты лакуна формируется на месте фрагмента информации, не включенного в сообщение. В случае синтаксической неполноты лакуна формируется на месте фрагмента информации, включенного в сообщение.

Синтаксическая и семантическая неполнота не противопоставлены друг другу и могут пересекаться. Так, конструкции, в которых фрагмент информации включен в сообщение, но в формальной структуре отсутствует средство его репрезентации, являются семантически полными, но синтаксически неполными. В частности, к таким конструкциям относятся эллиптические конструкции. Ср.: *Я на улице. Вернусь – помогу.*

Возможны конструкции, в которых фрагмент информации не включен в сообщение, но в синтаксической структуре которых присутствуют все необходимые компоненты. Такие конструкции можно считать семантически неполными, но синтаксически полными. Нередко синтаксическая позиция информационной лакуны в них заполняется неполнозначным компонентом (указательным, неопределенным местоимением, частицей и пр.). Ср.: *- Там этот снова пришел. Что ему от тебя нужно?* (С. Довлатов.).

Наиболее очевидный вид неполноты – если фрагмент информации не включен в сообщение и отсутствует в синтаксической структуре, при этом требуется особая деятельность по его реконструкции из контекста, знаний или дискурса. Такие конструкции обнаруживают и синтаксическую, и семантическую неполноту. Ср.: *Иные считали портрет работой Ван-Дейка, другие — Рембрандта* (К. Паустовский) – реконструируется из контекста; *– Что у тебя по английскому было? – Учитель плохой. – Так и думал, что не больше тройки* (С. Довлатов) – реконструируется из дискурса; *Гагарин вот*

облетел, и что, мы умнее стали? (М. Веллер)- реконструируется из базы знаний.

Таким образом, мы видим, что синтаксическая неполнота представляет собой несоответствие между информационной структурой сообщения (высказывания) и его формальной организацией, выражающееся в лакуне (отсутствии) формального носителя одного из понятийных фрагментов информационной структуры.

Механизмы формирования синтаксической неполноты функционируют не на уровнях синтаксиса и семантики, а на лингвокогнитивном уровне – на уровне языкового сознания. На семантическом и синтаксическом уровнях наблюдаются лишь следствия, проекции тех процессов, которые вовлечены в обработку концептуальной информации. На этапе вербализации происходит формирование лакуны на месте фрагмента информации, включенного в сообщение. Таким образом, синтаксическая неполнота представляет собой формальное отсутствие компонента синтаксической структуры, «ответственного» за эксплицитную передачу фрагмента информации.

Синтаксическая неполнота – системное языковое явление, охватывающее все сферы от когниции до дискурса. Оно позволяет оптимизировать речь для условий соответствующего дискурса; является связующим фактором в дискурсе, служит средством фокусировки информации и связано с особым видом речемыслительной деятельности.

Семантическая неполнота, напротив, асистемное явление, она представляет собой результат системных и операциональных сбоев, является разрушительным фактором для дискурса.

2.5. Изофункциональность неполных конструкций

Как мы отмечали выше, А.А. Чувакин вводит дополнительный критерий неполноты: «наличие более полного в структурно – синтаксическом отношении варианта» (Чувакин 1993: 144). Этот критерий нам также представляется в достаточной степени размытым.

Было бы более правильным говорить в этом случае не о наличии варианта, а о существовании синтаксического инварианта, поскольку неполная конструкция является дискурсивным, производным по отношению к системным фактам языка феноменом. Если признать существование синтаксического инварианта неполной конструкции, то при анализе исследуемого феномена имеет смысл говорить о явлении синтаксической изофункциональности в системе неполных предложений.

В пользу определения коррелирующей с неполной полной синтаксической конструкции как инварианта говорит также и его определение, например, в словаре О.С. Ахмановой – «элемент абстрактной системы языка в отвлечении от ее конкретных реализаций» (Ахманова 2013, с. 176). Не вызывает сомнения, что неполная конструкция является конкретной (дискурсивной) реализацией полной, вариантом по отношению к ней, а все основные свойства этой конструкции заложены в полном предложении. Концепция изофункциональности основана на утверждении, что все дискурсивные реализации языковых явлений представляют собой изофункциональные варианты инвариантных конструкций, репрезентирующие необходимые и достаточные для данного употребления свойства (Леденев 2002).

Продолжая дискуссию с А.А. Чувакиным, следует отметить, что

полная конструкция, обладающая большей эксплицитностью, не может считаться вариантом, так как она обладает всей совокупностью свойств, некоторые из которых в неполной конструкции не выражены или отсутствуют; закономерно считать ее инвариантной по отношению к неполной, а неполную – ее вариантом. Можно еще добавить, что нередко одна и та же полная конструкция может коррелировать с несколькими неполными, ср.: *А всей парашютной подготовки было, по причине крайней спешки и нужды, четыре прыжка. Из них ночных - один, с предельно малых высот - один, на лесную местность - ни одного. Нормально. Война* (М. Веллер) – *А всей парашютной подготовки было, по причине крайней спешки и нужды, четыре прыжка. Из них ночных – один прыжок, с предельно малых высот – один прыжок, на лесную местность - ни одного прыжка. Это нормально. Это война.* – *А всей парашютной подготовки было, по причине крайней спешки и нужды, четыре прыжка. Из них ночных был один, с предельно малых высот был один, на лесную местность не было ни одного. Было нормально. Потому что война.* – Мы видим, что в данных примерах элиминироваться могут разные элементны синтаксической конструкции, при этом инвариантом, до которого происходит восполнение в языковом сознании читателя, будет выступать такая конструкция: *А всей парашютной подготовки было, по причине крайней спешки и нужды, четыре прыжка. Из них ночных был один прыжок, с предельно малых высот был один прыжок, на лесную местность не было ни одного. Это было нормально. Потому что была война.*

В соответствии с концепцией изофункциональности, в зависимости от речевой задачи и соответствия представления о ситуации автора и реципиента, те или иные компоненты высказывания имплицитуются, либо наоборот, происходит развертывание

конструкции с учетом возможно новой информации о ситуации для реципиента. В результате анализа функционирования изофункциональных структур на различных синтаксических ярусах становится возможен анализ соотношения языковых и речевых реализаций синтаксических структур и можно утверждать, что функциональные оси "инвариант" – "вариант" простираются в двух различных плоскостях. В языковой системе изофункциональные варианты – это различные трансформации минимальных эксплицитных структур с сохранением структурных и семантических особенностей, актуальных для возможного коммуникативного процесса. В системе «язык ↔ речь» изофункциональные варианты – это различные виды реализации языкового инварианта с сохранением семантики и функциональных особенностей, порожденные различными задачами и условиями коммуникации (Чувакин 1993: 23-25).

Методология функционального исследования явлений языка предполагает выделение единиц, которые выступают как базовые и периферийные. Теория изофункциональности исходит из положения о том, что в синтаксической системе русского языка существуют иерархические последовательности единиц, обладающих известной общностью категориального значения, которое и служит важным основанием для их интеграции в составе изофункционального ряда, всех относящихся к нему единиц и конструкций. «Таковы, например, изофункциональные ряды, опирающиеся на атрибутивные, каузативные, следственные или иные отношения, начиная с простых словосочетаний, заканчивая фразовыми соединениями в макротексте, со всеми свойственными каждой из таких единиц совокупностями признаков» (Леденев 2002: 26).

«Изофункциональные ряды представляют собой не

горизонтальные, а вертикальные последовательности, объединяющие явления, относящиеся к разным синтаксическим ярусам, от самых простых до самых сложных единиц, объединенных общим категориальным значением» (Там же).

Поскольку в составе изофункционального ряда объединяются в одну цепь явления различной структурной сложности и организации, лишь на основе и в первую очередь на основе доминирующего категориального значения эти единицы значительно различаются по многим структурным параметрам и способам выражения.

При классификации единиц изофункционального ряда точкой отсчета служит инвариантная единица. Поэтому оказывается важным определение тех критериев, которые должны лежать в основе выделения инвариантной единицы, в установлении отношений ее с другими единицами каждого изофункционального ряда, что и предпринимается уже многими авторами работ по синтаксису. Вторая задача состоит в обнаружении общих закономерностей, присущих различным изофункциональным рядам. Здесь тоже на первый план выдвигается проверка гипотезы о том, для какого яруса синтаксиса наиболее характерно расположение инвариантной единицы.

Основное свойство изофункциональных явлений – сохранение основной семантико-синтаксической функции инварианта в различных его вариантах, различная синтаксическая оформленность, аналогичное или синонимичное лексическое наполнение. Можно заметить наращение дополнительных смыслов на более высоких синтаксических ярусах, но это происходит не всегда.

В процессе перехода от одного изофункционального варианта к другому синтаксическая структура модели может существенно изменяться, предикативные центры могут переходить в зону

импликации, либо наоборот, могут добавляться новые синтаксические образования с различной степенью предикативности. Этот процесс регулируется, в первую очередь, условиями коммуникации (Леденев 2002: 36).

Таким образом, «синтаксический инвариант изофункционального ряда – это типовая синтаксическая конструкция, являющаяся фактом языка, более или менее общая для всех носителей языка, усвоенная носителем языка в процессе его применения и овладения им или аналогичная, построенная коммуникантом по модели типовой; это конструкция, которая может являться производной от других отличающихся по синтаксическому статусу инвариантов, которая существует в его фонде языковых знаний и представлений при наступлении и во время акта коммуникации. Инвариант во многом обусловлен языковой компетенцией коммуниканта» (Там же, с. 37).

Соответственно, любая синтаксическая реализация инвариантной конструкции – будь то свертывание или развертывание, структурно-стилистическое изменение или иной трансформационный процесс, является ее вариантом. Таким образом, «синтаксический вариант – это практическая реализация инварианта изофункционального ряда с учетом языковых законов (в том числе фонетических), с учетом особенностей коммуникативной ситуации, а также при воздействии (если это не инициация коммуникативного акта) «обратной связи» между коммуникантом и реципиентом» (Там же).

Рассмотрение проблемы синтаксической неполноты с изофункциональных позиций ставит новые вопросы:

- возможно ли варьирование формальной структуры при переходе от полных к неполным синтаксическим конструкциям;
- существует ли семантическая разница между полными и

неполными конструкциями;

- влияет ли заполнение опущенной синтаксической позиции на функциональные характеристики предложения.

Помимо этого, необходимо ответить на основной вопрос: существует ли инвариант для неполной конструкции, и что является инвариантом – соответствующая полная или же полная конструкция является вариантом инвариантной неполной.

Это позволит дать окончательный ответ на вопрос, может ли изофункциональный критерий являться релевантным для описания неполных синтаксических конструкций.

Интуитивно еще представители логико-грамматического направления предполагали, что полное предложение является фактом языка, а неполное – речью, то есть неполное предложение является вариантом полного. Однако мы убедились, что иногда для реконструкции полного предложения из неполного, что особенно относится к фактам эллипсиса, требуется больше когнитивных усилий, чем для формирования неполного из полного. А между тем ответ на этот вопрос позволит, наконец, определить классификационные характеристики неполных синтаксических конструкций. На основании сделанных нами выводов будем считать инвариантной ту конструкцию, которая является более стабильной и дискурсивно независимой; в большинстве случаев (кроме глагольного эллипсиса) такими конструкциями являются именно полные предложения. Таким образом, полное предложение, в большинстве случаев, является инвариантом для неполного.

Отмеченные нами различные случаи неполноты демонстрируют достаточную системную неустойчивость неполного предложения по сравнению со своим полным вариантом. Это дает нам основания

выделять в качестве инварианта именно полное предложение; более того, в пользу его инвариантной природы говорит и тот факт, что одна и та же полная конструкция способна «породить» несколько разных неполных вариантов, обладающих разными способностями восстановления опущенных членов – от дискурсивно-независимых до дискурсивно-зависимых. Следовательно, полное предложение является не только инвариантом, но и доминантой возможного изофункционального ряда.

Следствием ответа на заданный выше вопрос возникает новый: все ли неполные предложения способны иметь эксплицитный изофункциональный инвариант? Наш ответ на этот вопрос будет положительным. Этот ответ основывается на свойстве языкового сознания реконструировать фрагмент картины мира вне зависимости от наличия всех его компонентов. Фрагмент картины мира, который передается в сообщении, подобен штриховому наброску, который сообщает самые общие, но одновременно и самые необходимые элементы, а «дорисовку» до всей палитры красок и всего множества необходимых деталей выполняет уже тот, кто получает сообщение. Из этого следует, во-первых, что неполнота – мощнейший инструмент сжатия языковой информации, и, во-вторых, что практически вся коммуникация, с точки зрения реципиента, содержит в себе неполную, недостаточную информацию, реконструкция которой происходит в языковом сознании реципиента на основании имеющихся у него знаний о дискурсе, пресуппозиций и когнитивного опыта.

Что же касается возможности применения изофункционального критерия, то она упрощает использование главного принципа выделения неполных синтаксических конструкций – обязательности когнитивно-дискурсивного восполнения незамещенной

синтаксической позиции. В конструкциях, не имеющих изофункционального полного инварианта, восполнение незамещенной позиции необязательно, следовательно, такие конструкции относятся к периферии неполных предложений (ср. определенно-личные односоставные предложения).

Положительные ответы на оба поставленные выше вопроса позволяют дать утвердительный ответ и на основной вопрос этого параграфа: изофункциональный аспект может являться дополнительным релевантным критерием для классификации неполных предложений.

Выводы к главе 2

В данной главе был предпринят комплексный когнитивно-дискурсивный и изофункциональный подход к исследованию неполного предложения с учетом его информационной составляющей.

Концепция синтаксической изофункциональности дает основания выделять в качестве инварианта неполных конструкций именно полное предложение; более того, в пользу его инвариантной природы говорит и тот факт, что одна и та же полная конструкция способна «породить» несколько разных неполных вариантов, обладающих разными способностями восстановления опущенных членов – от дискурсивно-независимых до дискурсивно-зависимых.

В данной главе была рассмотрена система неполных синтаксических конструкций по критериям соотнесенности с синтаксическими конструкциями смежных синтаксических ярусов; с позиций реализации синтаксической функции неполного предложения в речи и тексте; с позиций семантической и информационной

соотнесенности с дискурсом; выявления внутренних семантико-структурных отношений в пределах внутренней структуры неполной синтаксической конструкции на основании учета когнитивных процедур предикации и категоризации; с точки зрения информационной структуры и информационного взаимодействия неполной синтаксической конструкции со структурой дискурса.

Системы полного и неполного предложений представляют собой альтернативные системы выражения языковой информации об актуальном фрагменте картины мира говорящего, но с разным коммуникативным рангом и фокусом.

Информационная лакуна – это случайное или намеренное «выпадение» фрагмента когнитивной информации, которое отражается на семантической и/или на синтаксической структуре высказывания.

Выделены информационные лакуны двух видов: в когнитивной структуре – на ее основе формируется семантическая неполнота, и в когнитивной структуре лакуны нет, но есть в поверхностной – на основе этого формируется синтаксическая неполнота.

Можно смоделировать следующие причины формирования информационной лакуны: экономия времени; экономия объема; наличие прецедентных узуальных моделей; отсутствие необходимости в репрезентации синтаксического компонента; выражение несущественности данного информационного фрагмента по сравнению с остальной информацией; невозможность вербализации; когезивные факторы – посредством лакуны формируется отсылка к другому участку дискурса – формируется когезия; стилистические факторы, обычно действуют совместно с когезивными – избежание ненужных повторов; экстралингвистические (ситуативные) факторы, имеющие в своей основе непосредственную референцию к объектам

экстралингвистической действительности в текущем дискурсе; важным фактором является десемантизация (неполнозначность) позиции опущенного компонента.

Лакуна в синтаксической структуре подчиняется общим правилам теории информации, т.е. она может быть восполнимой или невосполнимой; критичной либо некритичной для сохранения информационной целостности сообщения. Соответственно выделяется 4 типа лакун.

Обязательным условием существования неполноты является такая речемыслительная деятельность, которая позволяет выявить в высказывании информационную лакуну.

Наличие такой лакуны в семантической структуре по сравнению с ожидаемой информационной структурой может трактоваться как семантическая неполнота.

Наличие лакуны в системе формального выражения информации, при котором установленным является отсутствие компонента, выражающего имеющуюся в распоряжении (в т.ч. и реконструированную) необходимую и достаточную для реконструкции картины мира информацию представляет собой синтаксическую неполноту.

Таким образом, принципиальное различие между синтаксической и семантической неполнотой состоит во включенности информационного фрагмента в сообщение. В случае семантической неполноты лакуна формируется на месте фрагмента информации, не включенного в сообщение. В случае синтаксической неполноты лакуна формируется на месте фрагмента информации, включенного в сообщение.

Синтаксическая неполнота – системное языковое явление,

охватывающее все сферы от когниции до дискурса. Оно позволяет оптимизировать речь для условий соответствующего дискурса; является связующим фактором в дискурсе, служит средством фокусировки информации и связано с особым видом речемыслительной деятельности.

Семантическая неполнота, напротив, асистемное явление, она представляет собой результат системных и операциональных сбоев, является разрушительным фактором для дискурса.

Глава 3. Классификация неполных конструкций в русском языке

3.1. Основы классификации неполных синтаксических конструкций

Недостатком применения семантических критериев, принятых в традиционных классификациях, является их опора на «контекст». Под этим термином обычно понимается ближайшее синтаксическое окружение, которое предоставляет знания, необходимые для восполнения неполноты. Однако разнообразные лакуны в семантике высказывания далеко не всегда опираются на ближайшее синтаксическое окружение, более того, это встречается только в одном виде неполных конструкций. Поэтому понятие контекста, используемое для классификации неполных предложений, в целом оказывается не всегда применимым. Для восполнения информационной лакуны требуются определенные «знания», которые могут быть почерпнуты из разных источников: из имеющейся картины мира, из текущего дискурса, из других дискурсов, путем логических умозаключений и т.п. Как видим, понятие «контекст» ко всем этим ситуациям не может быть применено, гораздо предпочтительнее использовать термин «знания», что, по сути, выводит разграничение явлений неполноты из области семантики в совершенно другие зоны языка – когницию и дискурс. «Знания» об объекте, о ситуации, восстанавливаемые из «контекста» - по своей сути представляют собой дискурсивную информацию. Разница же между использованием «знаний» и «контекста» основана лишь на вербализации в дискурсе недостающей в неполной синтаксической структуре информации. В

любом случае с точки зрения заполнения опущенного компонента это – знания, но разница заключается в их источнике – почерпнуты они из предшествующего дискурса или из фрагмента знаний человека о мире, актуализированного данной речевой ситуацией. Кстати, в этом контексте не всегда методологически аккуратным является и сам подход с «опорой на контекст» - источник информации может оказаться в пределах контекста достаточно далеко от взгляда наблюдателя, что заставит его сделать вывод об отсутствии данной информации в контексте, что мы нередко наблюдаем в иллюстрациях различных случаев неполноты предложения.

Когнитивный и дискурсивный параметры способны пролить свет на сложные вопросы классификации неполных конструкций. В качестве когнитивного параметра целесообразно использовать критерий вербализации знания, нужного для реконструкции незамещенной позиции. В качестве дискурсивного параметра оптимальным будет избрать критерий зависимости процесса реконструкции незамещенной позиции от дискурсивного окружения.

Близким к этим критериям в недавних классификациях (см. Бондаренко 2002 и др.) был критерий имплицитности, однако в том виде, в котором понятие имплицитности используется для разграничения полных и неполных конструкций, данный критерий не обладает объяснительной силой. Имплицитность подразумевает репрезентацию невербализованных смыслов в различных видах, и это явление в каждом из своих проявлений свойственно как полным, так и неполным конструкциям языка. Кроме того, сам подход к явлению имплицитности представляется весьма эклектичным: различные ее виды могут рассматриваться и со структурно-семантических, и с функционально-прагматических, и когнитивно-дискурсивных позиций.

Представляется, что языковой феномен имплицитности, прежде чем быть использованным в качестве однозначного критерия разграничения синтаксических конструкций, сам нуждается в детальном многостороннем описании.

Таким образом, предлагаемая нами классификация строится по принципу бинарного членения и выглядит следующим образом:

1. Структурно-недетерминированные – структурно-детерминированные неполные конструкции.
2. Дискурсивно-зависимые и дискурсивно-независимые неполные конструкции.
3. Конструкции с неполнозначной незамещенной позицией – конструкции с полнозначной незамещенной позицией.
4. Неполные конструкции, соотнесенные с вербализованной информацией – неполные конструкции, соотнесенные с невербализованной информацией.
5. Конструкции с наличием-отсутствием полного изофункционального варианта
6. Фразеологизированные – нефразеологизированные неполные конструкции, причем фразеологизированные делятся на модельно-фразеологизированные и собственно-фразеологизированные.

В свете предложенной классификации объяснительную силу приобретает основной критерий синтаксической неполноты – наличие незамещенной синтаксической позиции, который мы уточним следующим образом: наличие или возникновение незамещенной синтаксической позиции.

Когнитивный подход позволяет утверждать, что явление неполноты представляет собой не незаполнение синтаксической позиции, а формирование незаполненной синтаксической позиции,

следовательно, лакуной может оказаться как позиция слова, так и позиция словосочетания или даже предикативной единицы (в целом – отдельный ярус предложения). Повторим, что мы говорим о формировании незаполненной позиции потому, что еще на этапе когнитивного конструирования говорящий, опираясь на существование определенной дискурсивной информации, либо будучи уверенным, что эта пресуппозиция известна адресату или не нуждается в экспликации, намеренно строит высказывание таким образом, что одна из его синтаксических позиций оказывается незаполненной, и при этом, вдобавок, экономит речемыслительные усилия.

В предложенном нами подходе также обретает релевантность семантический критерий – случаи семантической неполноты традиционно считались спорными и не вполне относящимися к предмету исследования. С учетом когнитивно-дискурсивных параметров неполноты можно предложить второй основной критерий выделения неполных конструкций: обязательность когнитивно-дискурсивного восполнения незамещенной синтаксической позиции.

Этот критерий выступает ограничительным: так, в определенно-личных предложениях имеется незамещенная синтаксическая позиция, однако ее восполнение необязательно, поскольку вся семантика личного местоимения реализована глаголом. Таким образом, определенно-личные предложения в результате применения этого критерия смещаются на периферию явления неполноты. Это же мы наблюдаем и в других случаях.

Так, в номинативных предложениях типа *Тишина* семантика экзистенции и синтаксическое настоящее время также делают необязательной реконструкцию глагола. Предложения типа *Мой дядя - учитель* и *Куришь – здоровью вредить* также выходят на периферию

явления неполноты из-за необязательности реконструкции связочного компонента сказуемого. Однако в конструкциях с десемантизированным компонентом типа *Мой дядя – самых честных правил* компонент *человек* нуждается в обязательной реконструкции, однако эта реконструкция происходит на когнитивно-семантическом уровне, «не доходя» до вербализации компонента. Для языкового грамматического сознания достаточно осознания категориальной семантики опущенного компонента – «имя, одушевленное, нарицательное, наименование человека».

Таким образом, определение неполной синтаксической конструкции может быть сформулировано следующим образом: неполной является синтаксическая конструкция с незамещенной синтаксической позицией, обязательной для реконструкции на основе внутренней, содержащейся в ней, или внешней дискурсивной информации.

Традиционно выделяемые типы неполных предложений вполне соответствуют предлагаемой выше классификации. Так, тип контекстуального эллипсиса относится к структурно детерминированным неполным предложениям. Приведенные А.П. Сковородниковым (Сковородников 1973, с. 123 и далее) примеры этого типа также классифицируются дальнейшим образом: пример с «прямым лексическим восполнением из макроконтекста» (*Он бы сам так не поступил, просто в голову бы не пришло. А вот полковнику пришло*) является нефразеологизированной конструкцией дискурсивно-независимого типа с однозначной синтаксической позицией, соотнесенной с вербализованной информацией; пример с «косвенным, ассоциативным восполнением из макроконтекста» (*Шли Тверетиновы, муж с женой, увидели искаленного щенка. Подобрали его и принесли*

к себе. Единственная их соседка Гришина не возражала, щенок прижился) относится к конструкциям дискурсивно-зависимого типа с неполнозначной синтаксической позицией, соотнесенной с невербализованной информацией, нефразеологизированного типа.

Предложения с ситуативным эллипсисом, где «восполнение происходит главным образом за счет обстановки речи, общего социального опыта говорящих» по нашей типологии относятся к структурно-детерминированным неполным конструкциям. Выделенные А.П. Сковородниковым «стационарные структуры - типизированные конструкции разговорной речи» типа *Два до Филей* относятся к дискурсивно-зависимым модельно-фразеологизированным конструкциям с полнозначной синтаксической позицией, соотнесенной с невербализованной информацией, а «нестационарные структуры - конструкции, свободно создаваемые в речи» (*Покажите синие*), в которых «при неизвестной конситуации допускается множественность осмысления» - к дискурсивно-зависимым нефразеологизированным конструкциям с неполнозначной синтаксической позицией, соотнесенной с невербализованной информацией.

В целом традиционно выделяемые неполно-ситуативные и неполно-контекстуальные предложения по нашей классификации могут быть представлены как структурно-детерминированным, так и структурно-недетерминированным типом, а эллиптические – только структурно-детерминированным типом.

Кроме того, в нашей классификации находят свое место и предложения, традиционно считавшиеся спорными на шкале синтаксической неполноты.

Ср.: *И не сказать, чтоб ввали. Просто смотрели немного вперед. Гарантировали в применении родного прибора то, чего от*

него, собственно, и мечтали добиться. Плюс схемы, графики, положительные рецензии из Академии сельхознаук и публикации за рубежом. Солидные люди, не аферисты какие-нибудь. И костюмчики дешевые. (М. Веллер). В данном примере неполные высказывания находятся на стыке с односоставными определенно-личными предложениями. Добавочный эффект парцелляции выводит второе, третье и четвертое предложения на периферию не только неполноты, но и парцелляции, поскольку самостоятельность этих предложений тоже вполне вероятна (во всяком случае, такая интерпретация возможна).

Некоторые из предложений, традиционно трактуемые как неполные, с применением нашей системы критериев не могут считаться таковыми. Ср. пример, приводимый А.Г. Бондаренко: *Так в слепоте он долго возился, пока не снял на ощупь, в снежной тьме, первый замок.* (М.А. Булгаков «Белая гвардия») (Бондаренко, 2002). Автор трактует данное предложение по А.А. Чувакину следующим образом: «В сложноподчиненном предложении временной семантики придаточная часть является неполной предикативной конструкцией с сигнализирующей позицией сказуемого, опущено подлежащее (сигнализируемая позиция)». С нашей точки зрения, неполнота здесь отсутствует, поскольку отсутствует *обязательность* реконструкции синтаксического нуля. Это подтверждается и тем, что предложение с «насильственно» реконструированной незамещенной позицией стилистически не вполне корректно. Ср.: *Так в слепоте он долго возился, пока он не снял на ощупь, в снежной тьме, первый замок.*

Таким образом, предлагаемая типология отвечает всем классификационным требованиям, и обладает объяснительными и ограничительными свойствами, то есть позволяет оценить любое

синтаксическое явление с точки зрения неполноты и исключить все неподходящие под явление неполноты конструкции.

3.2. Формальный аспект: структурно-детерминированные и структурно-недетерминированные неполные конструкции

Предлагаемая нами классификация неполных конструкций опирается на несколько оснований. Важнейшим из них является структурная детерминированность явления неполноты.

Структурно-детерминированные неполные конструкции имеют такую формальную организацию, которая предполагает возможность возникновения синтаксического нуля в определенной синтаксической позиции. К этим конструкциям относятся в первую очередь эллиптические конструкции, а также разновидности неполных конструкций, в которых отсутствующий компонент появляется в позиции, заполненной соотносительным с ней словом в другой части сложного предложения. В случае с глагольным эллипсисом возможность опущения глагола диктуется тем, что его основные грамматические характеристики выражены грамматическим значением предложения, а семантика в основной массе составляющих ее компонентов присутствует в семантической структуре окружающих глагол компонентов. Такое же явление наблюдается в случае пропуска местоимения – категории лица и числа реконструируются из грамматической структуры. Опущение в этом типе неполноты других слов – как правило, существительных, – оказывается возможным только при определенной степени их неполнозначности – десемантизации. При этом недостающая лексическая информация все равно восстанавливается из контекста или знания дискурсивной

ситуации. Ср.: *Мой дядя – (человек) самых честных правил.* В структурно-детерминированных неполных конструкциях, являющихся частями сложного предложения восстановление пропущенного компонента обусловлено синтаксическим окружением, в котором носитель соответствующей грамматической (и нередко лексической) семантики обязательно присутствует. Ср.: *Вы знаете Ивана Никифоровича? (Иван Никифорович –) Редкой души человек!* (Н. Гоголь). *Москва – звонят колокола!* (К. Бальмонт).

Структурно-недетерминированные неполные конструкции содержат нулевой компонент, не определяемый грамматическими характеристиками конструкции или контекста. Ср.: *Всяких повидал... И злые, и подлые, и сильные, и слабые, и трусливые, и доблестные... А Человека не встретил.* (А. Ярославцев). В первом предложении наблюдается проявление структурно-детерминированной неполноты, вариантом реконструкции которой может быть слово *людей*. Во втором предложении неполнота – структурно-недетерминированная, грамматическое значение пропущенной позиции не встречается в контексте.

Использование критерия структурной детерминированности позволяет по-иному взглянуть на характер синтаксической структуры: в структурно детерминированных конструкциях мы наблюдаем наличие незамещенной синтаксической позиции (синтаксического нуля), а в структурно-недетерминированных – лишь возможность появления синтаксической позиции. В структурно-детерминированных неполных конструкциях незамещенная позиция обязательна, она сформирована системой существующих синтаксических связей. В структурно-недетерминированных неполных конструкциях такая позиция обусловлена смысловой возможностью ее появления и

наличием возможностей для формирования соответствующих синтаксических связей, однако по причине их отсутствия отсутствует и сама позиция.

Ср.: *(Разорванное письмо валялось в корзинке для бумаг.) Катя сидела и писала новое.* – Синтаксическая связь зависимого компонента *новое* эксплицирует позицию объекта (письмо), которая в данной конструкции появляется и оказывается незаполненной.

— *Придётся пройти,* — *сказал наконец милиционер.* - *Мы прошли* (А. и Б. Стругацкие). Здесь синтаксические валентности глагола *пройти* предопределяют позицию актанта «в отделение», который опущен.

Уже длительное время идут споры о правомерности применения понятия синтаксического нуля к неполным синтаксическим конструкциям (Белошапкина 1986, Булыгина 1990, Галкина-Федорук 1962, Касевич 2004, Кибрик 1997, Мельчук 1974, Падучева 1973, Якобсон 1985). По сути, использование предложенного критерия позволяет нам сделать выбор – имеем мы дело с синтаксическим нулем или нет, а также дать отрицательный ответ на вопрос, является ли синтаксический нуль обязательным параметром неполной конструкции.

Полученные в ходе нашего исследования данные показали релевантность трех основных механизмов реализации синтаксической неполноты: 1) структурно-детерминированная неполнота (эллипсис); 2) структурно-недетерминированная неполнота; 3) структурная редукция.

Дефиниция структурно-детерминированной неполноты, под которую в нашей классификации попадают явления эллипсиса, в целом сохраняется в русле традиционных лингвистических воззрений; за

исключением того, что мы не привязываем эллипсис к анафоре и дейксису (см. Ш. Балли и Р.О. Якобсона). Мы называем эллипсисом элиминацию тех компонентов синтаксической структуры, которые могут быть восстановлены из нее самой; в когнитивной структуре высказывания эллиптируемый компонент информационно представлен, однако многие частные его характеристики оказываются для реконструкции фрагмента картины мира нерелевантными. Это вызывает определенные трудности в подборе соответствующего заполнения элиминируемой синтаксемы и, в результате, на ее месте образуется незамещенная позиция. Ср.: *Я за свечку, свечка – в печку*. Здесь в позиции глагольной синтаксемы должен находиться глагол, обозначающий быстрое действие, смену событий, однако детальная характеристика особенностей действия не релевантна. Поэтому для его вербализации требуется определенное усилие, и возможны варианты заполнения лакуны. Эллиптические предложения такого типа информационно достаточны; вся необходимая информация в них представлена, поэтому приведения их к полным в процессе восприятия не требуется.

Структурную редукцию мы определили как ситуацию ограничения на синтаксическую репрезентацию компонента структуры, при которой в результате заполнения незамещенной позиции получится либо неприемлемое, либо иное по своей дискурсивной функции высказывание. При структурной редукции реципиент, пытающийся восстановить лакуну, не сталкивается с возможностью подбора вариантов, как при эллипсисе. При этом структурная редукция выводит часть конструкций за пределы неполного предложения. Выведенными за пределы неполноты оказываются конструкции, невозможные до полного предложения, т.е. не имеющие изофункционального инварианта. Ср.: *Я этого*

(негодяя) не выношу! Как тебя зовут? – Анной.

Наконец, структурно-недетерминированная неполнота – это с формальной точки зрения ситуация замещения места одного компонента другим, при которой происходит так называемое полное или частичное снятие неполноты высказывания (Касевич 2006). При структурно-недетерминированной неполноте лакуна образуется за счет импликации информации об обязательном участнике ситуации, зато модусная пропозиция выходит на передний план. Ср.: *Я тебе говорю, я (его) здесь, в магазине, сегодня видела! Где Антон? – Гуляет.*

Действие механизма структурно-недетерминированной неполноты наглядно проявляются на примере высказываний с глаголами речи и мысли: *объяснить, доказать, разъяснить, пояснить.* Это объясняется факультативностью в подобной ситуации адресата, и его отсутствие не влияет в целом на информационную целостность сообщения.

3.3. Семантический аспект: однозначность – неоднозначность позиции опущенного компонента

Логично было бы избрать семантический критерий вторым в нашей классификации, однако практика его использования в грамматической традиции изучения неполного предложения показала его проблемность. В самом деле, если речь идет о реконструкции семантики пропущенного компонента, то возникают два источника этой реконструкции – контекст и знания ситуации общения (или, как мы писали во второй главе, ближайшее и отдаленное дискурсивное окружение). Оба этих источника весьма неопределенны. Так, в примере *Кристобаль Хозевич и Федор Симеонович – великие, а мы с*

тобой. брат... (А. и Б. Стругацкие) реконструкция компонента как *люди* основывается не столько на знании контекста, сколько на предположении о наиболее вероятном заместителе соответствующей синтаксической позиции. Эта «вероятность» обусловлена тем, что в данной синтаксической позиции необходимым оказывается самое незначительное количество актуализируемых компонентов лексического значения: вполне достаточно семы *люди*, которая и так содержится в именах собственных. Фактически, происходит десемантизация пропущенного компонента, или, иными словами, развитие его неполнозначности.

Этот пример демонстрирует, что использование классической опоры на семантический фактор является весьма размытым и, соответственно, не вполне релевантным для точного описания. Однако факт неполнозначности позиции заслуживает более пристального внимания как критерий, достойный включения в классификационные признаки. Он обозначает отсутствие необходимости в детализации семантики опускаемого компонента, утрату им развитой семантической структуры, необходимой для полноценной вербализации – и за отсутствием необходимости в экспликации полноценного смысла не вербализуется и сам компонент синтаксической структуры. Эти свойства опускаемого компонента заложены не в его собственной семантике, а в синтаксической структуре, поэтому правильно будет говорить не о неполнозначности семантики компонента, а о неполнозначности его синтаксической позиции, или о неполнозначности как свойстве его синтаксической позиции. Получается, что неполнозначность – а следовательно, и неполнота, – являются свойствами компонента синтаксической конструкции, и однозначность/неоднозначность позиции входит в число семантических классификационных критериев для типологии

неполных конструкций.

Может показаться, что предлагаемый критерий не является достаточно весомым. Однако значительное количество распространенных случаев неполноты предложения как раз и включают в себя неоднозначную позицию опущенного компонента. Ср.: *Еще Суворов говорил: «Завтрак съешь сам, обед – с другом, ужин – врагу». Эдак не разжиреешь на одних завтраках...»* (Б. Ярославцев). Опущены компоненты с семантикой «поделись (раздели)» и «отдай (оставь)», семантика которых достаточно очевидна и в целом неактуальна для понимания смысла высказывания. Сама позиция глагола в данной конструкции предполагает его «несложную» семантику и, соответственно, десемантизацию. Еще пример:

Два экипажа – к лесу, один – в обход. Мотоциклистам перекрыть дорогу (Б. Ярославцев). Семантика пропущенных глагольных компонентов упрощена, передает только факт движения в определенном направлении. Для дискурса неактуально, в какой форме происходит движение, и семантику опущенных глагольных компонентов можно охарактеризовать как неоднозначную.

Неоднозначность позиции имеет место всякий раз, когда от заполнения позиции требуется размытая, общая информация, необходимая больше в категориальном, а не в денотативном смысле. При этом происходит своеобразная «десемантизация» позиции, а в контексте или в дискурсе содержится достаточно информации, чтобы сформировалась лакуна на месте соответствующего неоднозначного компонента. Такого рода «динамическая неоднозначность» является, по-видимому, системным явлением в синтаксисе языка. Во всяком случае, мы можем предположить, что ее основа также содержится в когниции, когда от фрагмента картины мира, вербализуемого будущим

неполнозначным компонентом, требуется лишь самый общий смысл, когда детализация представляется избыточной.

Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о необходимости и достаточности компонента синтаксической структуры. Компонент может быть структурно необходим, поскольку система его валентностей формирует синтаксическую структуру. При этом самая минимальная форма его репрезентации может оказываться достаточной для выражения необходимой для высказывания семантики. Более того, излишняя детализация часто вредит – размывает фокус высказывания, отвлекает от восприятия действительно необходимого содержания.

В различных формах баланса этой необходимости и достаточности мы наблюдаем разнообразие способов выражения одних и тех же смыслов с помощью конструкций с различной синтаксической оформленностью. Баланс необходимого и достаточного определяет, насколько эксплицированным окажется тот или иной компонент высказывания. Следует отметить, что в обычных случаях необходимость чаще диктуется структурными потребностями конструкции, тогда как достаточность определяется дискурсивно-семантическими параметрами. Хотя нередки случаи, когда именно семантика компонента делает его особо необходимым. *Ср.: С ним не соскучишься. Я в смысле – на работе. Только на отдыхе терпеть еще можно* (В. Пелевин). Говорящему приходится конкретизировать «на работе», так как семантика компонента необходима для реконструкции всего фрагмента картины мира, и правильное восполнение лакуны для данного дискурса чрезвычайно важно.

Проблема неполнозначности позиции опущенного компонента синтаксической структуры тесно связана с местоименным дейксисом.

Нередко, если позиция неполнозначна, однако является необходимой для правильной реконструкции фрагмента картины мира, и если информация, способная заполнить такую позицию уже встречалась в рамках текущего дискурса, вместо неполноты используется дейктическая конструкция с местоименной анафорой или катафорой, которая отсылает к нужной информации. Вообще, нам представляется, что случаи местоименного замещения информационной лакуны в синтаксической структуре необходимо отличать от обычных случаев местоименной референции, когда осуществляется ссылка на ближайший контекст. Ср.:

а) *Смотри, на дворе сыро, слякоть. – У меня резиновые. Ср.: У меня они резиновые. Или: Наташа завтра придет. (Ее) Надо встретить.*

б) *В одной руке он держал удочку, а в другой – кукан с рыбешкой (А. Солженицын). Ср.: *... а в другой ней – кукан с рыбешкой.*

в) *Надо знать Модеста, чтобы понимать, что уж его обмануть не удастся (В. Пелевин). - * Надо знать Модеста, чтобы понимать, что уж обмануть не удастся.*

В первом примере возможна субституция опущенного компонента местоимением, во втором она невозможна. Первый пример входит в периферийную зону между неполнотой и полнотой, когда возможная лакуна заполняется местоимением, второй относится к центральной зоне неполноты, третий – лежит целиком в зоне местоименной референции и находится вне предмета нашего исследования.

Функционирование местоимений в неполных конструкциях является отдельным перспективным полем для исследования, однако не вошло в данную работу, поскольку центральным объектом такого

исследования является местоименная референция.

Таким образом, однозначность-неоднозначность позиции опущенного компонента относится к существенным не диагностическим, а классифицирующим признакам неполных синтаксических конструкций. В зависимости от степени неоднозначности позиции опущенного компонента неполная конструкция может располагаться в ядерной зоне или на периферии синтаксической неполноты.

3.4. Информационный и дискурсивный аспекты: неполные конструкции, соотнесенные с вербализованной информацией – неполные конструкции, соотнесенные с невербализованной информацией.

Дискурсивный параметр классификации также является чрезвычайно значимым, и он в несколько ином виде также применялся в предшествующих классификациях (Гатша 1989, Боярченко 1968, Ильенко 2003). Сущность его заключается в обусловленности реконструкции незамещенной позиции с опорой на дискурсивное окружение либо в отсутствии такой обусловленности, когда для такой реконструкции достаточно информации, содержащейся в неполной конструкции. Мы намеренно не используем здесь понятия «контекст», поскольку оно существенно ограничивает классификационные возможности параметра. При анализе когнитивного критерия мы уже отмечали, что при опоре на «внешний» компонент могут встретиться различные степени его вербализации, не все из которых можно причислить к контекстуальным. При этом механизм реконструкции восполняемого компонента остается неизменным, вне зависимости от

способа репрезентации «подсказки». Следовательно, использование «контекстуального» критерия искусственно ограничивает область анализа, выводя за его рамки ряд безусловно неполных синтаксических конструкций. Принципиальное основание, тем не менее, остается неизменным – используются ли для замещения опущенного компонента «внешние» или «внутренние» для неполной конструкции элементы. В частности, все «неполные предложения диалогической речи» относятся к дискурсивно-зависимому типу неполных конструкций.

Дискурсивные структуры входят в состав неполных конструкций; неполнота является их имманентным свойством (см. причины лакунарности во 2 гл.): здесь функционируют и оба вида экономии, и когезия, и прецедентность и т.д. В отличие от регламентированных видов речи, разговорная речь обладает сразу всем комплексом признаков неполноты. Таким образом, исключать разговорную речь из списка неполных конструкций нам представляется неправомерным.

В когнитивной обработке высказывания в его основу кладется именно информационное действие, необходимое в данном дискурсе, и это действие и определяет значимость компонентов высказывания по отношению друг к другу.

Более того, для диалога характерно разнообразие ролей опущенных элементов в соответствии с разнообразием вызвавших их причин лакунарности. Хотя следует отметить, что все варианты лакун смыкаются в диалоге исполнением основной функции – служить средством текстообразования.

Зависимость от дискурса – основное свойство неполных предложений диалогической речи. Дискурсивно-независимые

конструкции, напротив, чаще встречаются в письменном тексте.

Введение когнитивного параметра соотнесенности с вербализованной информацией позволяет отграничить две группы неполных конструкций, незамещенная позиция в которых реконструируется с использованием имеющегося в контексте вербального компонента-подсказки или с использованием когнитивных операций получения информации из иных источников: знаний о картине мира для данной дискурсивной ситуации, ее составляющих и взаимосвязей в ней, либо логического вывода из имеющейся в распоряжении человека информации, либо знаний, извлеченных из различных претекстов (в т.ч. аллюзивной информации), близко к последней группе источника реконструктивной информации стоят ассоциативные знания, полученные не основе ассоциативного мышления. Ср.: — *Сплошные натяжки, — сказал Витька. — Почему именно попугаи? Почему не собаки и не морские свинки? Почему не просто магнитофоны, наконец? И опять же, откуда эти попугаи знают, что Ойра-Ойра стар, а Корнеев — прекрасный работник? — Грубый, — подсказал я. — Грубый, но прекрасный. И куда всё-таки девалсядохлый попугай?* (А. и Б. Стругацкие). В данном примере вопросительные предложения, которые формулирует персонаж Витька Корнеев, не требуют обязательной реконструкции опущенного элемента в вербальной форме, т.е. не соотносятся с вербализованной информацией. А реплика его собеседника «- Грубый» реконструируется через вербальную форму «работник», которая находится в ближайшем дискурсе. А в первом предложении опущенное местоимение «*тут*», «*здесь*», играющее роль дискурсивной скрепы. Ср.: *Тут сплошные натяжки...*

Здесь возможна и дальнейшая классификация по степени

вербализации информации-подсказки: представлен ли восполняющий компонент такой же словоформой, что и пропущенный, такой же лексемой, требующей постановки в иную грамматическую форму; синонимичным словом или словосочетанием (в том числе фразеологическим), вербальным компонентом, вызывающим нужную ассоциацию или позволяющим сделать соответствующее умозаключение. Последнее может предполагать и классификацию по характеру когнитивных операций восполнения незамещенной позиции, однако такой аспект находится несколько в стороне от основной линии нашего исследования.

Этот аспект наиболее тесно связан с однозначностью-неоднозначностью позиции опущенного компонента, однако их нельзя объединять, так как в их функционировании встречаются большие различия.

При этом также нужно отличать неполные конструкции, соотнесенные с невербализованной информацией, от неполных конструкций, в состав которых входит лакуна, сформировавшаяся в результате операционального сбоя (наиболее часто – в результате речевой ошибки), то есть не соотнесенная ни с каким фрагментом информации (по крайней мере, информации, которая может быть восстановлена). Ср.: - *Роман, надо записать. — Есть диктофон* (А. и Б. Стругацкие). Невербализуются местоимения, поскольку их реконструкция не требуется; тогда как в примере: *Эт-то вот, товарищи, и есть... ну, это самое...* (А. и Б. Стругацкие) – в данном случае у говорящего происходит операционный сбой, не сформировалась мысль или «исчезло» из оперативной памяти наименование объекта высказывания.

Неполные конструкции, соотнесенные с невербализованной

информацией проявляют обязательную связь с информацией, которая восстанавливается, может быть выявлена, реконструирована и быть вербально выражена говорящим.

Неполные конструкции, в состав которых входит лакуна, сформировавшаяся в результате операционального сбоя, просто представляют собой коммуникативную неудачу, сбой в информационном обмене и не представляют собой репрезентации адекватного фрагмента картины мира.

В этом случае коммуникант старается исправить ошибку, но безуспешно, что влечет за собой прекращение коммуникации или изменение ее тематики. Ср.: - *И еще это...* - *Что?* – *Ну, это... как его... Забыл!*

В данном примере соотнесенность с информацией, которая может быть реконструирована из контекста, дискурса, пресуппозиций (знаний) отсутствует, что влечет за собой прекращение коммуникации на данную тему. В другом примере:

- *Ты это... Там поаккуратнее... Ну, и вообще, сам понимаешь. Если что... ни гугу. Не было ничего, понял?* (А. и Б. Стругацкие) – информация есть, она выводится из дискурса, пресуппозиций, однако не вербализуется, так как говорящий не может (или не хочет) использовать адекватные вербальные формы для ее передачи.

В следующем примере: *Она, брат, знаешь, какая? Она как... ну, не поймешь ты! Это увидеть надо!* (А. и Б. Стругацкие) – информация не вербализуется из-за отсутствия у говорящего вербальных возможностей для репрезентации.

Общим правилом в случае неполных конструкций, соотнесенных с невербализованной информацией, для того, чтобы отличать их от информационных сбоев, является наличие у коммуникантов знаний

(пресуппозиционных или выводимых из дискурса) о том, что такая информация имеет место. Ощущение отсутствия информации у коммуникантов бывает всегда не менее четким. Ср.: *И... что? – спросил Витька. – И... ничего, - ответил Эдик. Мы переглянулись.* (А. и Б. Стругацкие).

При этом все синтаксические конструкции, соотнесенные с (существующей) невербализованной информацией в обязательном порядке обнаруживают свойства синтаксической неполноты.

3.5. Изофункциональный аспект: Конструкции с наличием-отсутствием полного изофункционального варианта

Синтаксическая изофункциональность может быть интерпретирована в широком и узком смыслах. В узком смысле изофункциональными считаются явления, имеющие в своей когнитивной основе аналогичные ментальные репрезентации и когнитивные операции, в своей коммуникативной обусловленности аналогичные коммуникативные свойства, с точки зрения функциональной семантики аналогичное актуальное для данной дискурсивной ситуации семантическое наполнение, и с точки зрения структуры – разнообразие формальных способов репрезентации (Леденев 2010). В широком смысле под синтаксической изофункциональностью понимается функциональное подобие языковых единиц различных синтаксических ярусов, обусловленное их единством в адекватной реализации коммуникативной функции (Леденев 2001). Кроме этого, под изофункциональностью нередко понимается и простое подобие синтаксических функций разнообразных единиц (Мошегова 2005).

Особенность проявления изофункциональности в сфере неполного предложения заключается в том, что изофункциональные ряды неполных синтаксических конструкций являются потенциальными, не существующими в реальных языковых ситуациях, но способными в них существовать: они лишь демонстрируют возможность развертывания синтаксических структур до полной экспликации компонентов, но не гарантируют такого развертывания.

Наличие изофункционального ряда с инвариантом не обязательно предусматривает реальное существование и применение инвариантной конструкции в реальном употреблении; оно является индикатором синтаксической неполноты и позволяет диагностировать проявление синтаксической неполноты. То есть для нас не обязательно реальное существование полного синтаксического аналога неполной конструкции, нам достаточно знания, что такой аналог существует или может существовать.

В нашем исследовании изофункциональными считаются явления, имеющие в своей когнитивной основе аналогичные ментальные репрезентации и когнитивные операции, в своей коммуникативной обусловленности аналогичные коммуникативные свойства, с точки зрения функциональной семантики аналогичное актуальное для данной дискурсивной ситуации семантическое наполнение, и с точки зрения структуры – разнообразие формальных способов репрезентации, проявляемое в различных неполных вариантах полного инвариантного предложения в сходных коммуникативно-прагматических условиях дискурса.

Синтаксическая неполнота, как мы отмечали, характеризуется тем, что в когнитивной структуре нет лакуны, т.е. говорящий знает, о чем идет речь, но:

- не может или не успевает подобрать вербальную репрезентацию (информационный сбой);

- применяет ранее использовавшуюся информацию;

- использует информацию, вытекающую из дискурса;

- использует знания о мире.

Таким образом, если в самой когнитивной структуре нет информационной лакуны, то она может быть представлена в полном предложении; Это означает, что в ней присутствует возможность реализации в изофункциональных полных структурах, или, иными словами, существует возможность репрезентации информации в полном предложении, изофункциональном данному неполному.

Эта возможность реализоваться в полном предложении не обязательно должна осуществляться, однако она должна существовать.

Более того, нередко нет возможности экспликации всей информации в следующих случаях:

а) т.к. информации нет – возникает семантическая неполнота (ср. невосполнимая лакуна). Например: *А я теперь – вот, видишь, сам не знаю, как* (М. Веллер) – в данном примере говорящий не может предоставить информацию, и, хотя реципиент в состоянии завершить разными способами представленные неполные конструкции, не существует способов добиться достоверной реконструкции. В этом случае мы говорим о невозможности выявления инварианта;

б) возможность есть, но не происходит ее осуществления, т.к. отсутствуют приемлемые вербальные формы репрезентации. Ср.: *Да как же она это? Как же она поехала, и не сказала?* (С. Довлатов) – в данном примере говорящий не в состоянии (не может, не считает нужным) вербализовать опущенные компоненты, что также приводит к вариативности восстановления инвариантной конструкции;

в) возможность есть, но имеются ограничения на ее репрезентацию:

- в эллиптических конструкциях:

- обусловленные синтаксическими моделями (в разговорной речи). Ср.: *Пожалуйста, Иван (говорите);*

- обусловленные синтаксической формой (конструкции с инфинитивом, повелительным наклонением и т.п.). Ср.: *Сидеть молча! Закрой книгу!* и др.;

- глаголы-связки (*Мой брат – моряк; Курить – вредно!*);

- дискурсивные узуальные (в разговорной речи): *А она что? Я домой* и т.д.

На периферии синтаксической неполноты наблюдается зона синкретизма: субституция глагольных элементов звукоподражаниями, неглагольных – местоимениями и частицами. Ср.: *Я за свечку – свечка в печку; – Я хватя за свечку – свечка – фьютя – в печку.* Это первый шаг к незаполнению позиции, изофункциональный неполной конструкции.

В ходе нашего исследования мы столкнулись с интересным предположением, которое могло бы стать основой отдельного исследования. Это предположение о том, распространяется ли системное явление синтаксической неполноты на область функционирования неполнозначных слов. Представляется, что синтаксическая неполнота в области неполнозначных слов может иметь место: в зоне релятивности, там, где имеется логическая пропозиция, бывает опущено формальное средство ее выражения – средство связи, и таким образом из союзного предложения возникает бессоюзное. Ср.: *Если пойдете в бухгалтерию, не забудьте забрать счета – Пойдете в бухгалтерию – не забудьте забрать счета.*

Вероятно, это – явление одного порядка с синтаксической неполнотой и оно, безусловно, представляет научный интерес.

Выводы к главе 3

Когнитивный и дискурсивный параметры способны пролить свет на сложные вопросы классификации неполных конструкций. В качестве когнитивного параметра целесообразно использовать критерий вербализации знания, нужного для реконструкции незамещенной позиции. В качестве дискурсивного параметра оптимальным будет избрать критерий зависимости процесса реконструкции незамещенной позиции от дискурсивного окружения.

Предлагаемая нами классификация строится по принципу бинарного членения и выглядит следующим образом:

1. Структурно-недетерминированные – структурно-детерминированные неполные конструкции.
2. Дискурсивно-зависимые и дискурсивно-независимые неполные конструкции.
3. Конструкции с неполнозначной незамещенной позицией – конструкции с полнозначной незамещенной позицией.
4. Неполные конструкции, соотнесенные с вербализованной информацией – неполные конструкции, соотнесенные с невербализованной информацией.
5. Конструкции с наличием-отсутствием полного изофункционального варианта
6. Фразеологизированные – нефразеологизированные неполные конструкции, причем фразеологизированные делятся на модельно-фразеологизированные и собственно-фразеологизированные.

Таким образом, определение неполной синтаксической конструкции может быть уточнено следующим образом: неполной является синтаксическая конструкция с незамещенной синтаксической позицией, обязательной для реконструкции на основе внутренней, содержащейся в ней самой, или внешней, содержащейся в дискурсивном окружении, информации.

Структурно-детерминированные неполные конструкции имеют такую формальную организацию, которая предполагает возможность возникновения синтаксического нуля в определенной синтаксической позиции. Структурно-недетерминированные неполные конструкции содержат нулевой компонент, не предопределяемый грамматическими характеристиками конструкции или контекста.

Неполнозначность синтаксической позиции имеет место всякий раз, когда для заполнения позиции достаточно общей информация без деталей, необходимой больше в категориальном, а не в денотативном смысле, а в контексте или в дискурсе уже содержится достаточно информации, чтобы формировалась лакуна на месте соответствующего компонента.

Полнозначность-неполнозначность позиции опущенного компонента относится к существенным не диагностическим, а классифицирующим признакам неполных синтаксических конструкций. В зависимости от степени неполнозначности позиции опущенного компонента неполная конструкция может располагаться в ядерной зоне или на периферии синтаксической неполноты.

Сущность дискурсивного параметра классификации заключается в обусловленности реконструкции незамещенной позиции с опорой на дискурсивное окружение либо в отсутствии такой обусловленности, когда для такой реконструкции достаточно информации,

содержащейся в неполной конструкции.

Зависимость от дискурса – основное свойство неполных предложений диалогической речи. Дискурсивно-независимые конструкции, напротив, чаще встречаются в письменном тексте.

Введение когнитивного параметра соотнесенности с вербализованной информацией позволяет выделить две группы неполных конструкций. В этих конструкциях незамещенная позиция реконструируется с использованием имеющегося в контексте вербального компонента-подсказки или с использованием когнитивных операций получения информации из иных источников. Этими источниками могут быть знания о картине мира, ее составляющих и взаимосвязей в ней; логический вывод из имеющейся в распоряжении человека информации; знания, извлеченные из различных претекстов (в т.ч. аллюзивной информации); ассоциативные знания, полученные на основе ассоциативного мышления.

Наличие изофункционального ряда с инвариантом не обязательно предусматривает реальное существование и применение инвариантной конструкции в реальном употреблении; оно является индикатором синтаксической неполноты и позволяет диагностировать проявление синтаксической неполноты.

Особым критерием является фразеологизированность конструкции, поскольку она выводит нас в область прецедентных языковых феноменов, в которых восполняющая информация «привязана» к синтаксической форме через узуальную традицию употребления конструкции.

В целом выделение в качестве классификационного параметра фразеологизированных – нефразеологизированных неполных конструкций имеет факультативный характер и применимо только к

неполным конструкциям, имеющим в своем составе фразеологический компонент.

Заключение

Синтаксическая неполнота в русской грамматической традиции имеет длительную историю изучения. Основной чертой рассмотрения этого феномена в подавляющем большинстве работ являлся подход к синтаксической неполноте не с точки зрения коммуникации и дискурса, а как к явлению системы языка. Наиболее распространенная точка зрения – рассмотрение неполного предложения в качестве (речевого) варианта полного, требующего реконструкции на основании контекста или конситуации.

В состав неполных конструкций включаются структуры полносоставных предложений с синтаксической редукцией компонентов, хотя отмечается, что не всегда оказывается возможным возвести конкретное неполное предложение к соответствующему ему полному. Процедура реконструкции опущенных компонентов демонстрирует взаимосвязь характера синтаксической редукции как с соответствующим полным предложением и его внутренней семантикой, так и с более широким контекстом и дискурсивной ситуацией.

Интерес ученых к функционированию неполных конструкций в языке, тексте и дискурсе резко возрос с развитием лингвистической прагматики, коммуникативной и когнитивной лингвистики. В центре внимания оказались их коммуникативно-дискурсивная функция, актуализации информации в дискурсе, их роль в организации текста.

Вместе с тем в предшествующих исследованиях некоторые вопросы так и не были выяснены до конца. Так, имевшееся разграничение неполных конструкций на контекстуально-неполные и ситуативно-неполные предложения представляется нечетким и не

вполне оправданным, поскольку их единственное различие состоит в объеме необходимой для их реконструкции конситуации. Не было получено ранее удовлетворительного ответа на вопрос, все ли неполные предложения способны иметь эксплицитный изофункциональный инвариант. Требовалось выяснить, каковы доминанты (инвариантные конструкции) изофункциональных рядов неполных и полных конструкций. Нуждался в освещении вопрос, может ли изофункциональный аспект являться релевантным критерием для выделения неполного предложения.

Среди центральных вопросов теории неполноты – вопрос о ее критериях. В традиционных подходах к ее изучению в число основных критериев включаются синтаксическая функция опущенного члена или членов предложения; специфика вербализованных компонентов предложения; учет ситуации и контекста; учет синтаксической позиции опущенного компонента; учет семантической позиции невербализованного компонента.

Все эти подходы, рассмотренные в нашей работе, в основном следуют принципу минимализма в своем стремлении к выделению ограниченного списка критериев неполноты. Как результат такого подхода мы наблюдаем неоправданное сужение границ феномена синтаксической неполноты, отграничение ее от ряда смежных явлений (от эллипсиса и от неполноты семантической) без достаточных к этому оснований. При этом разграничение семантической и синтаксической неполноты во всех без исключения исследованиях, признающих эти виды исследуемого феномена, строится по принципу оппозиции, при котором семантическая неполнота противопоставляется синтаксической. В результате нередко феномен семантической неполноты распространяется на многие предложения с нарушениями

структурной организации, а явление синтаксической неполноты сужается до эллиптических конструкций.

Чтобы преодолеть эти противоречия, следует по-иному взглянуть на неполное предложение и на само явление неполноты. В качестве рабочего определения в нашей работе было избрано положение, при котором под неполными понимаются такие предложения монологической и диалогической речи, в которых имеет место незамещенная синтаксическая позиция (НСП), восполнимая из внутреннего контекста, внешнего контекста, дискурсивной ситуации или знаний коммуникантов. Эллипсис мы трактуем как частное проявление неполноты, при котором синтаксическая позиция, восполнимая из внутреннего контекста, не требует своего формального восполнения, поскольку грамматическая конструкция уже содержит в себе всю необходимую и достаточную информацию.

Применяя когнитивно-дискурсивный подход и взяв за основу информационную составляющую языковой единицы, мы построили модель, согласно которой явление синтаксической неполноты формируется в зависимости от дискурсивной ситуации, и его основу составляют когнитивные процессы обработки информации, обусловленные дискурсивной необходимостью для говорящего эксплицитировать одну информационную структуру за счет редукции другой. В модели нашли отражение и другие когнитивные процессы, в частности – различные ошибки, которые мы называем информационными сбоями. Эти сбои также ведут к формированию ущербной информационной структуры высказывания. Таким образом, мы попытались подобраться к истокам формирования феномена неполноты.

В нашем понимании семантическая неполнота не

противопоставляется синтаксической. Семантическая неполнота – это наличие лакуны в когнитивной структуре высказывания, тогда как синтаксическая неполнота – это наличие незамещенной синтаксической позиции, обязательной для реконструкции на основе внутренней, содержащейся в ней или в пределах конструкции, или внешней дискурсивной информации; при этом общий смысл высказывания, содержащего неполную конструкцию, с одной стороны, и соответствующего высказывания с изофункциональной ей полной конструкцией – с другой, должен быть одним и тем же.

Существенным положением применяемой в работе методологии является идея многомерности и многоярусности синтаксической системы языка. Процессы порождения дискурса, которые приводят к линеаризации многомерной картины мира в виде линейной цепочки высказывания, приводят к возможной множественности способов выражения одной и той же информации. При этом регулярным явлением оказывается изофункциональность конструкций, выполняющих одну и ту же функцию при разной структурной организации и на разных ярусах синтаксиса. Изофункциональные конструкции могут быть представлены в виде рядов, располагающихся на различных синтаксических ярусах, при этом наиболее нейтральная, устойчивая и эксплицитная конструкция, в которой выражена необходимая и достаточная информация, может называться изофункциональным инвариантом. Этот инвариант является наиболее функционально универсальным и наименее дискурсивно зависимым членом изофункционального ряда.

В свете изложенного выше мы рассматриваем систему неполного предложения и составляющие ее категории в аспектах соотносительности с конструкциями смежных синтаксических ярусов как

внутрилингвистической средой; с точки зрения участия в организации семантики предложения при порождении речи как реализации функции неполного предложения; в плане функционирования в дискурсе и проявлении в тексте как соотнесенности со своей экстралингвистической средой; с точки зрения установления семантико-структурных соотношений внутри системы неполного предложения на основе понятий пропозиции, предикации, информации.

Коммуникативно-прагматическая специфика неполного предложения состоит в том, что в нем по-разному отображаются коммуникативно неравноправные информационные структуры, то есть иллокутивная составляющая речевого акта представлена как минимум двумя коммуникативными действиями – имплицитным и эксплицитным.

Системы полного и неполного предложений существуют в качестве альтернативных способов выражения и обозначения одной и той же информации о фрагменте картины мира говорящего, но с разным коммуникативным рангом и фокусом. При этом большее количество неполных конструкций функционирует в диалогической речи, что обусловлено рядом факторов: речевой экономией, обилием дискурсивной информации, достаточной для реконструкции опущенных компонентов, возможностью обратной связи для коммуникантов, позволяющей получить дополнительную информацию.

Важным для нашего исследования понятием является понятие информационной лакуны. Информационная лакуна – это случайное или намеренное «выпадение» фрагмента когнитивной информации, которое отражается на семантической и/или на синтаксической

структуре высказывания.

Мы выделяем информационные лакуны двух видов: в когнитивной структуре – на ее основе формируется семантическая неполнота, и в поверхностной при отсутствии лакуны в когнитивной структуре – на основе этого явления формируется синтаксическая неполнота.

Факторами, ведущими к формированию информационной лакуны, могут являться экономия времени, экономия объема. Распространенным явлением оказывается наличие прецедентных визуальных моделей. Большую роль играет и отсутствие необходимости в репрезентации синтаксического компонента, как и выражение незначимости данного информационного фрагмента по сравнению с остальной информацией. Особым случаем является невозможность вербализации определенной информации по различным причинам. Важное место занимают; когезивные факторы – посредством лакуны формируется отсылка к другому участку дискурса – формируется когезия, и стилистические факторы, обычно действующие совместно с когезивными – например, если говорящий стремится избежать ненужных повторов. Экстралингвистическое окружение также представляет собой существенный фактор, имеющий в своей основе непосредственную референцию к объектам экстралингвистической действительности в текущем дискурсе. Существенным фактором неполноты является десемантизация (неполнозначность) позиции опущенного компонента.

Лакуна в синтаксической структуре подчиняется общим правилам теории информации, т.е. она может быть восполнимой или невосполнимой; критичной либо некритичной для сохранения информационной целостности сообщения. Соответственно выделяется

4 типа лакун.

Обязательным условием существования неполноты является речемыслительная деятельность, позволяющая выявить в высказывании информационную лауну. Наличие такой лауны в семантической структуре по сравнению с ожидаемой информационной структурой может трактоваться как семантическая неполнота.

Наличие лауны в системе формального выражения информации, при котором установленным является отсутствие компонента, выражающего имеющуюся в распоряжении (в т.ч. и реконструированную) необходимую и достаточную для реконструкции картины мира информацию представляет собой синтаксическую неполноту.

Таким образом, принципиальное различие между синтаксической и семантической неполнотой состоит во включенности информационного фрагмента в сообщение. В случае семантической неполноты лауна формируется на месте фрагмента информации, не включенного в сообщение. В случае синтаксической неполноты лауна формируется на месте фрагмента информации, включенного в сообщение.

Синтаксическая неполнота – системное языковое явление, охватывающее все сферы от когниции до дискурса. Оно позволяет оптимизировать речь для условий соответствующего дискурса; является связующим фактором в дискурсе, служит средством фокусировки информации и связано с особым видом речемыслительной деятельности.

Семантическая неполнота, напротив, представляет собой асистемное явление, она является результатом системных и операциональных сбоев, является разрушительным фактором для

дискурса.

Таким образом, введенные когнитивный и дискурсивный параметры оказались способны пролить свет на сложные вопросы классификации неполных конструкций. В качестве общего когнитивного параметра целесообразным оказалось использование критерия вербализации знания, нужного для реконструкции незамещенной позиции. В качестве дискурсивного параметра оказалось оптимальным избрание критерия зависимости процесса реконструкции незамещенной позиции от дискурсивного окружения.

На основе предлагаемого когнитивного объяснения явления неполноты нами предложена классификация, которая строится по принципу бинарного членения и насчитывает пять критериев, подробно эти критерии и основания классификации изложены нами в третьей главе диссертации.

В свете проведенного нами исследования определение неполной синтаксической конструкции было уточнено следующим образом: неполной является синтаксическая конструкция с незамещенной синтаксической позицией, обязательной для реконструкции на основе внутренней, содержащейся в ней, или внешней дискурсивной информации.

Большой интерес для исследования и классификации неполных предложений представляет исследование их формальной организации, которая предполагает возможность возникновения синтаксического нуля в определенной синтаксической позиции. Так, выделенные нами структурно-недетерминированные неполные конструкции содержат нулевой компонент, не предопределяемый грамматическими характеристиками конструкции или контекста.

Мы отметили, что неоднозначность синтаксической позиции

возникает всякий раз, когда от ее заполнения требуется размытая, общая информация, необходимая больше в категориальном, а не в денотативном смысле, а в контексте или в дискурсе уже содержится достаточно восполняющей информации. В зависимости от степени неоднозначности позиции опущенного компонента неполная конструкция может располагаться в ядерной зоне или на периферии синтаксической неполноты, поэтому мы относим этот критерий к существенным не диагностическим, а классифицирующим признакам неполных синтаксических конструкций.

«Расположение» информации также оказывается существенным для нашей классификации. В зависимости от того, откуда берется информация для восполнения – из дискурсивного окружения или из самой конструкции, т.е. «извне» или «изнутри», можно выделять различные классы неполных предложений. Зависимость от дискурса – основное свойство неполных предложений диалогической речи. Дискурсивно-независимые конструкции, напротив, чаще встречаются в письменном тексте.

Также мы отграничиваем две группы неполных конструкций, незамещенная позиция в которых реконструируется с использованием имеющегося в контексте вербального компонента-подсказки или с использованием когнитивных операций получения информации из иных источников. Этими источниками могут быть знания о картине мира, логические выводы, различные претексты, аллюзии, ассоциативные знания, полученные на основе ассоциативного мышления. При этом эти знания могут быть вербализованы или нет, что и дало нам основание ввести параметр соотнесенности с вербализованной информацией.

Индикатором синтаксической неполноты, позволяющим ее

диагностировать, оказалось наличие изофункционального ряда с полным инвариантом. При этом не обязательно реальное существование инвариантной конструкции в реальном употреблении, достаточно знаний говорящего о возможности существования такого инварианта.

Система прецедентных феноменов языка «заготавливает» для его носителей неполные конструкции, которые обнаруживают весьма активное применение во всех сферах коммуникации. Поэтому для нас особым критерием является фразеологизированность конструкции, при которой восполняющая информация «привязана» к синтаксической форме через узуальную традицию ее употребления. При этом необходимо отметить, что выделение в качестве классификационного параметра фразеологизированных – нефразеологизированных неполных конструкций имеет факультативный характер и применимо только к неполным конструкциям, имеющим в своем составе фразеологический компонент.

Предложенная нами классификация, в основу которой положено представление о языковой информации в когнициии и дискурсе, оценивает свойства неполных конструкций одновременно по нескольким параметрам, на различных уровнях языковой системы. Если корни синтаксической неполноты находятся на различных уровнях синтаксиса, то и классификация должна охватывать эти уровни – от когнициии до дискурса. Предложенная классификация охватывает не только случаи, традиционно относимые к явлениям неполноты предложения, но и эллиптические конструкции, некоторые случаи парцелляции и даже операционные сбои в коммуникации, следствием которых является «выпадение» информационно значимого отрезка сообщения.

Список использованной литературы:

1. Абрамов, Б.А. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания [Текст] / Б.А. Абрамов. - М.: Кругъ, 2003.
2. Адамец, П. Порядок слов в современном русском языке. [Текст] / П. Адамец. – Прага: Academia, 1966. – 96 с.
3. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. [Текст] / В.Г. Адмони – СПб.: Наука, 1994.
4. Адмони В.Г. Типология предложений [Текст] / В.Г. Адмони // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
5. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. [Текст] / Г.Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
6. Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. СПб., 2002. — № 2. — С. 60–74.
7. Антонова Т.И. Неполные предложения и второстепенные члены. —1. Магнитогорск, 1959. 98 с.
8. Апресян, Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря [Текст] / Ю.Д. Апресян // Язык: система и функционирование / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М., 1988. – С. 10-22.
9. Апресян, Ю.Д. О сильном и слабом управлении (Опыт количественного анализа) [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. - 1964. - № 3. - С. 32-49.
10. Апресян, Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола [Текст] / Ю.Д. Апресян. - М., 1967.
11. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского

- языков. [Текст] / В.Д. Аракин. – Л.: Наука, 1979. – 232 с.
12. Артющков К. В. К вопросу о соотношении прерванных и неполных предложений [Текст] / К.В. Артющков // Предложение как многоаспектная единица языка. Русский язык. Межвузовский сборник научных трудов МГПИ им. В.И. Ленина / Под ред. В.В. Бабайцевой, М., 1983.
  13. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 136-137.
  14. Астахова, Л. И. Предложение и его членение: прагматика, семантика, синтаксис. [Текст] / Л.И. Астахова. – Днепропетровск: изд-во ДГУ, 1992. – 160 с.
  15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Рипол Классик, 2013. – 614 с.
  16. Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. [Текст] / В.В. Бабайцева. - М., 1979.
  17. Бабайцева В.В. Современный русский язык. Односоставные предложения в современном русском языке [Текст] / В.В. Бабайцева. - М., 1968.
  18. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка [Текст] / В.В. Бабайцева. - М., 2000. – 640с.
  19. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. [Текст] / В.В. Бабайцева. - М., 1997.
  20. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. [Текст] / Л.Г. Бабенко. – М., Екатеринбург, 2004. – 464 с.
  21. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.

- [Текст] / Ш. Балли. – М., 1955. – 430 с.
22. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику. [Текст] / А.Н. Баранов. – М., 2001. – 360 с.
  23. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. Г. К. Косикова [Текст] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616с.
  24. Бархударов, Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. [Текст] / Л.С. Бархударов. – М., 1966. – 200с.
  25. Безденежных Е.Л. Двусоставные безглагольные предложения в современном русском языке // Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1972
  26. Белошапкина В.А. О семантическом изоморфизме нулевых позиций субъекта и объекта в русском предложении [Текст] / В.А. Белошапкина // Проблемы семантики предложения: Выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986.
  27. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. [Текст] / В.А. Белошапкина. Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М., 1977.
  28. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Учеб. для филол. спец. ун-тов. [Текст] / В.А. Белошапкина. - М., 1989.
  29. Бельчиков Ю.А. Эллипсис. [Текст] //Ю.А. Бельчиков. Лингвистический словарь. М., 1990. - с. 494.
  30. Беляев О.В. Неполные предложения в структуре текста / На материале французской публицистики: Дис. канд. филол. наук. [Текст] / О.В. Беляев. - М., 1982.
  31. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. [Текст] / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 480 с.
  32. Бергельсон, М.Б. К вопросу об общей теории языковой редукции [Текст] / М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик // Формальное описание

- структуры естественного языка. - Новосибирск, 1980. - С. 147-161.
33. Бисималиева, М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» [Текст] / М.К. Бисималиева // Филологические науки, 1999, № 2. – С. 78-85.
  34. Богуславский, И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов [Текст] / И.М. Богуславский. - М.: Наука, 1985.
  35. Бондаренко А.Г. Неполное предложение как единица текста [Текст] /Дисс. ... канд. филол. наук., Ростов-н/Д, 2002.
  36. Бондарко А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. - Л., 1984.
  37. Бондарко, А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка [Текст] / А.В. Бондарко. - М.: Языки славянской культуры, 2002.
  38. Боярченко Э.П. К вопросу о разграничении неполных предложений в современном русском языке [Текст] / Э.П. Боярченко. - М., 1966.
  39. Боярченко Э.П. Неполные предложения и принципы их классификации / На материале трилогии К. Федина: Дис ... канд. филол. наук. [Текст] / Э.П. Боярченко. - Курск, 1968.
  40. Брагина, А.А. Экономия и избыточность в языке [Текст] / А.А. Брагина // Русская речь. - 1976. -№ 1. - С. 64-70.
  41. Булыгина, Т.В. К проблеме моделирования способности говорящих к контекстному разрешению неоднозначности [Текст] / Т.В. Булыгина //САФИД-83. -С. 182-184.
  42. Булыгина, Т.В. Синтаксические нули и их референциальные свойства/ [Текст] /Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Типология и грамматика. - М.: Наука, 1990. - С. 109-117.
  43. Бухбиндер, В. А. О возможностях измерения текстовой структуры

- [Текст] / В.А. Бухбиндер // Проблемы текстуальной лингвистики. - Киев, 1983. - Гл. III, ч. I. - С. 43-68.
44. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка. [Текст] / Н.С. Валгина. – М., 2000. – 416 с.
  45. Валгина, Н. С. Теория текста. [Текст] / Н.С. Валгина. – М., 2003. – 250 с.
  46. Ванников Ю.В. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции) [Текст] / Ю.В.Ванников. - М., 1969.
  47. Ванников, Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи [Текст]. / Ю. В. Ванников // М.: УРРС, 2000.
  48. Вардуть, И. Ф. К обоснованию актуального синтаксиса [Текст] / И.Ф. Вардуть // Язык и мышление. – М., 1967. – С. 115-122.
  49. Вардуть, И.Ф. Основы описательной лингвистики: Синтаксис и супрасинтаксис. Изд. 2-е, стереотип. [Текст] / И.Ф. Вардуть. - М.: URSSS, 2006.
  50. Вейхман Г.А. О двусоставных безглагольных предложениях [Текст] // Г.А. Вейхман. - Вопросы языкознания. 1967. № 3.
  51. Вейхман, Г. А. К вопросу о синтаксических единствах [Текст] / Г.А. Вейхман // Вопросы языкознания. 1961, № 2. – С. 97-105.
  52. Вейхман, Г. А. Новое в грамматике современного английского языка. [Текст] Г.А. Вейхман. – М.: Астрель, 2003. – 544 с.
  53. Вербицкая, Л.А. Некоторые проблемы создания национального корпуса русского языка [Текст] / Л.А. Вербицкая, Н.Н. Казанский, В.Б. Касевич // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. -М.: ВИНТИ, 2003. - № 6. - С. 2-8.
  54. Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1958. – 167 с.

55. Виноградов, В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 389-435.
56. Винокур Т.Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи [текст] // Развитие лексики современного русского языка. М, 1993.
57. Воейкова, М.Д. Проявления языковой избыточности в области русских падежных противопоставлений (на материале спонтанной речи взрослых и детей с привлечением данных речевой патологии) [Текст] / М.Д. Воейкова // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007г.). - М.: МГУ, 2007. - С. 176 -177 (<http://www.philol.msu.ru/rlc2007/pdf/6.pdf>).
58. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. [Текст] / М.В. Всеволодова. – М.: из-во МГУ, 2000. – 216 с.
59. Гаврилова, Г. Ф. Сложносочиненное предложение: структурно-семантический и функциональный аспекты [Текст] / Г.Ф. Гаврилова // Синтаксис предложения. Избранные труды. - Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005. – С. 60-86.
60. Гаврилова, Г.Ф. Сложное предложение в функциональном аспекте Текст. / Г.Ф. Гаврилова // Ростов-на-Дону, 1991. 70 с.
61. Галкина - Федорук Е.М. «О нулевых формах в синтаксисе» [Текст] / РЯШ, 1962, №2, с. 12
62. Галкина-Федорук Е.И. Современный русский язык, ч. II [Текст] / Е.И. Галкина-Федорук. - изд. МГУ, 1964, с.443.
63. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования

- [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
64. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка [Текст] / И.Р. Гальперин. - М., 1974.
65. Гатша А.Э. Неполное высказывание как строевая единица связного текста [Текст] / А.Э. Гатша. - М., 1989.
66. Гвенцадзе, М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. [Текст] / М.А. Гвенцадзе. – Тбилиси, 1986. – 315 с.
67. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык, ч. II, Изд. - 3-е [Текст] / М., 1968
68. Гизатулин, С.Л. Семантическая экономия и избыточность в речи [Текст] / С.Л. Гизатулин // НДВШ. Филологические науки. - 2001. - № 2. - С. 75-84.
69. Гиндин, С. И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии. [Текст] / С.И. Гиндин. – М., 1971. – 228 с.
70. Гиндин, С.И. Смыслосохраняющее сжатие текста как процедура, обратная его деривации [Текст] / С.И. Гиндин // Проблемы дериватологии. Тезисы докладов. Вып. 2. - Пермь, 1981. - С. 76-78.
71. Гневко В.Т., Кравченко З.Ф., Хмелевская Е.С. Современный русский язык. Односоставные предложения. Нечленимые предложения. Неполные и эллиптические предложения. Простые осложненные предложения [Текст] / Минск, 1985.
72. Горелов, И. Н. Проблема «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии [Текст] / И.Н. Горелов // Изв. АН СССР СЛЯ. - 1977. - Т. 36, № 2. - С. 165-175.
73. Горшкова, И. М. Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике [Текст] / И.М. Горшкова // Синтаксис текста. - М.: Наука, 1979. - С. 341-358.

74. Грамматика современного русского литературного языка (отв. ред. Н. Ю. Шведова) М., «Наука», 1970.
75. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода [Текст] / А.-Ж. Греймас. - М.: Академический проект, 2004.
76. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. [Текст] / Н.И. Греч. - СПб, 1827
77. Грудева, Е.В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте: монография [Текст] / Е.В. Грудева. – Череповец: [б. и.], 2007.
78. Гуревич, В. В. Актуальное членение предложения в его разных проявлениях [Текст] / В.В. Гуревич // Вопросы языкознания. – 2004. -№3. – С 69-87.
79. Даниэль, М.А. Обязательность и контекстная вытеснимость (к описанию грамматической периферии) [Текст] /М.А. Даниэль, В.А. Плунгян // Известия РАН, серия ЛиЯ. - 1996. Т. 55. - Вып. 1. - С. 61-66.
80. Дейк, Т. А. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1987. Вып. 23. – С. 153-211.
81. Дейк, Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста [текст] / Т. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. -Вып. 23. -М.: Прогресс, 1988.-С. 153-211.
82. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк; пер. с англ. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
83. Дзидзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации [Текст] / Т.М. Дзидзе. – М.: Наука, 1984. – 268 с.
84. Диброва, Е. И. Касаткин, Л.Л. Николина, Н.А. Современный

- русский язык: Теория; Анализ языковых единиц, Часть 2: Морфология. Синтаксис. [Текст] / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина // Учебник для вузов (под ред. Дибровой Е.И.) Изд. 2-е, испр., доп. – М, 2001. – 480 с.
85. Долинин, К.А. Имплицитное содержание высказывания [Текст] / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. - 1983. - № 6. - С. 34-47.
86. Драганов, А. К. К вопросу о «скрытых» грамматических категориях [Текст] / А.К. Драганов // Изв. СКНЦВШ. Сер. общ. науки. – 1977. – № 3. – С. 71-74.
87. Дресслер, В. К проблеме индоевропейской эллиптической анафоры [Текст] / В. Дресслер // Вопросы языкознания. - 1971. - № 1. - С. 94-103.
88. Дымарский, М. Я. Понятие сверхфразовой организации текста (на материале рассказа В. В. Набокова «Возвращение Чорба») [Текст] / М.Я. Дымарский // Текст. Узоры ковра. Ч.1. Общие проблемы исследования текста. СПб. – Ставрополь, 1999. – С. 27-34.
89. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. - 1964. - № 6. - С. 26-38.
90. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды [Текст] / А.А. Залевская. - М.: Гнозис, 2005.
91. Звегинцев, В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика [Текст] / В.А. Звегинцев.-М., 1967.
92. Зеликов, М.В. Эллиптические модели в языках Испании (Ареальные черты, происхождение и функционирование) [Текст] / М.В. Зеликов // Вопросы языкознания. - 1994. - № 1. - С. 100-113.
93. Зимнухова С.А. Безглагольные эллиптические конструкции в их соотношении с грамматическим строем языка. Дис. канд. филол.

- наук [Текст] / С.А. Зимнухова. Барнаул, 2011. – 553 с.
94. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности [Текст] / И.А. Зимняя. -М.-Воронеж, 2001.
95. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. [Текст] / Г.А. Золотова. – М., 2001. – 368 с.
96. Золотова, Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста [Электронный ресурс] / Г.А. Золотова // Синтаксис текста. – М: Наука, 1979. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/zolotova.htm>
97. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, Н. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. [Текст] / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, Н.Ю. Сидорова. – М., 2003. – 544 с.
98. Золотова, Г.А. О возможностях грамматической науки [Текст] / Г.А. Золотова // Вопросы языкознания. - 2006. - № 3. - С. 14-21.
99. Иванов, Н. В. Актуальное членение предложения: на пути к новой парадигме теории [Электронный ресурс] / Н.В. Иванов // Проблемы и перспективы развития лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Вып. 3. Сборник научных статей по материалам Международной конференции «История и теория языка. Принципы преподавания иностранных языков». Т. 1. – М.: Резонанс, 2009. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/files/63216/63216.pdf>
100. Ившин, В. Д. Коммуникативный синтаксис современного английского языка: актуальное членение предложения: дис. ... д-ра филол. наук / Ившин В. Д. – М., 1992. – 429 с.
101. Ильенко, С.Г. Об одном из синтаксических парадоксов: Коммуникативное превосходство неполного предложения как следствие его структурной ущербности [Текст] / С.Г.Ильенко//

- Русистика: Избр. труды. - СПб.: Изд-во РГПУ, 2003.-С. 47-56.
102. Ильиш, Б. А. Об актуальном членении предложения [Текст] / Б.А. Ильиш // Вопросы теории английского и немецкого языков. – М., 1969. – С. 27-33.
103. Имплицитность в языке и речи [Текст] / Отв. ред. Е.Г.Борисова и Ю.С. Мартемьянов. - М.: Языки русской культуры, 1999.
104. Казеин, К.И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке [Текст] / К.И. Казенин // Вопросы языкознания. - 2007. -№ 2. - С. 92-107.
105. Калинин А.Н. Синтагматика и синтаксис парцеллированных конструкций в современном английском языке. [Текст] / А.П. Калинин. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 24 с.
106. Калинин, А.Н. Синтагматика и синтаксис парцеллированных конструкций в современном английском языке: дис. . канд. филол. наук [Текст] / А.Н. Калинин. Самара, 2005. - 199 с.
107. Каменская О. Л. Текст и коммуникация [Текст] / О.Л. Каменская. — М.: Высшая школа, 1990. — 152 с.
108. Каменская, О.С. Текст и коммуникация [Текст] / О.С. Каменская. - М.: Высшая школа, 1990.
109. Кандинский, Б. С. Экспериментальный анализ коммуникативной организации текста [Текст] / Б.С. Кандинский // Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р. Г. Котов. М., 1990. – С. 210-221.
110. Канке, В. А. Философия. [Текст] / В.А. Канке. – М.: Логос, 2001. – 344 с.
111. Караулов, Ю. Н., Петров, В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса [Текст] / Ю.Н. Караулов, В.В.

- Петров // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 5-11.
112. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. [Текст] / В.Б. Касевич. – СПб., 1996. – 288 с.
113. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. [Текст] / В.Б. Касевич. – М., 1988. – 309 с.
114. Касевич, В.Б. Актантная структура глагольной конструкции в китайском языке и эллипсис [Текст] / В.Б. Касевич, Т.Н. Никитина // Китайское языкознание: IX Междунар. конф.: Материалы. - М., 1998. - С. 86-90.
115. Касевич, В.Б. Нули, эллипсис, etc [Текст] / В.Б. Касевич // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филол. фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та / Гл. ред. Л.А. Вербицкая. - СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2004. - С. 196-208.
116. Касевич, В.Б. Труды по языкознанию. Т. 1. [текст] / В.Б. Касевич. - СПб., 2006
117. Кацитадзе, И. М. Категория определенности / неопределенности существительных: функционально-семантический анализ средств ее выражения в русских и немецких газетных текстах. / И.М. Кацитадзе: Дисс. канд. филол. наук. – Ростов-н-Д., 2008. – 179 с.
118. Кацнельсон, С.Д. Заметки о падежной теории Ч. Филлмора [Текст] / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. - 1988. - № 1. - С. 110-117.
119. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление. - 2-е изд. [Текст] / С.Д. Кацнельсон. - М.: УРСС, 2002.
120. Кибрик, А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики [Текст] /

- А.Е.Кибрик //Вопросы языкознания. - 1997.-№ 4.
121. Кленина, А. В. Связное высказывание в научной речи [Текст] / А.В. Кленина: Дис. канд. филол. наук. – М., 1975. – 276 с.
122. Кобзев, П.В. Неполные предложения присоединительного типа в современном литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / П.В. Кобзев. Ленинград, 1966. - 24 с.
123. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода. [Текст] / И.М. Кобозева // Труды международного семинара Диалог'2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М.: Наука, 2002. – С. 267-271.
124. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. - 2-е изд. [Текст] / И.М. Кобозева.-М.: Едиториал УРСС, 2004.
125. Ковалева, К. И. Оригинал и перевод: два лица одного текста. [Текст] / К.И. Ковалева. – М., 2001. – 97 с.
126. Ковтунова, И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX вв. [Текст] / И.И. Ковтунова. – М., 1969.
127. Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения [Текст] / И.И. Ковтунова. - М.: Просвещение, 1976. - 239 с.
128. Кожевникова, К. Об аспектах связности в тексте как в целом. [Текст] / К. Кожевникова // Синтаксис текста. – М., 1979. – С. 49-67.
129. Кожевникова, К. Формирование содержания и синтаксис художественного текста [Текст] / К. Кожевникова // Синтаксис и стилистика. М., 1976. – С. 301-315.
130. Колесников Н.Г. Неполные предложения, их структура и условия употребления. Автореф. дис. канд. филол. наук. [Текст] / Н.Г.

- Колесников. Тбилиси, 1954. - 19 с.
131. Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.
132. Колокольцева Т.Н. Структурно-незавершенные высказывания в русской разговорной речи. Автореф. дис.... канд. филол. наук. [Текст] / Т.Н. Колокольцева. — Саратов, 1984. – 18 с.
133. Колотилова, Н.С. Редукция актантов как средство организации текста (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. фи-лол. н. [Текст] / Н.С. Колотилова. - М., 1983.
134. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст] / Г.В. Колшанский. - М.: Наука, 1984. - 175 с.
135. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика. [Текст] / Г.В. Колшанский. – М., 1980. – 149 с.
136. Кондильяк, Э. Б. Сочинения в 3-х томах. [Текст] / Э.Б. Кондильяк // М.: Мысль, 1980 – 1983. – Серия «Философское наследие».
137. Копотев, М.В. Разметка синтаксической неполноты в корпусе [Текст] / М.В. Копотев, Г.Б. Гурин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог - 2007» (Бекасово, 30 мая - 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. - М.: Изд-во РГГУ, 2007. - С. 307-310.
138. Коровкин, М.М. Коммуникативный аспект экономии: имплицитен ли синтаксический эллипсис? [Текст] / М.М. Коровкин // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Сб. науч. тр. - Рязань, 2002. - С. 209-218.
139. Крушельницкая, К. Г. Коммуникативное задание предложения и способы его выражения. [Текст] / К.Г. Крушельницкая. – М., 1978.
140. Крылова, О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка.

- [Текст] / О.А. Крылова. – М., 1992. – 176 с.
141. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова // РЖ. - Сер. 6: Язык – 1999. – № 1. – С. 119-126.
  142. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст] / Е.С. Кубрякова. - М., 1986.
  143. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи [Текст] / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный. - М., 1991.
  144. Курилович, Е. Очерки по лингвистике [Текст] / Е. Курилович. - М., 1962.
  145. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
  146. Лангаккер, Р. У. Когнитивная грамматика [Текст] / Р. Лангаккер. - М., 1992.
  147. Лаптева, О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения предложения [Текст] / О.А. Лаптева // Вопросы языкознания.– 1972. - №2. – С. 35-47.
  148. Леденев Ю.И. Трудные вопросы синтаксиса. Тексты лекций. [Текст] / Ю.И. Леденев. - Ставрополь, 1988.
  149. Леденев Ю.И. Язык как система: Учеб пособие [Текст] / Ю.И. Леденев. - Ставрополь, 1984.
  150. Леденев Ю.Ю. Изофункциональность в синтаксисе [Текст] / Ю.Ю. Леденев. - Ставрополь, 2002.
  151. Леденев Ю.Ю. Изофункциональные явления в синтаксисе языка: Монография. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 180 с.
  152. Леденев Ю.Ю. Языковая изофункциональность: от когниции к дискурсу / Мат-лы VI Международной научной конференции

- «Язык, Культура, Общество» (Спецвыпуск журнала «Вопросы филологии») – М., 2011 . С. – 99-100.
153. Лекант 1983 Лекант П.А. Предикативная структура предложения // Средства выражения предикативных значений предложений. - М., 1983.
154. Лекант П.А. Об эллиптических предложениях в русском языке [Текст] / П.А. Лекант // Ученые записки МОПИ им. Н.К. Крупской. 1964. Т. 148. Вып. № 10.
155. Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации [Текст] / А.А. Леонтьев // Синтаксис текста / Отв. ред. Г. А. Золотова. М., 1979. – С. 18-36.
156. Леонтьева, Н. Н. Неполнота и смысловое сжатие в текстовом корпусе / Н. Н. Леонтьева // Труды Международной конференции «MegaLing'2005: Прикладная лингвистика в поиске новых путей», 2005 г. Симферополь, 2005. -С. 35-36.
157. Ломтев, Т.П. Предложения и его грамматические категории [Текст] / Т.П. Ломтев. М.: Изд-во МГУ, 1972. - 91 с.
158. Макаров, М. Л. Коммуникативная структура текста: конспект лекций. [Текст] / М.Л. Макаров. – Тверь, 1990. – 52 с.
159. Манаенко Г.Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения [Текст] / Г.Н. Манаенко. - Ставрополь, 2003. – 263 с.
160. Манаенко Г.Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения [Текст] / Г.Н. Манаенко. Ставрополь 2006 – 256 с.
161. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание: изд. 2-е. [Текст] / Ю.С. Маслов. – М., 1987. – 272 с.
162. Матвеева, Т. Ф. Актуальное членение высказывания и

- коммуникативная организация текста описательного типа. [Текст] / Т.Ф. Матвеева: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 218 с.
163. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения [Текст] / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. – С. 239-245.
164. Матезиус, В. Язык и стиль. [Текст] / В. Матезиус // В кн.: Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – 523 с.
165. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл – текст» [Текст] / И.А. Мельчук. – М., Наука, 1974.
166. Мельчук, И.А. О синтаксическом нуле [Текст] / И.А. Мельчук // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. - Л., 1974.
167. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи. [Текст] / И.И. Мещанинов. – М. — Л., 1945. – 210 с.
168. Милевская Т.В., Малащенко В.П. Русский синтаксис в системном описании. [Текст]/ Lap Lambert academic publishing, 2011. - 24 п.л.
169. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) [Текст] / Т.В. Милевская: монография. – Ростов-на-Дону, 2003. – 410 с.
170. Михеев, А.В. Лингвистический статус эллипсиса в тексте: Автореф. дис. канд. филол. н. [Текст] / А.В. Михеев. -М., 1982.
171. Москальская, О. И. Грамматика текста. [Текст] / О.И. Москальская. – М., 1981. – 132 с.
172. Мошегова Н.П. Синтаксическая комбинаторика в когнитивном и изофункциональном аспектах [Текст]: Автореф. дисс. канд. филол. наук, г. Ставрополь, 2007 – 22 с.
173. Мухин, А. М. Функциональный синтаксис. [Текст] / А.М. Мухин. – СПб: Наука, 1999. – 184 с.

174. Назаров А.Н. К вопросу о выделении неполных предложений в особый грамматический ип // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка. Куйбышев, 1963.
175. Никитина С.Е. Об одной разновидности эллипсиса // Тезисы научной конференции аспирантов Института языкознания АН СССР. [Текст] / С.Е. Никитина. М., 1963.
176. Николаева, Т. М. Актуальное членение – категория грамматики текста [Текст] / Т.М. Николаева // Вопросы языкознания, 1972. - №2. – С. 48-54.
177. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспектива [Текст] / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - Вып. VIII. - С. 5-39.
178. Николаева, Т. М. От звука к тексту [Текст] / Т.М. Николаева. – М., 2000. – 679 с.
179. Николаева, Т. М. Текст [Текст] / Т.М. Николаева // ЛЭС под ред. В.Н. Ярцевой . – 1990. – с.507-508.
180. Отрошко, Л. М. К проблеме коммуникативной значимости членов предложения в современном английском языке [Текст] / Л.М. Отрошко: Автореф. Дис. канд. филол. наук. – Калинин, 1973. – 28 с.
181. Падучева, Е. В. О референции языковых выражений с непредметным значением [Текст] / Е.В. Падучева // НТИ, сер.2, № 1 - 1986. – С. 23-31.
182. Падучева, Е.В. Эллипсис как нулевой анафорический знак [Текст] / Е.В. Падучева, Т.К. Лященко // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. - М., 1973. - № 5. - С. 20-25.
183. Панфилов, В. З. Грамматика и логика (Грамматическое и логико-

- грамматическое членение простого предложения) [Текст] /В.З. Панфилов, М.—Л., 1963. – 77 с.
184. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции [Текст] // Русский язык и советское общество. Социолингвистические исследования. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / под ред. М.К. Панова. М., 1960.
185. Петрова, Н. В. Текст и дискурс [Текст] / Н.В. Петрова // Вопросы языкознания, 2003. - №6. – С. 123-131.
186. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. - Изд. 7-е. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
187. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах [Текст] / С.Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.
188. Попов А. С. К вопросу о неполных предложениях в современном русском языке [Текст] / А.С. Попов // НДВШ. Филологические науки. 1989. № 8.
189. Попова И.А. Неполные предложения [Текст] /И.А. Попова // Современный русский язык. М.: Просвещение, 1953. – 274 с.
190. Попова И.А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды института языкознания АН СССР. М., 1953. Т.2.
191. Попова, З. Д. Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М., 2007. – 314 с.
192. Поспелов, Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке [Текст] / Н.С. Поспелов // Труды кафедры русского языка МГУ.— Вып. 137, кн. 2. – М., 1948. – С. 31-41.

193. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. Т. I-II. -М., 1958.
194. Пумпянский, А. Л. О логико-грамматическом членении предложения [Текст] / А.Л. Пумпянский // Вопросы языкознания, 1972. - №2. – С. 66-67.
195. Пфютце, Я. Грамматика и лингвистика текста [Текст] / Я. Пфютце // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - Вып. XIII. - С. 218-242.
196. Рамазанова Р.Т. Когезивные синтаксические средства в разноструктурных языках в аспекте языковой изофункциональности (на материале современных арабских и русских публицистических текстов) [Текст] : Автореф. дисс. канд. филол. наук, г. Ставрополь, 2012 – 24 с.
197. Распопов, И. П. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке [Текст] / И.П. Распопов: Автореферат дис. док. филол. наук. – М., 1964. – 41 с.
198. Распопов, И. П. Современные методы синтаксических исследований [Текст] / И.П. Распопов. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970. – 50 с.
199. Реутова О.И. Эллиптические предложения в современном английском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 663 (английский язык). [Текст] / О.И. Реутова - М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1968. - 21 с.
200. Реферовская, Е. А. ◦ лингвистические исследования структуры текста. [Текст] / Е.А. Реферовская. – Л., 1983. – 214 с.
201. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. [Текст] / Е.А. Реферовская. – М., 2007. –

165 с.

202. Русский язык. Энциклопедия [Текст] / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М. : Больш. Рос. Энцикл.: Дрофа, 1998. - 703 с.
203. Рыженко, Ю.А. Эллиптические предложения со значением бытия в современном русском языке: дис. канд. филол. наук [Текст] / Ю.А. Рыженко. - М., 2001.- 167 с.
204. Рябов В.Н. Русские интраязыковые лакуны (формально-семантический аспект). [Текст] / В.Н. Рябов. Краснодар, 1997.
205. Рядчикова Е.Н. Конструкции с синтаксической аппликацией простого неполного предложения: Автореф. дис. . канд. филол. наук. [Текст] / Е.Н. Рядчикова. - Ростов н/Д., 1989.
206. Серкова, Н. И., Снегирева, Т. А. Коммуникативный синтаксис [Текст] / Н.И. Серкова, Т.А. Снегирева. – Хабаровск: изд-во ХГПИ, 1979. – 92 с.
207. Сиротинина, О. Б. Об актуальном членении в разговорной речи [Текст] / О.Б. Сиротинина // Papers of functional sentence perspective. – Prague, Academia, 1974. – С. 172-174.
208. Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. [Текст] / Е.С. Скобликова – М.: Флинта, 2006.
209. Сковородников А.П. О классификации парцелированных предложений в современном русском литературном языке [Текст] / А.П. Сковородников // Филологические науки. №2. 1978.
210. Сковородников А.П. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе [Текст] / А.П. Сковородников // Вопросы языкознания. — 1973. — № 3. — С. 114–125.
211. Сковородников А.П. О системе экспрессивных синтаксических конструкций современного русского литературного языка [Текст] / А.П. Сковородников // Филологические науки. 1982. №1.

212. Сквородников А.П. О соотношении понятий «парцелляция» и «присоединение» [Текст] / А.П. Сквородников // Вопросы языкознания. 1978. №1.
213. Скороходько Э.Ф. Вопросы перевода английской технической литературы. Киев: Изд-во Киевского университета, 1963. — 91 с.
214. Слюсарева, Н. А. Категориальная основа тема-рематической организации предложения [Текст] / Н.А. Слюсарева // Вопросы языкознания. - 1986. - № 4. - С. 3-15.
215. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка. [Текст] / А.И. Смирницкий // М.: изд-во иностр. лит., 1957. – 286 с.
216. Современный русский язык [Текст] / Под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997.
217. Современный русский язык [Текст] / Под ред. П.А. Леканта. М.: 2007.
218. Солганик, Г. Я. Практическая стилистика русского языка [Текст] / Г.Я. Солганик. – М., 2006. – 304 с.
219. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика [Текст] / Г.Я. Солганик. – М., 1991. – 232 с.
220. Солганик, Г. Я. Стилистика текста [Текст] / Г.Я. Солганик. – М., 2000. – 256 с.
221. Солнцев, В. М. Языковые знаки его свойства [Текст] / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1977. – № 2. – С. 15-28.
222. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста [Текст] / Ю.А. Сорокин. – М., 1985. – 168 с.
223. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. [Текст] / Ю.С. Степанов. - М., 1985. – 335 с.

224. Степанов, Ю. С. Литературоведческий и лингвистический подходы к анализу текста [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык. Литература. Поэтика. – М., 1988. – С. 125-140.
225. Теплякова, Т. П. К понятию глубинной структуры текста [Текст] / Т.П. Теплякова // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи: Тезисы к 6-му зональному научному совещанию Вост.-Сиб. региона. – Иркутск, 1981.
226. Тимченко, О.С. Неполные предложения в составе бессоюзных сочетаний предложений [Текст] / Тимченко, О.С // Язык. Дискурс. Текст: IV международная научная конференция, посвящ. юбилею проф. В.П. Малащенко: Труды и материалы.– Ч.П.–. Ростов н/Д: РГПУ, 2009.
227. Тураева, З. Я. Лингвистика текста [Текст] / З.Я. Тураева. – М., 1983. – 144 с.
228. Туранский, И. И. О вариативности соположения «основа – ядро» в категории актуального членения предложения [Текст] / И.И. Туранский. – М.: изд-во МГПИИЯ, 1968. – С. 78-94.
229. Турасова, А.В. Двусоставные безглагольные конструкции в современном русском языке (к вопросу о неполных предложениях). Дис. канд. филол. наук [Текст] / А.В. Турасова. Л., 1956. - 186 с.
230. Факторович А.Л. Выражение смысловых различий посредством эллипсиса [Текст] / А.Л. Факторович. - Харьков, 1991.
231. Факторович А.Л. Конструктивно обусловленные и нерегулярные реализации сложноподчиненных предложений: Автореф. ... канд. фи-лол. наук. [Текст] / А.Л. Факторович. - М., 1990.
232. Факторович А.Л. О функциональном описании неполных предложений [Текст] / А.Л. Факторович // Функциональное описание языка в целях преподавания. М., 1985.

233. Факторович А.Л. Об эллиптическом зачине в прозаической литературе Бунина [Текст] / А.Л. Факторович. // И.А. Бунин и русская литература. Елец, 1990.
234. Филиппов, К. А. Лингвистика текста [Текст] / К.А. Филиппов. – М., 2003. – 340 с.
235. Филлмор Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. - Вып. X. - М.: Прогресс, 1981.
236. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая семантика. - Вып. X. - М.: Прогресс, 1981.
237. Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды, т. II [Текст] / Ф.Ф. Фортунатов. – М., 1957. – 437 с.
238. Холодович, А.А. О второстепенных членах предложения (из истории и теории вопроса) [Текст] / А.А. Холодович // Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. - Л.: Наука, 1979. - С. 211-227.
239. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса [Текст] / Н. Хомский. – М.: Нака, 1972. – 172 с.
240. Храковский, В.С. Понятие сирконстанта и его статус [Текст] / В.С. Храковский // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. Вып. 36. - М., 1998. -С. 141-153.
241. Хэллидей, М. А. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания [Текст] / М.А. Хэллидей // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 138-148.
242. Чейф, У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения [Текст] / У. Чейф // Новое в зарубежной

- лингвистике. - М., 1982. - Вып. XI. - С. 281-300.
243. Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа [Текст] / В.Е. Чернявская // Филологические науки, 2003. – № 3. – С. 68-76.
244. Черняховская, Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы [Текст] / Л.А. Черняховская // Вопросы языкознания. 1983 - № 6. – С. 118-126.
245. Чиркина Н.П. О разграничении номинативных и двусоставных предложений // Русский язык в школе. 1969. - № 5. - С. 64-68.
246. Чувакин А.А. О структурой классификации неполных предложений [Текст] / А.А. Чувакин // НДВШ, Филологические науки, 1974, №5, с. 104-108.
247. Чувакин А.А. Об основаниях структурной классификации неполных предложений современного русского языка. [Текст] / А.А. Чувакин // Вопросы синтаксиса русского языка (сб. стат.) под ред. Валимовой Г.В., Ростов - на - Дону, 1971, с. 54-60.
248. Чувакин А.А. Структурно-синтаксические разновидности ситуативных неполных предложений в современном русском языке: Автореф. канд. филол. наук [Текст] / А.А. Чувакин - Ростов н/Д., 1971.
249. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. –2-е изд. - М.:Наука, 1999. 377 с
250. Шевченко, Н. В. Основы лингвистики текста [Текст] / Н.В. Шевченко. – М., 2003. – 160 с.
251. Шевякова, В. Е. Актуальное членение предложения. [Текст] / В.Е. Шевякова // М.: Наука, 1976. – 136 с.
252. Шевякова, В. Е. Сверхфразовое единство [Текст] / В.Е. Шевякова // ЛЭС под ред. В.Н. Ярцевой . – 1990. – С. 435.

253. Шендельс, Е. И. Внутренняя организация текста [Текст] / Е.И. Шендельс // Иностранные языки в школе. 1987, № 7. – С. 16-21.
254. Шешукова, Л. В. Об актуальном членении сложных предложений [Текст] / Л.В. Шешукова // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1972. – № 4. – С. 69-78.
255. Ширяев Е.Н. Основы системного описания незамещенных синтаксических позиций [Текст] / Е.Н. Ширяев // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984.
256. Шмелёв, А.Д. Типы «невыраженных валентностей» [Текст] / А.Д. Шмелев // Семиотика и информатика. Сб. науч. статей. Вып. 36. - М., 1998. - С. 167— 176.
257. Шмелев, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М., 1976. – 150 с.
258. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: (Экспериментальное исследование) [Текст] / А.С. Штерн. – СПб., 1992. – 270 с.
259. Шутова Е. И. Коммуникативный аспект предложения как синтаксический факт // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. – М.: Наука, 1984. – С. 165-178.
260. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка [Текст] / Л.В. Щерба. - М., 1963. - 303 с.
261. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Текст] / Гл. ред. И.Т. Касавин. – М: «Канон +» РООИ «Реабилитация». – 1248 с.
262. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»,

- РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
263. Якобсон, Р.О. Нулевой знак [Текст] / Р.О.Якобсон //Якобсон Р.О. Избранные работы. - М., 1985. - С. 222-230.
264. Янко, Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко. - М., 2001.
265. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика [Текст] / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 110 с.
266. Adames, P. Семантическая интерпретация «значимых нулей» в русских предложениях / P. Adames // Языки стих в России / Сб. в честь Дина С. Ворты к его 65-летию. - М.: Вост. лит-ра РАН, 1995. - С. 9-18.
267. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language [Text] / D. Crystal. – Cambridge, 1987. – 506 p.
268. Harris, Z. S. Discourse Analysis: A Sample Text [Text] / Z.S. Harris // Language. № 4. 1963. – P. 146-152.
269. Mathesius, V. On Some problems of the Systematic Analysis of Grammar [Text] / V. Mathesius // Travaux du Circle Linguistique de Prague, - Prague, 1936. – P. 95-107.
270. Veikhman, G. A. A New Look at English Syntax [Text] / G.A. Veikhman. – М.: Астрель, 2002. – 320 p.

Список словарей, справочников и энциклопедий:

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М., 1966. – 607 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / М., 1970. – 542 с.
3. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник [Текст] / Н.И.

- Кондаков. – М., 1975. – 569 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – 685 с.
  5. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Ж. Марузо. – М., 1960. – 436 с.
  6. Розенталь, Д. Э. Теленкова, М. А. Словарь справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь // Пособие для учителя. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: 1985 – 399 с.
  7. Русская грамматика [Текст] / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
  8. Русский язык. Энциклопедия [Текст] / Гл. Ред. Ф.П. Филин. – М.: «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с. с илл.
  9. Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. Т.2 [Текст]. – М., 1982. – 736 с.
  10. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. Т.1. [Текст]. – М., 1950. – 767 с.
  11. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. Т.7. [Текст]. – М., 1958. – 1340 с.

Интернет-ресурсы:

1. www.ruscorpora.ru
2. www.wikipedia.org
3. www.scholar.ru
4. www.krugosvet.ru

Список литературных источников:

1. Акунин Б. Особые поручения. – М.: Изд-во Захаров, 2011.
2. Веллер М. Байки скорой помощи. – М., 2002.
3. Веллер М. Легенды Невского проспекта. – М., 2002.
4. Веллер М. Самовар. – М., 2008.
5. Высоцкий В. Собрание сочинений в одном томе. – М.: ЭКСМО, 2011.
6. Гранин Д. Иду на грозу. – М.: Азбука - Классика, 2009.
7. Довлатов С. Собрание сочинений в 3-х тт. – М., 2003.
8. «Комсомольская правда», 2009-2012 гг.
9. Пелевин В. Generation X. – М., 2009.
10. Солженицын А.И. Собрание сочинение в 3-х тт. – Ростов-на-Дону, 2002.
11. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Гадкие лебеди. – М., 2002.
12. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Пикник на обочине. – М., 1996.
13. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. – М., 1999.
14. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Трудно быть богом. – М., 2002.
15. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Хищные вещи века. – М., 2002.
16. Токарева В. Талисман. Повести и рассказы. – С-Пб., 2003.
17. Шукшин В. Рассказы. Ростов-на-Дону, – 2003.
18. Ярославцев Б. Поиск предназначения. – М., 2001.